

Введение

Быть может, читателю любопытно будет узнать, что у автора имеется фактическое основание к последующей истории.

Лет двадцать пять или тридцать тому назад нам пришлось слышать об одном предприимчивом бродячем торговце, посетившем местность за Килиманджаро, туземцы которой рассказывали ему о легендарных сокровищах, схороненных там в земле. Сокровища эти якобы были оставлены португальскими путешественниками приблизительно в XVI веке. Путешественники эти были впоследствии убиты, и предприимчивый торговец сделал попытку открыть клад при помощи гипнотизера. Согласно этому рассказу, ребенок, который служил медиумом в гипнотическом эксперименте, в состоянии транса способен был рассказать в подробностях приключения и смерть несчастных португальцев, мужчин и женщин, из которых двое погибли, соскочив с вершины скалы в реку Замбези. Хотя ребенок знал только английский язык, он, как говорят, сумел повторить по-португальски молитвы несчастных путешественников и даже спеть гимны, которые они пели. Более того, он со многими подробностями описал, как был спрятан клад, и с такой точностью указал местонахождение его, что белые получили возможность найти место, где клад когда-то находился, — мешки исчезли, смытые водою реки.

Были, впрочем, найдены на месте клада немногие золотые монеты, в том числе дукат с изображением Алоизия Мочениго, дожа Венеции. Впоследствии мальчик, находясь в новом трансе (всего он был загипнотизирован восемь раз), открыл, где находились мешки, но прежде, чем белый торговец успел возобновить поиски, он был изгнан из той местности суеверными туземцами, от которых белые спаслись с большим трудом.

Необходимо прибавить, что вождь племени, являющийся в последующем рассказе действующим лицом трагедии, объявил местонахождение клада заповедным и воспретил туземцам приближаться к нему, чтобы не навлечь несчастья на племя. Этот запрет не нарушался до тех пор, пока потомки этого племени не были оттеснены от реки врагами. От этих потомков белый и услышал легенду.

ГЛАВА I

Признания

Как прекрасна была эта ночь! Воздух был неподвижен; черный дым из труб почтового парохода «Занзибар» низко стлался над поверхностью моря, наподобие больших плывущих перьев страуса, исчезая постепенно в свете звезд. Бенита-Беатриса Клиффорд (таково было полное имя нашей героини: Бенитой она называлась по матери, а Беатрисой — по тетке с отцовской стороны) стояла, прислонившись к борту, и думала о том, что ребенок мог бы плавать в лодке по этому спокойному морю и достигнуть порта без всякой опасности. К ней подошел высокий человек лет тридцати с сигарой во рту. Увидев его, она слегка отодвинулась, как бы для того, чтобы дать ему место рядом с собою. В этом движении было нечто, что дало бы наблюдателю, если бы здесь находился наблюдатель, основание заключить, что между ними была дружба или еще большая близость. Мгновение он колебался, выражение нерешительности, даже боязни появилось на его лице. Казалось, он стоял перед тяжелым выбором: принять это приглашение или нет, как будто бы это было делом большой важности.

И в самом деле от этого зависело многое, быть может судьба обоих...

Если бы Роберт Сеймур решился выкурить свою сигару в одиночестве, быть может, эта история имела бы совсем другой конец. Впрочем, кто может сказать, как бы она вообще окончилась? Некоторые слова не были бы произнесены, и зловещая судьба миновала бы их. Они были бы насильственно разлучены, и, если бы даже оба пережили следовавшие ужасные события, не могло быть надежды, чтобы линии их жизни снова скрестились в необъятной Африке.

Но судьба сулила им иное. Как только он сделал шаг

по направлению к ней, Бенита заговорила своим низким и приятным голосом:

— Куда вы идете, мистер Сеймур? В курительную или в танцевальный зал? Один из офицеров только что сказал мне, что там собираются танцевать,— затем прибавила:— Сегодня так тихо, что можно вообразить себя на берегу.

— Ни туда, ни сюда,— ответил он:— в курительной душно, а для танцев я стар. Нет, я собирался совершить моцион после обильного обеда, а потом усесться в кресле и заснуть. Но,— прибавил он, заинтересованный,— как вы догадались, что это я? Ведь вы даже не повернули головы?

У меня есть не только глаза, но и уши,— ответила она, посмеиваясь,— после месяца знакомства на этом корабле я могла выучиться различать ваши шаги.

— Я не помню, чтобы кто-нибудь когда-либо узнавал меня по походке,— сказал он, как будто рассуждая сам с собой. Он подошел и прислонился к борту рядом с ней. Его нерешительность прошла. Жребий был брошен.

Некоторое время они молчали, потом он ее спросил, будет ли она танцевать.

Бенита покачала головой.

— Отчего же? Ведь вы любите танцевать и умеете танцевать. Среди офицеров сколько угодно кавалеров, в особенности капитан...— и он остановился.

— Конечно,— сказала она,— это бы мне доставило удовольствие. Но, мистер Сеймур, вы меня не сочтете глупой, если я вам скажу кое-что?

— Я никогда не считал вас глупой, мисс Клиффорд, и не вижу повода к этому. В чем дело?

— Я не иду танцевать, потому что боюсь, да, ужасно боюсь.

— Боитесь? Чего?

— Не знаю, но чувствую, мистер Сеймур, как будто бы мы все находимся на пороге какой-то ужасной катастрофы. Как будто всех нас ждут перемены, как будто в нашу жизнь должна ворваться другая, новая, неведомая. Это ощущение охватило меня за обедом, вот почему я вышла из-за стола. Я взглянула на всех, и все мне показались совершенно иными, да, за исключением немногих.

— Я тоже переменялся? — спросил он с любопытством.

— Нет, вы — нет.

— А вы тоже стали другой?

— Я не знаю, я была только наблюдателем, но не наблюдаемой. Я всегда была такой...

— Нездоровье, — сказал он задумчиво, — слишком обильный обед, обильный и продолжительный. Я, впрочем, вам сказал, что собирался совершить моцион.

— А потом улечься спать?

— Да, вначале моцион, потом сон. Мисс Клиффорд, в этом правило жизни и... смерти. Со сном кончаются мысли, поэтому для некоторых из нас катастрофа была бы желанной, она бы принесла долгий сон и избавила бы от мыслей.

— Я сказала, что они переменились, но они не перестали мыслить, быть может, мыслить еще мучительнее.

— Тогда будем надеяться, что катастрофа нас миновала. Вам же я рекомендую принять висмут и соду. Впрочем, в такую погоду трудно вообразить себе что-либо подобное. Посмотрите-ка туда, мисс Клиффорд, — прибавил он с живостью и указал на восток.

Ее взор направился в сторону протянутой руки: там над простором океана поднимался огромный диск африканской луны, и вдруг весь океан засеребрился, огромная полоса дрожащего серебра протянулась до их ног. Теплый мягкий свет ударил в судно, и все засветилось — от заостренных мачт до каждой мелочи снастей. Свет заливал все сверху донизу, открывая панораму окаймленного пеной берега, усеянного утесами с купами кустов. Стали видны даже отдаленные хижины кафрских поселков. Осветились и их лица — они увидели друг друга.

У него преобладали светлые краски — белая кожа, белокурые волосы с легкой проседью, в особенности в усах; бороды он не носил. Резко выраженные черты лица не отличались большой красотой, так как, несмотря на приятность, были неправильны. Скулы слишком выдавались, а подбородок был мал; этот недостаток до некоторой степени искупали серые живые глаза, смотревшие с уверенностью. Он был широк в плечах и строен, какой-то неуловимый оттенок благородства был разлит во всем его существе. Такова была наружность Роберта Сеймура.

Стоявшая рядом с ним девушка казалась при свете луны очень привлекательной, хотя на деле она не была тем, что называется хорошенькой, за исключением, может быть, ее фигуры — гибкой, женственной и свое-

образно и
с темным
ртом, ее
ее носил
временам
она не б
кательной
Она с
их ногами
— Ве
спросила
— Бо
бы от ме
дальше,
ностей. М
кромным,
Вы мне н
— Это
я вам рас
Он кин
в которые
кой; лица
— Вы
там до т
говорить
Мой отец
Дед был
Клиффор
положени
моем суц
— Я
прошлым
разразила
должайте
— Ит
знаю из-
на мисс
моей буб
Андреаса
сам он н
Я помню
и борода
было мн
скота. В
нем

образно изящной. Не совсем обычным казалось ее лицо с темными глазами, с большим, но очень подвижным ртом, ее светлые волнистые волосы, широкий лоб; лицо ее носило обычно выражение задумчивости, но по временам освещалось мимолетной улыбкой. В общем, она не была красивой, но в высшей степени привлекательной.

Она смотрела на луну и на серебряную дорогу под их ногами, потом обратилась взором к берегу.

— Ведь мы очень близко от берега Африки? — спросила она.

— Боюсь, что слишком близко, — ответил он, — если бы от меня зависело, я бы постарался держаться подальше, — это очень опасное место, полное неожиданностей. Мисс Клиффорд, не сочтете ли вы меня нескромным, если я вас спрошу: как вы здесь очутились? Вы мне ничего об этом не говорили.

— Это довольно грустная история, но, если хотите, я вам расскажу. Хотите?

Он кивнул головой и пододвинул два складных кресла, в которые они уселись в уголке под спасательной лодкой; лица их были обращены к морю.

— Вы знаете, что я родилась в Африке и жила там до тринадцати лет; мне кажется, что я еще умею говорить по-зулусски; я говорила сегодня после обеда. Мой отец был одним из первых колонистов в Натале. Дед был младшим сыном линкольнширской ветви Клиффордов. Они там до сих пор занимают важное положение, но я сомневаюсь, чтобы они слышали о моем существовании.

— Я их знаю, — ответил Роберт Сеймур, — еще прошлым ноябрем я охотился в их владениях, когда разразилась катастрофа. — Он вздохнул. — Но продолжайте.

— Итак, отец мой рассорился со своим отцом, не знаю из-за чего, и эмигрировал. В Натале он женился на мисс Феррейра, моей матери. Ее имя, как мое и моей бабушки, Бенита. Она была одной из двух дочерей Андреаса Феррейра, который женился на англичанке; сам он наполовину голландец, наполовину португалец. Я помню его хорошо. Это был старик с черными глазами и бородою цвета железа. Он был богат, то есть у него было много земли в Натале и в Трансваале и много скота. Вы видите, что сама я наполовину и англичанка, немного голландка и больше чем на четверть порту-

галка — полное смещение рас. Отец мой и мать не ладили друг с другом. Мистер Сеймур, скажу вам всю правду: он пил, и хотя безумно любил жену, она его ревновала; потом он проиграл большую часть ее состояния, и после смерти старого Андреаса Феррейра они остались бедняками. Однажды ночью между ними разыгралась ужасная сцена, он рассвирепел и ударил ее. Мать моя, следует сказать, была храбрая и решительная женщина, она повернулась к нему и сказала (я сама это слышала): «Я вам никогда этого не прощу, между нами все кончено».

На следующее утро, когда мой отец протрезвился и стал молить о прощении, она ему не отвечала, хотя он собирался уехать куда-то на пару недель. Когда он уехал, она приказала заложить повозку, уложила свои вещи, захватила немного денег, которые сберегла, и уехала в Дурбан; отдав некоторые распоряжения банку относительно маленькой ренты, она уехала со мной в Англию. Отцу моему она оставила письмо, в котором написала, что больше не желает его видеть и что, если он попытается искать меня, она отдаст меня под покровительство английского суда, который не допустит, чтобы меня забрал к себе пьяница.

Приехав в Англию, мы поселились в Лондоне у моей тетки, которая была замужем за майором Кингом, но к тому времени осталась вдовой с пятью детьми. Мой отец часто писал моей матери, прося ее вернуться к нему, но она не хотела, и я думаю, что она не была права. Это тянулось лет двенадцать или больше, пока мать внезапно не умерла. Я унаследовала ее маленькое состояние, приблизительно фунтов двести-триста в год. Это было около года тому назад. Я написала своему отцу о ее смерти и получила ответ, полный горя. Он мне писал несколько раз, умолял приехать к нему и не дать ему умереть в одиночестве; он говорил, что его сердце не выдержит, если я не приеду, что он давно оставил пьянство, которое погубило его жизнь, и в подтверждение этого прислал удостоверение, подписанное судьей и врачом. Итак, вопреки предостережениям моей тетки и ее детей, я согласилась уехать к отцу, и вот я здесь.

Он должен встретить меня в Дурбане; но как сложатся наши отношения — этого я сказать не могу. Я знаю только, что хочу его видеть, потому что прежде всего он мой отец.

— Это по
всех отношениях
в задумчивости.
— Это мой
частенько подал
простор, и силь
молода и силь
которой я помн
вернуться.
— Да, по к
туда. Странная
вашего отца.
я вспомнил: эт
— Но где
она, удивленн
— В дово
я посещал в
года тому на
вившись от в
мой уже уме
чению Замбе
повернуть к
нам о сущес
холме, котор
милях ниже
крутого скло
трудно, зах
и двинулись
предполагал
было; преж
Тут мы
по-нашему,
направилис
В пала
как ночь б
один поста
молодцеват
черной за
столе куч
вниматель
говорить,
схватил
к нему, ц
— Не
чане.

— Это похвально, что вы приехали, похвально во всех отношениях. У вас доброе сердце,— сказал Роберт в задумчивости.

— Это мой долг. Впрочем, меня не пугает Африка. Частенько мне хотелось вернуться сюда, в здешний простор, подальше от лондонских улиц и туманов. Я молода и сильна, мне хочется быть в обстановке, о которой я помню с детства. В Лондон же всегда можно вернуться.

— Да, по крайней мере, некоторые могут вернуться туда. Странная вещь, мисс Клиффорд, но я встречал вашего отца. Он мне вспоминался все время. Теперь я вспомнил: это был Клиффорд.

— Но где же вы с ним встречались? — спросила она, удивленная.

— В довольно странном месте. Как я вам говорил, я посещал в разное время Южную Африку. Четыре года тому назад я в этих местах охотился. Отправившись от восточного побережья, мы с братом (брат мой уже умер) очутились в стране Матабеле, по течению Замбези; не найдя там зверя, мы собирались повернуть к югу, когда несколько туземцев рассказали нам о существовании удивительных развалин на одном холме, который возвышается над рекою в нескольких милях ниже. Мы оставили нашу фуру по сю сторону крутого склона, так как втащить ее за собой было бы трудно, захватили свои ружья и мешки с провизией и двинулись в путь. Место оказалось дальше, чем мы предполагали, хотя с вершины холма видеть его можно было; прежде чем мы туда пришли, стемнело.

Тут мы увидели фуру с палаткой снаружи, которая, по-нашему, должна была принадлежать белому; мы к ней направились.

В палатке горел огонь, полог был откинут, так как ночь была знойной. Внутри сидели два человека, один постарше, с седой бородой, а другой лет сорока, молодцеватый, с черными пронзительными глазами и с черной заостренной бородой. Между ними лежала на столе кучка золотых зерен и безделушек, которые они внимательно рассматривали. Я только собирался заговорить, как вдруг чернобородый человек увидел нас, схватил ружье, прислоненное к столу, и приложился к нему, целясь в меня.

— Не стреляй, Якоб,— сказал старик,— это англичане.

— Лучше разделаться сразу, — отвечал другой тихим голосом, с легким иностранным акцентом, — нам не нужно шпионов или воров.

— Мы ни то, ни другое, но стрелять я умею не хуже вашего, — заметил я, успев к тому времени схватить свое ружье.

Тут он изменил свое намерение и опустил ружье; мы объяснили, что заняты археологическими исследованиями. Кончилось тем, что мы стали закадычными друзьями, хотя душа наша и не лежала к мистеру Якобу (я забыл его фамилию). Он слишком много играл со своим ружьем и казался мне вообще человеком с таинственным и довольно подозрительным прошлым. Короче говоря, когда он убедился, что мы пришли не с корыстными целями, ваш отец, ибо это был он, признался откровенно, что они ищут клад, так как слышали о громадном золотом кладе, который был здесь спрятан португальцами два или три столетия тому назад.

Беда была в том, что вождь племени макаланга, живший в форте Бамбатсе, не позволил им рыть землю, потому что боялся вызвать этим нечистую силу и навлечь несчастье на племя.

— И что же, добились они своего? — спросила Бенита.

— Право, не знаю, так как мы ушли на другой же день; правда, прежде чем уйти, мы посетили вождя макаланга, который принял нас сносно, видя, что с нами не было заступов. Кстати, то золото, которое на наших глазах рассматривал ваш отец со своим приятелем, было ими найдено за стенами и ничего общего не имело с пресловутым легендарным кладом.

— Что это было за место? Я люблю старые развалины, — перебила Бенита.

— Восхитительное место. Огромная стена кругом, выстроенная бог весть кем, затем на полувысоте холма другая стена и близ вершины третья, окружавшая, насколько я понял, некое святилище; над всем этим высился на краю пропасти громадный гранитный конус.

— Искусственный или естественный?

— Не знаю. Нас бы туда не пропустили, но мы были допущены к их вождю и первосвященнику в одном лице; это был замечательный старик, очень мудрый и очень славный. Я помню, он мне сказал, что нам придется еще встретиться; это мне было очень странно от него слышать. Я спросил его о кладе и о том, почему

он не позволяет белым людям искать его. Он сказал мне, что клада этого не найти ни белому, ни черному человеку и что только женщине суждено найти его в назначенное время, когда это желательно будет духу, обитающему в Бамбатсе и оберегающему клад.

— Кто же этот дух Бамбатсе, мистер Сеймур?

— Не могу вам сказать, я сам не мог разузнать ничего определенного; я слышал только, что он белого цвета, появляется иногда, с восходом солнца или при лунном свете, на верхушке высокой скалы, о которой я вам говорил. Пытался я было выждать его появления до восхода солнца, и, разумеется, напрасно. Вот и все, что мне известно.

— Говорили ли вы с моим отцом, мистер Сеймур, наедине?

— Немного. Это было на другой день, когда мы шли с братом обратно к нашей фуре; он нас провожал; я думаю, он рад был уйти хоть на время от общества его постоянного спутника Якоба. И это неудивительно: человек, учившийся в Итонской школе и в Оксфорде, несмотря на заблуждения прежних лет, не мог удовлетвориться обществом Якоба. Впрочем, и Якоб читал пропасть книг и мог говорить о чем угодно на каких угодно языках — в общем, занятный и ловкий пройдоха.

— Говорил ли вам мой отец о себе?

— Говорил. Он рассказал мне, что ему всю жизнь не везло; он мне под конец признался, что во многом сам виноват. Он сообщил, что у него есть семья в Англии, — из кого она состояла, он не говорил, — для которой он хочет вновь разбогатеть, почему и ищет клад. Впрочем, из ваших слов я могу заключить, что найти ему так-таки ничего не удалось.

— Нет, мистер Сеймур, он ничего не нашел и не найдет; но все же я рада слышать, что он заботился о своей семье. Что касается меня, то я сама хотела бы обследовать это место Бамбатсе.

— И я бы охотно это сделал, мисс Клиффорд, в вашем обществе и с вашим отцом, но не с Якобом. Если бы вам когда-либо вздумалось отправиться туда с Якобом, я бы вас предостерег от этого.

— О, я не боюсь Якоба, — отвечала она со смехом, — хотя, мне кажется, мой отец продолжает с ним водиться; по крайней мере, в одном из своих писем он упоминал о своем компаньоне немце.

— Вы рассказали мне свою историю, не хотите ли услышать мою?

— Да,— ответила она.

— История моя вас не утомит, мисс Клиффорд, потому что она недолга. Вы видите перед собою одного из самых бесполезных людей в свете, ничем не примечательного члена того общества, что называется в Англии «классом праздных», не скованного никакими обязанностями трудиться, если не считать ружейного спорта.

— Приятный спорт,— сказала Бенита.

— Вас, кажется, не очень восхищают такие доблести,— продолжал он,— но следует признаться, что за последние пятнадцать лет (а минуло мне в этом месяце тридцать два) я все свое свободное время посвящал охоте, если не считать уженья рыбы весною. Не желая умалять своих талантов, я позволю себе прибавить, что считаюсь одним из шести лучших, быть может, стрелков в Англии и что все мои честолобивые мечты направлены к тому, чтобы победить остальных пятерых. Эта страсть погубила меня. Про меня говорили, что у меня есть дарования, но я пренебрег всем, чтобы отдаться любимому спорту. Таким образом, я не изучил ни одной профессии, не знаю никакого дела, и на тридцать третьем году я разорен и не вижу выхода впереди.

Тон, которым это было произнесено, показался Бените более горестным, чем сами слова.

— Почему же ваше положение безвыходно?

— Дело в том, что мой дядя, Джон Сеймур, наследником которого я был, сделал нелепость, женившись на молодой женщине, которая наградила его здоровыми близнецами. С появлением этих близнецов все мои надежды рухнули, если не считать полутора тысяч фунтов в год, которые мой дядя мне назначил как близкому родственнику. У меня было кое-какое собственное состояние, но были также и долги; сейчас у меня в кармане всего только аккредитив на две тысячи сто шестьдесят три фунта четырнадцать шиллингов пять пенсов да еще мелочь наличными; это мое единственное достояние, то есть ровно столько, сколько я привык тратить в год.

— Я это не называю разорением, а богатством,— сказала Бенита,— с двух тысяч фунтов стерлингов для начала вы можете разбогатеть в Африке. Но почему же вы считаете свое положение безнадежным?

— Я считаю е
выхода впереди. Вед
разойдутся, я не сум
женной возможностью
из крупным зверем. Г
услуги для охоты за
уложит какой-нибудь
он изменившимся го
назад я сделал такое

Гиб

— Всего полчаса
Бенита остановилась

— Отчего же я
жизни? Мисс Кли
чтобы выслушивать
чину. В последние
которому я умел пр
я теперь уже усто
всякого напряжени
потянул дым своей
некоторой паузы
признаюсь вам в се
шайте меня. Когда
времени, чтобы д
быть хоть раз в ж
шенно новое ощу
я продолжать?

Бенита не отве
Сеймур, казалось,
нее так, что лицо
сам он оставался

— Кроме вы
самого их владели
Я человек нищ
статка, когда я
никогда не реша
мое будущее бог
этого было
внимаю

... Я считаю его безнадежным потому, что не вижу выхода впереди. Ведь когда эти две тысячи фунтов разойдутся, я не сумею заработать ни гроша. Единственной возможностью существовать может быть охота за крупным зверем. Поэтому я решил предложить свои услуги для охоты за слонами, пока меня самого не уложит какой-нибудь слон. По крайней мере,— прибавил он изменившимся голосом,— не более чем полчаса тому назад я сделал такое предложение.

ГЛАВА II

Гибель «Занзибара»

— Всего полчаса тому назад? Отчего же тогда...— Бенита остановилась.

— Отчего же я вдруг изменил этот скромный план жизни? Мисс Клиффорд, поскольку вы так добры, чтобы выслушивать меня терпеливо, я вам скажу причину. В последние полчаса мною овладело искушение, которому я умел противиться прежде и перед которым я теперь уже устоять не в силах. Вы знаете, что для всякого напряжения есть своя граница.— Он нервно потянул дым своей сигары, бросил ее в море и после некоторой паузы продолжал:— Мисс Клиффорд, я признаюсь вам в своей дерзости: я полюбил вас. Выслушайте меня. Когда я окончу, у вас будет достаточно времени, чтобы дать ответ. Пока же дозвоьте мне быть хоть раз в жизни серьезным. Для меня это совершенно новое ощущение и потому весьма ценное. Могу я продолжать?

Бенита не отвечала. Он медленно поднялся,— Роберт Сеймур, казалось, никогда не торопился,— встал против нее так, что лицо ее освещалось луною, в то время как сам он оставался в тени.

— Кроме вышеупомянутых двух тысяч фунтов и самого их владельца, я ничего вам предложить не могу. Я человек нищий и никчемный. Даже в годы достатка, когда я мог ожидать большого наследства, я никогда не решался предложить женщине разделить... мое будущее богатство. Я думаю, что истинной причиной этого было то, что я никогда не обращал особенного внимания на женщин; мои эгоистические интересы победили бы голос рассудка, как это произошло и теперь.

Бенита,— позвольте мне так назвать вас, быть может, первый и последний раз,— я... я... люблю вас.

Выслушайте меня,— продолжал он, говоря, против своего обыкновения, торопливо, как человек, располагающий слишком коротким сроком, чтобы сообщить важную весть.— Это странно, это необъяснимо, но тем не менее верно. Я вас полюбил в то самое мгновение, когда впервые увидел. Вы помните, вы стояли здесь, прислонившись к борту, когда я вошел на палубу в Саутгемптоне. Я встретился с вами глазами. Я остался как вкопанный, и в этот момент на меня налетела с разбега та старая дама, которая отправлялась в Мадеру. Я помню ее раздраженный возглас: «Проходите вперед или назад». Помните ли вы это?

— Да,— ответила Бенита тихим голосом.

— Этот возглас заключал в себе аллегорию,— продолжал он,— я почувствовал это в ту же самую минуту. Да, я почти что решился сказать «назад» и покинуть корабль. Но снова взглянул на вас, и что-то внутри меня сказало: «вперед». Я продолжал свой путь по сходне и, проходя мимо вас, поклонился вам; может быть, я не вправе был это делать, но знаю, что вы мне ответили на поклон.

После короткого молчания он продолжал:

— Начало было сделано. Дальше все пошло само собой. И это всегда так, не правда ли? Во всем важно только начало, конец же приходит неминуемо. Еще полчаса тому назад я не предвидел того, что произойдет, но вы сумели отгадать мое присутствие, не поворачивая головы, и это меня сразило. Нет-нет, не перебивайте, я еще не кончил. Я вам сказал, кто я; по правде, к этому не много можно прибавить, ибо у меня даже пороков особенных нет,— самый худший из них, пожалуй, праздность, но зато ни следа добродетелей. Но у меня есть знание света, которое я приобрел в своих долгих скитаниях, и, как человек, знакомый со светом, я позволю себе дать вам совет. Возможно, что и жизнь моя, и смерть для вас вполне безразличны и что все наше знакомство не отличается ничем от всякого дорожного знакомства. Но возможно также, что вы глубже взглянете на это. В этом случае, я вас молю как друг и как человек, узнавший жизнь, не делать этого. Не обращайтесь на меня никакого внимания. Отвернитесь от меня, и вы никогда об этом не пожалеете.

— Скажите, вы шутите или говорите искренно,

мистер Сеймур?
вполголоса и гля
— Как могли
— Я знала
люди стараются
— Совершенно
что должен дела
в противном сл
Я хочу выставит
му что при всех
честен. Теперь,
был полчаса то
я ни на что не
я спрашиваю ва
Она приподн
первый раз за во
ное луной. На
было бледно.
изгладилось да
оставили в ней
лось, что Бенита
Она опять села
— Продолж
Он слегка п
— Благодар
тому назад; те
я скажу вам,
Я искренно ра
новый свет. Ве
шен некоторой
встретиться уда
благоприятный
найдете другой
я, или нежнее
большей полн
Я не хочу вли
жусь на распу
я чувствую,
которым вы м
«Конец» на м
хоронены возм
Я вас обожаю
я хотел бы пр
мою жиз

мистер Сеймур? — спросила Бенита, говоря по-прежнему вполголоса и глядя прямо перед собой.

— Как могли вы усомниться в моей искренности?

— Я знала всегда, что в таких обстоятельствах люди стараются выказать себя с наилучшей стороны.

— Совершенно верно, но я никогда не делаю того, что должен делать, и приветствую это свое обыкновение, в противном случае меня бы сейчас здесь не было. Я хочу выставить себя в самом невыгодном свете, потому что при всех своих недостатках я по крайней мере честен. Теперь, рассказав вам, кто я таков или чем был полчаса тому назад, что я праздный лентяй, что я ни на что не годен, что у меня нет ничего впереди, я спрашиваю вас: говорить ли мне дальше?

Она приподнялась с кресла и, взглянув на него в первый раз за все это время, увидела его лицо, освещенное луной. На нем было написано страдание, и оно было бледно. Выражение его поразило ее. У нее изгладилось даже то неприятное впечатление, которое оставили в ней его горькие, самобичующие слова. Казалось, что Бенита изменила свое первоначальное решение. Она опять села со словами:

— Продолжайте, если хотите.

Он слегка поклонился.

— Благодарю. Я вам рассказал, чем я был полчаса тому назад; теперь, в надежде, что вы мне поверите, я скажу вам, что я чувствую в настоящую минуту. Я искренно раскаявшийся человек, которому воссиял новый свет. Ведь я еще не стар и думаю, что не лишен некоторой предприимчивости. Мне может еще встретиться удача; и если этого не будет, я сам создам благоприятный случай. Я не верю, что вы когда-либо найдете другого, который бы вас любил лучше, чем я, или нежнее. Я хочу жить только для вас, еще с большей полнотой, чем жил до сих пор для себя. Я не хочу влиять на ваше решение, но я сейчас нахожусь на распутье; если бы вы согласились быть моею, я чувствую, что мог бы еще сделаться человеком, которым вы могли бы гордиться. Если нет, я напишу: «Конец» на могильном камне, под которым будут похоронены возможности, носившие имя Роберта Сеймура. Я вас обожаю. Вы единственная женщина, с которой я хотел бы прожить свои дни; и вас мне недоставало всю мою жизнь. Я вас прошу соединить свою жизнь с моею, хотя знаю, что требую от вас многого. Впереди

нас ждут только одни лишения, ведь я не кто иной, как искатель приключений.

— Не говорите так, — сказала она быстро, — мы все искатели приключений, и я, быть может, больше, чем вы. Важно то, что мы собою представляем, а не то, что у нас есть или чего нет.

— Пусть так, мисс Клиффорд. Мне нечего больше прибавить; теперь слово за вами.

В эту минуту звуки рояля и скрипки в зале прекратились. Танцы окончились, и некоторые из танцевавших пар вышли на палубу погулять и освежиться. Одна из парочек, ища уединения, чтобы поворковать без помехи, остановилась около Роберта и Бениты; их присутствие помешало им продолжать прерванную беседу, и они ограничились самыми безразличными замечаниями.

Минут десять стоявшая подле них парочка вела милый и игривый спор, вертевшийся около танцев; во все это время Роберт Сеймур, вообще довольно сдержанный человек, готов был убить этих ни в чем не повинных влюбленных. Какое-то внутреннее чутье ему подсказывало, что благоприятный момент ускользает от него, и то предчувствие чего-то зловещего, неминуемого, о котором говорила Бенита, передавалось от одного к другому. Молчание становилось невыносимым, и не было видно конца ему. Приличия не позволяли ему предложить перейти в другое место; это было бы равносильно намеку влюбленной парочке убраться отсюда подальше. Во все это время с замирающим сердцем он чувствовал, что в Бените ослабевает то участие, с которым, может быть, она слушала его речи; и если бы долгожданный ответ наконец пришел, то это могло быть только «нет».

На рояле опять заиграли, и парочка, оживленно болтавшая все время, наконец решила уйти. Вдруг на мостике раздался шум, и на фоне чистого неба Роберт увидел силуэт человека, промчавшегося вперед. В следующую минуту зазвонил колокол машинного отделения. Он знал, что это был сигнал к остановке; вслед за ним раздался другой сигнал: «полный ход назад».

— Что бы это такое могло быть? — сказал молодой человек.

Но он понял, в чем дело, прежде чем успел произнести эти слова. У него было ощущение, как

будто бы весь корабль
как вкопанный, в то
дажала двигаться
следовало другое, г
сдержного, тяжелог
зек, поскользнувши
Шпангоуты затреща
пистолетных выстрел
на палубе, увлекая
отброшена со своей
скакали к желоб
и сейчас же встал
на; он понял, что
потому что по ее
руки и, полный уж
что она убита, при
счастье! Он почувс
была жива.

Музыка в зале
воцарилось молчан
поднялись крики от
все стороны забе
смысла; отовсюду

Это продолжал
зался второй офи
ный вид, стал обод
зал, что опасност
находится всего в
будет достигнуть ч
деле, в то время
шина опять зараб
шой круг, поверну
удалось сойти с
глубокое место, п
скоростью, но с
ботали с монотон
огромные столбы
команда бросил
спасательные ло
Прижав к груди
ном состоянии,
Роберт стоял
себя. По

будто бы весь корпус мощного корабля остановился как вкопанный, в то время как верхняя часть его продолжала двигаться вперед; за этим ощущением последовало другое, гораздо страшнее,— ощущение безудержного, тяжелого падения вниз; так падает человек, поскользнувшийся на льду или на гладком полу. Шпангоуты затрещали, веревки разрывались с шумом пистолетных выстрелов, тяжелые предметы покатались по палубе, увлекая все на своем пути. Бенита была отброшена со своего кресла в сторону Роберта, и оба покатались к желобу для стока воды. Он остался цел и сейчас же встал на ноги, но Бенита была неподвижна; он понял, что она ударилась обо что-то головой, потому что по ее щеке текла кровь. Он поднял ее на руки и, полный ужаса и отчаяния, с мыслью о том, что она убита, прижал свою руку к ее сердцу. Какое счастье! Он почувствовал, как сердце ее билось,— она была жива.

Музыка в зале замерла, на одно короткое мгновение воцарилось молчание, и вдруг сразу со всех сторон поднялись крики отчаяния, голоса тонущего корабля; во все стороны забегали люди, дико глядя без цели и смысла; отовсюду доносился плач женщин и детей.

Это продолжалось некоторое время; на палубе показался второй офицер и, стараясь сохранить спокойный вид, стал ободрять присутствующих: «Капитан сказал, что опасности нет». Он прибавил, что корабль находится всего в 6 милях от берега, которого можно будет достигнуть через какие-нибудь полчаса. И в самом деле, в то время как он говорил, остановившаяся машина опять заработала, и нос корабля, описав большой круг, повернулся к берегу. По-видимому, кораблю удалось сойти с подводной скалы и опять стать в глубокое место, по которому корабль пошел с хорошей скоростью, но с сильным креном направо. Насосы работали с монотонным хлюпающим звуком, выбрасывая огромные столбы пенящейся воды в спокойное море. Команда бросилась срывать брезент, покрывавший спасательные лодки, и спускать последние за борт. Прижав к груди Бениту, находившуюся в бесчувственном состоянии, покрытую кровью из раны в голове, Роберт стоял в задумчивости. Наконец он пришел в себя. По счастью, ее каюта была на палубе недалеко, и туда он направился со своей ношей, осторожно прокладывая себе путь через беспорядочные толпы пас-

сажиров, которых на борту насчитывалось не менее пятисот душ. Когда он дошел до каюты, то нашел ее совершенно пустой, так как соседка Бениты убежала. Положив Бениту на нижнюю койку, он зажег свечу в качающемся подсвечнике. Как только каюта осветилась, он стал искать спасательные пояса и, по счастью, нашел тут же два пояса; один из них он не без большого труда надел на девушку. Потом взял губку и обмыл ее лицо водой. На ее виске была большая ссадина от какого-то твердого предмета; кровь еще сочилась, но рана была неглубока и неопасна, и кость, насколько он мог рассмотреть, цела. Он хотел верить, что она была только оглушена и что скоро придет в себя. Он стоял, не зная, что дальше предпринять, как вдруг в его голове промелькнула мысль. На полу каюты лежал ее несессер с письменным прибором, упавший с полки от толчка. Он открыл его и, взяв оттуда кусок бумаги, написал карандашом несколько торопливых слов:

«Вы мне не дали ответа, и более чем вероятно, что я его от вас никогда не получу. Если мне суждено будет уйти, а вам остаться, я надеюсь, что вы будете вспоминать того, кто любил вас с такой преданностью. Если же вам суждено уйти, то вы никогда этих строк не прочтете. Но если мертвые могут знать, то верьте, что вы меня найдете всегда таким, каким оставили, верным вам одной до конца. Но, может быть, мы будем еще жить, я молю о том судьбу. Р. С.»

Сложив письмо, он отстегнул пуговицу на блузке Бениты и просунул его туда, уверенный, что она его найдет, если только выживет. Затем он вышел на палубу, чтобы узнать, что делается вокруг. Машина еще работала. Но пароход продвигался слабо. Он так сильно накренился на правую сторону, что трудно было удержаться на ногах. Поэтому почти все пассажиры столпились у противоположного борта, ища инстинктивно пристанище подальше от воды. Какой-то человек с побелевшим, растерянным лицом, шатаясь, шел к нему навстречу, держась за борт. Это был капитан. На минуту он остановился в размышлении, держась за стойку. Роберт Сеймур воспользовался этим и заговорил с ним.

— Извините за беспокойство, я не люблю вмешиваться не в свои дела, но из некоторых соображений я позволю себе указать вам, что лучше было бы остановить машину и спустить спасательные лодки. Море спокойно;

если только все
— Капитан посмотрел
— Лодок на всех не
— В лодках можно
Сеймур, — между
— Может быть, вы
себе. Я-то погиб
— Он пота
раненная кошка, ка
несколько секун
— Славный слова кома
становился. Слишком
судном, чтобы
начали спускать спаса
ету, где Бенита все
хрунул ее в плащ и в од
спасательный пояс, он
ени терять нельзя. Г
предполагая, что судн
зная, что лодки нах
с большим трудом по
которая, как ему бы
тарого офицера; это
то он имел случай
Как он предвидел
ного, так как все
получно шлюпк
ность рассуждать
рой офицер, испы
людьми из кома
стить ее на воду.
— Ну, — сказал
Толпа бросилась
ро наполнится.
— Я думаю, —
ти за женщину;
С огромными ус
кой, он с помо
держиваемый б
После него б
не воз

и если только все сделать вовремя, то нетрудно будет добраться до берега.

Капитан посмотрел на него рассеянным взором:

— Лодок на всех не хватит, мистер Сеймур. Надеюсь достигнуть берега на судне.

— В лодках можно хоть некоторых спасти, — сказал Сеймур, — между тем... — И он указал на воду, уровень которой почти достигал палубы.

— Может быть, вы и правы, мистер Сеймур. Я думаю не о себе. Я-то погиб уже; но пассажиры, несчастные пассажиры! — Он потащился к капитанскому мостику, как раненая кошка, карабкающаяся на дерево; оттуда через несколько секунд Роберт услышал его голос, кричавший слова команды. Спустя минуты две пароход остановился. Слишком поздно капитан решился пожертвовать судном, чтобы спасти тех, кто на нем находился. Начали спускать спасательные лодки. Роберт вернулся в каюту, где Бенита все еще лежала в обмороке; он завернул ее в плащ и в одеяло. Затем, подняв с пола второй спасательный пояс, он надел его на себя, зная, что времени терять нельзя. Потом он поднял на руки Бениту; предполагая, что судно опрокинется на правую сторону, и зная, что лодки находятся у самой воды, он унес ее, с большим трудом побеждая крутой подъем, к шлюпке, которая, как ему было известно, была под командой второго офицера; это был мужественный человек, которого он имел случай наблюдать в работе.

Как он предвидел, в этом месте народу собралось немного, так как всем казалось невозможным спустить благополучно шлюпку в воду; если их оставила способность рассуждать, то инстинкт подсказывал им это. Второй офицер, испытанный моряк, вместе с выбранными им людьми из команды готовился отвязать шлюпку и спустить ее на воду.

— Ну, — сказал он — женщины, идите вперед.

Толпа бросилась в лодку, и Роберт увидел, что она скоро наполнится.

— Я думаю, — сказал он, — что мне придется сойти за женщину; как видите, она у меня на руках.

С огромными усилиями, придерживая Бениту одной рукой, он с помощью другой спустился по трапу и, поддерживаемый боцманом, благополучно достиг лодки.

После него влезли еще человека два.

— Спускай лодку, — сказал офицер, — больше она не возьмет. — И веревки были отпущены.

Когда они находились футах в двенадцати от корабля, в борту хлынула толпа людей, не нашедших места в лодках у противоположного борта. Некоторые смельчаки прыгнули по трапам вниз, другие просто соскочили на сидевших в лодке, кое-кто, не попав в лодку, очутился в воде; ударившиеся о борта лодки убивались насмерть. Несмотря на то что шлюпка была перегружена, она держалась на воде ровно. Люди налегли на весла и объехали корабль, судорожно колебавшийся в предсмертной агонии; единственной мыслью их было добраться до берега, видневшегося в трех милях.

Очутившись со стороны правого борта, они увидели ужасную картину. Сотни людей отчаянно боролись за место в лодках, перегруженных больше всякой возможности; борьба эта приводила лишь к тому, что лодки переворачивались, опрокидывая всех сидевших в них в воду. Другие лодки повисли на носу или на корме, так как спутавшиеся веревки не давали возможности спустить их, между тем как люди один за другим падали из них в воду. Вокруг других, еще не спущенных на воду, кипел адский бой, бой мужчин, женщин и детей, цеплявшихся за жизнь, бой, в котором сильный, обезумев от страха, безжалостно оттеснял слабого.

Над всей этой людской массой, целиком почти обреченной на гибель, поднимался хаос звуков, сливавшихся в один сплошной вопль. Все это происходило под ясным, облитым лунным светом небом, на гладкой как стекло воде. С парохода, лежавшего теперь на боку, сирена продолжала посылать свой зов о помощи, и несколько храбрецов продолжало пускать ракеты, летевшие к небу и рассыпавшиеся там звездным дождем.

Роберт вспомнил, что он в последний раз видел фейерверк однажды вечером по случаю какого-то праздника. Этот контраст поразил его своим трагизмом. Он думал: какой власти или каким адским существам могла быть приятна та трагедия, которая разыгрывалась перед его глазами? Чем объяснить то, что такая ненужная жестокость допускается милостивым провидением, в которое верит людской род.

Судно перевернулось кверху дном, сжатый воздух и пар с грохотом взорвали палубы; обломки разлетелись далеко в воздухе. Несчастный капитан все еще цеплялся за перила мостика. Сеймур успел разглядеть его побелевшее лицо — лунный свет нарисовал на нем подобие смалой улыбки.

Смирно...
гребным...
тонущим паром...
Вот он...
посеребрил...
от удара о скалу...
кое облачко...
место, где стоял...

Ро

На месте...
огромная ворон...
меты то и дело...
в ней.

— Смирно...
офицер ровным...

В следующую...
повлекло книзу...
заливать борта...
омута, бездна...
верхность мор...
ших пузырей, л...
были спасены.

— Пассажи...
рение выйти в...
по крайней ме...
повстречается...
попытаемся п...
подхвачены пр...

Никто не...
происшедшим...
Роберт подумал...
в путь, но не у...
невдалеке с бо...
обломок с ко...
прижимавшая...
и начала крич...

— Спасит...
ради всего...
Роберт...
полосе...
си...

Когда они находились футах в двенадцати от корабля, к борту хлынула толпа людей, не нашедших места в лодках у противоположного борта. Некоторые смельчаки ринулись по трапам вниз, другие просто соскочили на сидевших в лодке, кое-кто, не попав в лодку, очутился в воде; ударившиеся о борта лодки убивались насмерть. Несмотря на то что шлюпка была перегружена, она держалась на воде ровно. Люди налегли на весла и объехали корабль, судорожно колебавшийся в предсмертной агонии; единственной мыслью их было добраться до берега, видневшегося в трех милях.

Очутившись со стороны правого борта, они увидели ужасную картину. Сотни людей отчаянно боролись за место в лодках, перегруженных больше всякой возможности; борьба эта приводила лишь к тому, что лодки переворачивались, опрокидывая всех сидевших в них в воду. Другие лодки повисли на носу или на корме, так как спутавшиеся веревки не давали возможности спустить их, между тем как люди один за другим падали из них в воду. Вокруг других, еще не спущенных на воду, кипел адский бой, бой мужчин, женщин и детей, цеплявшихся за жизнь, бой, в котором сильный, обезумев от страха, безжалостно оттеснял слабого.

Над всей этой людской массой, целиком почти обреченной на гибель, поднимался хаос звуков, сливавшихся в один сплошной вопль. Все это происходило под ясным, облитым лунным светом небом, на гладкой как стекло воде. С парохода, лежавшего теперь на боку, сирена продолжала посылать свой зов о помощи, и несколько храбрецов продолжало пускать ракеты, летевшие к небу и рассыпавшиеся там звездным дождем.

Роберт вспомнил, что он в последний раз видел фейерверк однажды вечером по случаю какого-то праздника. Этот контраст поразил его своим трагизмом. Он думал: какой власти или каким адским существам могла быть приятна та трагедия, которая разыгрывалась перед его глазами? Чем объяснить то, что такая ненужная жестокость допускается милостивым провидением, в которое верит людской род.

Судно перевернулось кверху дном, сжатый воздух и пар с грохотом взорвали палубы; обломки разлетелись далеко в воздухе. Несчастный капитан все еще цеплялся за перила мостика. Сеймур успел разглядеть его побелевшее лицо — лунный свет нарисовал на нем подобие ужасной улыбки.

Офицер
гребцам на
тонушим паро
Вот он зад
посеребрил его
от удара о скалу
кое облачко ды
место, где стоял

Ро

На месте з
огромная ворон
меты то и дело
в ней.

— Смирно с
офицер ровным

В следующу
повлекло книзу
заливать борта
омута, бездна у
верхность моря
ших пузырей, л
были спасены.

— Пассажи
рение выйти в с
по крайней мер
повстречается д
попытаемся пр
подхвачены при

Никто не во
происшедшим,
Роберт подумал
в путь, но не ус
невдалеке сбок
обломок с кор
прижимавшая и

— Спасите
Ради всего свя
Роберт свя
голос; он

Офицер, командовавший их шлюпкой, приказал гребцам налечь на весла, чтобы не быть увлеченными тонущим пароходом.

Вот он задрожал, как вздыхающий кит. Лунный свет посеребрил его дно, обнажив пробойину, полученную им от удара о скалу, еще минута, и он исчез. Лишь маленькое облачко дыма, смешанного с паром, обозначило место, где стоял когда-то «Занзибар».

ГЛАВА III

Роберт достигает берега

На месте затонувшего «Занзибара» образовалась огромная воронка; вода бурлила в ней, и черные предметы то и дело выбрасывались водою и снова исчезали в ней.

— Смирно сидеть, если вам дорога жизнь, — сказал офицер ровным голосом, — сейчас закружится омут.

В следующую минуту они почувствовали, как их повлекло книзу и по направлению к воронке; вода стала заливать борта лодки, но, прежде чем она достигла омута, бездна успела пережарить свою жертву, и поверхность моря успокоилась, если не считать больших пузырей, лопавшихся вокруг них. На этот раз они были спасены.

— Пассажиры, — сказал офицер, — я имею намерение выйти в открытое море, чтобы продержаться там по крайней мере до дневного света. Может быть, нам повстречается даже какой-нибудь корабль; если же мы попытаемся пристать к берегу, то наверняка будем подхвачены прибоем.

Никто не возражал; все были так подавлены всем происшедшим, что никому не хотелось говорить; но Роберт подумал, что этот человек прав. Они пустились в путь, но не успели пройти дюжины ярдов, как увидели невдалеке сбоку какой-то темный предмет. Это был обломок с корабля, за который держалась женщина, прижимавшая к груди какой-то сверток. Она была жива и начала кричать о помощи, прося дать ей место в лодке.

— Спасите меня с ребенком! — молила она. — Ради всего святого, спасите меня!

Роберт узнал, кому принадлежал этот сдавленный голос; это была молодая замужняя женщина, с которою он очень сдружился; она ехала со своим ребенком в

Паталь, к мужу. Он протянул ей руку и притянул к лодке; офицер сказал мрачно:

— Лодка и без того переполнена. Я должен предупредить вас, что всякий новый груз увеличивает опасность.

Услышав это, другие пассажиры вышли из своего оцепенения.

— Прогоните ее, — сказал чей-то голос, — видно, такова ее доля погибнуть.

Одобрительный шепот сопровождал эти жестокие слова.

— Ради бога! — плакала гибнущая женщина, судорожно цепляясь за руку Роберта.

— Если вы ее втащите в лодку, мы вас выбросим за борт, — сказал тот же голос. Кто-то обнажил нож, чтобы ударить им по руке Роберта. Тут опять заговорил офицер:

— Эта женщина может быть взята в лодку лишь при условии, что кто-нибудь другой ее покинет. Я бы охотно выпрыгнул, но долги вслепую мне оставаться здесь. Кто хочет очистить место для женщины?

Но все мужчины — их было семеро, кроме матросов, — понурили головы и молчали.

— Пустите ее, — сказал офицер тем же суровым голосом, — пускай идет ко дну.

Пока произносились эти слова, Роберту казалось, что он пережил год жизни. Вот прекрасный случай искупить свою праздную и ненужную жизнь! Еще час тому назад он, не задумавшись, решился бы погибнуть. Но теперь — с Бенитой на руках, не услышав даже ответа, заключенного в ее еле бьющемся сердце? Но он знал, что Бенита одобрила бы такое его решение, и если бы даже его при жизни не любила, то его память была бы ей дорога. В одну минуту его решение созрело, и он быстро сказал офицеру:

— Миссис Джейфрис, если я уйду, то поклянетесь ли вы мне, что спасете ее с ребенком?

— Будьте уверены, мистер Сеймур.

— Так стойте; я готов. Если кто из вас выживет, то пусть скажет этой женщине, — он указал на Бениту, — как я умер; пусть она узнает, что я поступил так, как она сама сочла бы нужным поступить.

— Я ручаюсь в том, что ей это станет известным. Я спасу ее, если будет возможно, — сказал офицер.

— Придержите кто-нибудь миссис Джейфрис, пока я

сниму с себя и
могла укрыться.

Один из матросов
трудом Роберт вы

С осторожностью
поцеловал ее в ло

Потом он стянул
носа лодки в мор

— А теперь, —
Джефрис.

Это было сдел
женщина впала

очутилась на его
— Вы мужест

я всегда буду пом
Никто больше

в эту минуту в ни
— Я только и

из воды. — Как да
— Около тре

житесь за эту доск
— Прощайте,

Лодка прошла
ной дали океана.

Отдыхая на д
Джефрис, Роберт

Время от времени
ный крик тонуще

от себя он различ
он принял за лод

должна быть пере
догнать ее. Един

бы ему удалось
сильным пловцом

как молоко. И он
ности при помощ

нем. Только бы
у них была так

что он мог над
к берегу ему бы

молчании океан
прибоя.

Ах эт

сего

сниму с себя плащ; я хочу его ей оставить, чтобы она могла укрыться.

Один из матросов предложил свои услуги; лишь с трудом Роберт высвободил свою руку.

С осторожностью прижав Бениту к своему сердцу, он поцеловал ее в лоб и затем тихо опустил на дно лодки. Потом он стянул с себя плащ и медленно соскользнул с носа лодки в море.

— А теперь, — сказал он, — возьмите в лодку миссис Джефрис.

Это было сделано с некоторым трудом; он видел, как женщина впала в обморочное состояние, как только очутилась на его месте.

— Вы мужественный человек, — сказал Томпсон, — я всегда буду помнить вас, если даже проживу сто лет.

Никто больше не прибавил ни слова; может быть, в эту минуту в них заговорил стыд.

— Я только исполнил свой долг, — ответил Сеймур из воды. — Как далеко отсюда до берега?

— Около трех миль, — крикнул Томпсон. — Держитесь за эту доску, иначе вы пойдете ко дну. Прощайте.

— Прощайте, — отвечал Роберт.

Лодка прошла мимо него и вскоре исчезла в туманной дали океана.

Отдыхая на доске, которая спасла жизнь миссис Джефрис, Роберт осмотрелся вокруг и прислушался. Время от времени до него доносился слабый, слышимый крик тонущей жертвы; в нескольких сотнях ярдов от себя он различил какой-то черный предмет, который он принял за лодку. Если это верно, то, думал он, лодка должна быть переполнена. Кроме того, он никак не мог догнать ее. Единственным спасением его было бы, если бы ему удалось достигнуть берега. Он был хорошим, сильным пловцом; вдобавок вода, к счастью, была теплая, как молоко. И он не считал это невозможным, в особенности при помощи спасательного круга, который был на нем. Только бы не попасться акулам; впрочем, пожива у них была такая обильная после кораблекрушения, что он мог надеяться уйти и от них. Направление к берегу ему было хорошо известно; в торжественном молчании океана слышался отдаленный шум могучего прибоя.

Ах этот прибой! Он вспомнил, как стоял он, не далее сегодняшнего полудня, рядом с Бенитой и любовался в морской бинокль яростным прибоем волн, разбивав-

шихся о неумолимые прибрежные утесы; они удивлялись этой мощи волн, не остывавшей ни на миг, несмотря на мирную тишь океана. Да, если только суждено ему достигнуть берега, ему также придется помериться силами с этой враждебной стихией. И чем раньше этот миг наступит, тем лучше: другого пути у него нет. Одно условие ему благоприятствовало: начался прилив, помогавший добраться до берега. Ему оставалось только держаться за свою доску, отталкиваясь от воды ногами. Таким образом он успел пройти за час около одной мили. Он бы мог проплыть и больше, если бы работал и руками, но он старался сберечь силы.

Странное это было передвижение на безмолвной шире океана под немymi звездами, и странные мысли проносились в голове Роберта. Он думал о том, что, быть может, рок судил ему и Бените умереть; о том, что смерть его явилась бы заслуженным искуплением его праздной жизни, полной себялюбия и заблуждений.

Он подвигался все вперед и вперед, и грохот прибоя становился все слышнее и слышнее, сопровождая своим неумолчным ритмом беспорядочное блуждание мыслей в его голове. Он был вырван из этого состояния видом какого-то темного предмета, показавшегося в волнах близ него. Но то, что он принял было за акулу, оказалось попросту обломком доски; тревога миновала. Но ненадолго: вскоре он увидел настоящую акулу; он узнал ее по спинному плавнику. Неизвестно, было ли чудовище сыто или оробело, но оно скрылось, когда он отогнал его, начав бить по воде руками и ногами. По крайней мере акула больше не показывалась.

Наконец Роберт очутился среди вздымающихся валов воды. Это предвещало близость прибоя. Внезапно он соскользнул в одно из таких углублений, откуда он был вынесен, без всякого усилия с его стороны, на гребень высокой волны. Оттуда он успел бросить взгляд на кайму белой пены, расстилавшейся у берега, за этой каймой виднелись мрачные утесы, разбросанные у берегов. В одном месте, несколько правей, полоса пены уже показалась, и линия утесов прерывалась. Похоже было, в том месте существовал проход. К этому проходу он направил свою доску, пересекая волны наискось, начавшийся прилив явился неожиданной помощью, так что он мог подвигаться в этом направлении без особого труда.

Волнение становилось сильнее, все глубже долины

между волнами
вздымавшихся
тут-то началась
Одна за другою
водяные горы.
громом страше
блюдавшему пр
сения. Можно
этого несчастн
поддерживаемо
свете луны, сред
чувствовать себ
мужества, напр
опасности; если
в борьбе. Он о
был разбит, но
почувствовал се
стрее. С гребня
миле от себя
ший посередине
этого ручейка.

Вначале все
нимали его кве
белой пены. Но
все резче, и пер
Роберт больше
шло покорит
как бы в адск
наверно, погиб,
сательного поя
то выбрасывало
он мог слышат
прерывную пали
ной стихии.

С трудом уд
руках, изранен
лялся за нее с
разбивались на
вынесенный на
дух, пользуясь
как чайка, по
погружался в
падал и как
как бу

между волнами, впереди себя он видел седые гребни вздымавшихся валов. Он вошел в полосу прибоя, и тут-то началась для него отчаянная борьба за жизнь. Одна за другою перед ним росли мощные и грозные водяные горы. Даже с безопасного места вид этих громад страшен; это ощущение знакомо всякому, наблюдавшему прибой, например у берегов острова Вознесения. Можно себе вообразить, каковы были чувства этого несчастного, потерпевшего крушение человека, поддерживаемого одной утлой доской; один в зловещем свете луны, среди ада разъяренной стихии, он должен был чувствовать себя совершенно погибшим. Но он не терял мужества, напротив, его решение крепло перед лицом опасности; если ему суждено было умереть, то он умрет в борьбе. Он окоченел от долгого пребывания в воде, был разбит, но в эту минуту усталость отступила, он почувствовал себя сильным, кровь в жилах пошла быстрее. С гребня поднявший его волны он увидел в полумиле от себя на берегу маленький ручеек, протекавший посередине ущелья, и направил свой путь к устью этого ручейка.

Вначале все шло сравнительно гладко. Волны поднимали его кверху, с волнами он погружался в бездну белой пены. Но теперь поднимания и падения становились все резче, и пена начинала дробиться над его головой. Роберт больше уже не распоряжался собою; ему пришлось покориться прихоти волн. Он вдруг очутился как бы в адском кипящем котле, в котором он бы, наверно, погиб, если бы у него не было доски и спасательного пояса. То его увлекало куда-то в глубину, то выбрасывало с силою на поверхность валов, откуда он мог слышать яростный грохот прибоя, словно беспрерывную пальбу из тяжелых орудий, — гул разъяренной стихии.

С трудом удерживал он вырывавшуюся доску в своих руках, израненных от непрерывных усилий; но он цеплялся за нее с силою отчаяния. Когда волны с грохотом разбивались над его головой, он сдерживал дыхание: вынесенный наружу, на гребень, он жадно ловил воздух, пользуясь короткой передышкой. То он носился, как чайка, по самой верхушке валов, то, как дельфин, погружался в глубину; когда силы покидали его, он падал и касался ногами дна. Вдруг Роберт почувствовал, как будто стопудовая тяжесть тянет его ко дну. Доска вырвалась из рук, но его спас пробковый круг. Отливаю-

щая волна увлекла его за собою в глубину; беспомощный и обессиленный, он отдался ее воле, потому что не в силах больше был бороться.

В это время подкатился огромный вал, больше всех предшествовавших, — это была волна, которая у прибрежных кафров зовется «отцом волн». Она подхватила Роберта в свое зеленое необъятное лоно, она пронесла его, как пушинку, над полосой гибельных утесов, притаившихся в воде; раздался оглушительный грохот, волна разбилась, и он был выброшен на песок подле ручейка; волна волочила его по песку, как соломинку, но наконец и ее силы иссякли, и она стала откатываться назад, увлекая его за собою.

Роберт был почти без сознания, но его оставалось довольно, чтобы сообразить, что, если он даст увлечь себя обратно в море, он погиб. Уносимый водой, он нащупал под собою что-то в земле и судорожно ухватился за это препятствие. Это был не то корень дерева, не то булыжник — он так и не узнал этого. Но это нечто крепко сидело в земле, и за него он держался изо всех сил. Неужели отлив никогда не окончится? Легкие его готовы были разорваться; он сам готов был отдаться уже воле судьбы... Но вот пена стала сползать с берега, волна ушла, оставив Роберта позади, как рыбу, выброшенную на сушу. С полминуты или больше он лежал, тяжело дыша, потом оглянулся в сторону моря, откуда приближалась новая волна, вырисовываясь в полумраке. Он с усилием поднялся снова и начал убежать, вернее, отчаянным усилием волочить ноги прочь от коварной волны, преследовавшей его по пятам. Он все спешил вперед, чтобы уйти от безжалостного врага — и вот он на сухом месте. Тут силам окончательно изменили ему; он поскользнулся, он ударился на коленях, истекая кровью из сотни ран от полученных им ударов, он упал навзничь и затих.

Лодка, в которой находилась Пегги, селась глубоко, и потому было очень трудно грести против прилива; кроме того, пассажиров было так много, что они мешали команде грести. Подул легкий ветерок с берега, как это часто бывает в этих широтах ко времени восхода солнца. Томпсон, офицер, решился прибегнуть к парусу. Это было сделано не без труда, так как мачту пришлось ставить и крепить в тесноте; женщины кричали

от ужаса, и
груженная
— Не с
за борт! —
стихли.

Они успели
суть дела, т
волнение мо
надеясь с
И в самом
парус и леч
сон старалс
ря их, что
если же им
вдоль берега
где бы они
внушить над
они сидели

Наконец
в Южной А
своим блеск
ности моря.
и яркие луч
ших людей;
вериться, все
почувствовали
Все это в
состоянии. С
ногами на е
он даже пре
напрасну не

— Если
борт, живую
то вам прид
Припомните,
Мистер Б
изучать шир
нул сидевше
посмотрел по
довою.

— Это, д
сказал он; вс
в ту сторону
зонта

от ужаса, потому что под силою ветра их слабая перегруженная посудина почти зарывалась носом в воду. — Не смей двигаться, иначе прикажу выбросить за борт! — крикнул офицер, правивший рулем. Все стихли.

Они успели уйти далеко в море, но те, кто понимал суть дела, тревожились немало: ветер крепчал, и всякое волнение могло быть гибельным для лодки; трудно было надеяться спастись в переполненной людьми шлюпке. И в самом деле, часа два спустя пришлось убрать парус и лечь в дрейф, ожидая сумерек. Мистер Томпсон старался поддерживать бодрость в пассажирах, уверяя их, что сейчас они находятся на пути кораблей; если же им корабль не встретится, он обещал им пройти вдоль берега и поискать место, свободное от прибой, где бы они могли пристать. Если его слова и не могли внушить надежду, они все же успокоили потерпевших; они сидели молчаливые, наблюдая небо.

Наконец начало светать; неожиданно, как это бывает в Южной Африке, солнце поднялось из воды во всем своем блеске, сгоняя предутренний туман с поверхности моря. Через полчаса воздух сделался прозрачен, и яркие лучи солнца влили новую жизнь в окоченевших людей; они оглядывали друг друга, чтобы удостовериться, все ли остались в живых. Путешественники почувствовали голод, и им были розданы сухари с водою.

Все это время Бенита находилась в бессознательном состоянии. Один из пассажиров, грубый парень, стал ногами на ее распростертое тело, считая ее мертвой; он даже предложил выбросить ее за борт, чтобы понапрасну не загромождать лодку.

— Если вы попробуете выбросить эту женщину за борт, живую или мертвую, — сказал мистер Томпсон, — то вам придется последовать за нею, мистер Баттен. Припомните, кто ее сюда принес и как он умер!

Мистер Баттен прикусил язык, а Томпсон принялся изучать широкую поверхность моря. Вот он что-то шепнул сидевшему подле него матросу; тот тоже встал, посмотрел по указанному направлению и кивнул головою.

— Это, должно быть, другой пароход компании, — сказал он; все пассажиры, как один, повернули головы в ту сторону и увидели вдалеке полосу дыма на горизонте. Была отдана команда, развернули часть паруса, на мачту была поднята какая-то белая одежда, весла

были спущены на воду. Шлюпка двинулась вперед, забирая влево, и старалась догнать пароход, идя наперез.

Пароход двигался с большой скоростью, шлюпке предстояло пройти несколько миль, чтобы догнать его, но поднять весь парус при таком свежем ветре было рискованно. Через полчаса пароход прошел прямо против них, но они все еще были далеко от цели. Парус был отдан больше, лодка пошла с такой скоростью, какую только могло допустить благоразумие. Пароход проходил перед ними в трех милях; людей начало охватывать отчаяние. Тогда догадливый Томпсон без всяких стеснений разделся, стащил с себя белую сорочку, которую носил на балу, приказал матросу привязать ее к веслу и начал размахивать им во все стороны.

Пароход продолжал идти вперед, но вот послышалась сирена, и он стал поворачивать в их сторону.

— Они увидели нас,— сказал Томпсон,— это для нас всех большое счастье, потому что ветер усиливается. Уберите парус, он больше не нужен.

Через полчаса лодка с большими предосторожностями (так как ветер действительно усилился и поднимавшаяся волна стала переплескивать через корму их глубоко сидевшей в воде лодки) была привязана к веревке, брошенной с борта парохода «Кэстль», в три тысячи тонн водоизмещением, державшего путь в Наталь. С шумом был спущен трап, сильные руки людей, стоявших на сходне, перетаскивали поодиночке пассажиров, еще минуту тому назад так близко стоявших к смерти. Последней была поднята, кроме Томпсона, Бенита, которую пришлось втаскивать на веревке.

— Стоит ли брать ее на борт? — спросил офицер, стоявший на сходне, бросая взгляд на неподвижное тело.

— Не знаю; посмотрим,— сказал Томпсон.— Попросите сюда вашего врача.

Бенита с осторожностью была поднята на палубу парохода.

Лодку хотели было бросить, но Томпсон запротестовал и убедил капитана втащить ее на палубу. Между тем на пароходе распространилась весть о кораблекрушении; проснувшиеся пассажиры «Кэстля», одетые на скорую руку в первое попавшееся платье и даже в одеялах, столпились вокруг потерпевших, предлагая им свою помощь.

— Я в
Томпсон, К
питану «Кэ
стакан вис

Удар, п
точно силе
но в сущн
другой тя
скользнул
цел, хотя
Меры, при
Она еще н
еще наход
не считал
ния. Подк
ное, действ
утра.

Когда с
ствовала с
вязана. Это
чужой жен
в руке.

— Где
— Вып
горничная.

Бенита
потом повт

— Ваш
а с ним
лодке. Вот
водою.

— Кто
хим голосо

— Как
одеяло и н

Бенита
мента, когд
она не ус
подле

— Я вообще трезвенник,— сказал второй офицер Томпсон, когда он окончил свой короткий доклад капитану «Кэстля»,— но если кто-нибудь предложит мне стакан виски с содовой, я буду ему премного обязан.

ГЛАВА IV

Мистер Клифффорд

Удар, полученный Бенитою по голове, был достаточно силен, чтобы лишить ее сознания на многие часы, но в сущности он был не опасен: блок или какой-то другой тяжелый предмет ударил не прямо, а лишь скользнул по ее лбу; благодаря этому череп остался цел, хотя кожа была сорвана и ссадина была глубока. Меры, принятые врачом, привели ее скоро в чувство. Она еще не совсем пришла в себя и думала, что все еще находится на борту «Занзибара». Доктор пока не считал нужным выводить ее из этого заблуждения. Подкрепив ее бульоном, он дал ей снотворное, действие которого продолжалось до следующего утра.

Когда она пришла в себя окончательно, то почувствовала сильную боль в голове, которая была перевязана. Это ее удивило, так же как и вид совершенно чужой женщины, сидевшей перед нею с чашкой бульона в руке.

— Где я? Что за сон? — спросила она.

— Выпейте сперва это, я все скажу вам,— ответила горничная.

Бенита повиновалась, так как чувствовала голод, потом повторила вопрос.

— Ваш корабль погиб,— ответила горничная,— а с ним потонуло много несчастных; вы спаслись в лодке. Вот здесь ваше платье, оно даже не смочено водою.

— Кто отнес меня в лодку? — спросила Бенита тихим голосом.

— Какой-то пассажир. Говорят, он завернул вас в одеяло и надел спасательный пояс.

Бенита вдруг вспомнила все, что произошло до момента, когда она потеряла сознание: вопрос, на который она не успела дать ответ, юная парочка, ворковавшая подле нее,— все осветилось в ее памяти.

— Спасен ли мистер Сэймур? — прошептала она.

— Не знаю, мисс, — ответила горничная. — Здесь никого из пассажиров нет пассажира с таким именем. В то время вошел вахман; она засыпала его вопросом от Томпсона и других, как Роберт пожертвовал жизнью, и предполагая близость между ним и Бенитой, решила сказать ей истину, чтобы не подвести ее. Он мог сказать ей только, что надеется, что мистер Сеймур спасся в другой лодке.

Только на третий день решились сказать Бените правду, которую скрывать дольше было невозможно. Мистер Томпсон, войдя в ее каюту, рассказал ей все со всеми подробностями. Она слушала молча, пораженная, подавленная.

— Мисс Клиффорд, — сказал он, — я уверен, что это был один из самых благородных поступков, на какие только способен человек. Я его прежде считал просто пустоватым, ветреным парнем, но он оказался честным малым. Я бы все отдал, чтобы он остался жив, так же как и женщина с ребенком, для которых он не задумывался пожертвовать собою.

— Да, — повторила она машинально, — он честный малый. Но я верю, — прибавила она со странной твердостью в голосе, — что он жив. Если бы он погиб, я бы это знала.

— Я рад этой вашей уверенности, — сказал мистер Томпсон, который был уверен в противном.

— Слушайте, что я вам скажу, — продолжала она, — в то самое время, когда разразилась катастрофа, мистер Сеймур сделал мне предложение; я собиралась ответить, что согласна, потому что люблю его. Я верю, что смогу еще дать ему этот ответ.

Мистер Томпсон опять выразил надежду; будучи столь же прямым и добродушным человеком, сколько был мужествен, он выразил это тоном полного убеждения. Внутри он был уверен, что свой ответ она к этой жизни дать не сможет. После этого он передал ей, как ему было поручено, записку, которая была вложена в ее платье; исполнив свое тягостное поручение, он остался стоять у каюты. Она двинулась прочь, заперев за собой дверь и прижав ее к губам. Она думала: «Да, правы, Роберт Сеймур, вы будете для меня всем, чем только может быть мужчина для женщины; когда бы вы ни пожелали, вы услышите мой ответ; где бы я ни была, когда бы вы ни позвали, я всегда буду вашей».

После полудня в Бените пришла миссис Джефрис.

Она пришла была бледная; потрясения; не пострадав — что вы на колени знала, что св я все на св дитя. — Он время собир его на мне, могли жить Бенита — Мож Если он ум горжусь им гие — те, к что случилось шим ребенком мужу, хотя жен был ст Вечером где говорил их расспра строфы. Но Томпсона, поняв, в че избегали ещ В течени среди облом одну лодку борт кочегарни бара». Но возможности: боя, лодку шедшему в катастрофе, всему свету пассажиров Ночью т рис, «Кастл слишком в мог подойт очень мед от т

Она привела с собою своего ребенка. Она все еще была бледна, еще не совсем отделалась от пережитого потрясения; что касается ребенка, то он совершенно не пострадал от пребывания в теплой воде.

— Что вы подумаете обо мне? — сказала она, падая на колени перед Бенитой. — Но что я могла? Я сама не знала, что со мною делается. Ужас, боязнь за ребенка, — я все на свете забыла. — Она порывисто целовала своего дитя. — Он отдал свою жизнь за меня, а другие в это время собирались отогнать меня ударами весла. Кровь его на мне, я знаю это; он умер, чтобы я и мой ребенок могли жить.

Бенита смотрела на нее с участием. Она сказала: — Может быть, он вовсе не умер. Не печальтесь. Если он умер, то славной смертью, и я теперь больше горжусь им, чем если бы он жил так, как живут другие — те, кто хотел отогнать нас ударами весел. Все, что случилось, может быть, и к лучшему. Зато вы с вашим ребенком вернетесь целы и невредимы к вашему мужу, хотя я заплатила за это жизнью того, кто должен был стать моим мужем.

Вечером этого дня Бенита поднялась на палубу, где говорила с другими спасшимися женщинами; она их расспрашивала о мельчайших подробностях катастрофы. Но ни к кому из мужчин, исключая мистера Томпсона, она не обратилась ни с единым словом; поняв, в чем дело, они вскоре стали избегать ее, как избегали еще раньше мисс Джефрис.

В течение целых тридцати часов проходил «Кэстль» среди обломков погибшего парохода; он подобрал еще одну лодку со спасшимися пассажирами: был взят цо борт кочетар, державшийся за какой-то обломок «Дан-зибара». Но подойти к берегу не было никакой возможности: ветер усилился и вместе с ним ярость прибоя, лодку спускать было опасно. Встречному пароходу, шедшему в порт Елисаветы, было сообщено об ужасной катастрофе; оттуда весть о несчастье разнеслась по всему свету, а вместе с тем стали известны имена пассажиров, спасшихся в лодках.

Ночью того дня, когда Бенита говорила с мисс Джефрис, «Кэстль» бросил якорь в виду Дурбана; пароход был слишком велик и сидел глубоко в воде, поэтому не мог подойти к самому берегу; в те дни порт еще был очень мелок. На рассвете горничная разбудила Бениту от тяжелого сна, в который та была погружена. Она

сказала, что к пароходу подъехал на буксирном судне какой-то старый человек, желавший ее видеть. Из боязни возбудить в Бените обманчивую надежду горничная подчеркнула слово «старый». С ее помощью Бенита оделась. Когда солнце взошло, облив ослепительным светом город и его окрестности, Бенита поднялась на палубу. Там стоял, прислонившись к борту, худой седобородый человек, лицо которого, несмотря на многие годы разлуки, ей было знакомо.

Какая-то дрожь пробежала по ней, когда она увидела его, погруженного в глубокое раздумье. Это был ее отец, кому она обязана была жизнью в этом горестном мире, где так смешиваются горе и радость, отчаяние и надежда. Наверное, он натерпелся от других не меньше того, что сам нагрешил. Она подошла к нему и притронулась к его плечу.

— Отец, — сказала она.

Он повернулся к ней с живостью молодого человека; он отличался редкой подвижностью, которую унаследовала его дочь. Тело его сохранило свою живость, как и его ум.

— Дитя мое, — сказал он, — я бы узнал твой голос, где бы сто ни услышал. Он слышался мне во сне все эти годы. Милая детка, спасибо тебе за то, что ты ко мне вернулась. Целая и невредимая ты вышла из опасности, стоившей стольким жизни, чтобы утешить меня.

Он привлек ее к себе и поцеловал.

Она чуть-чуть отшатнулась от него, так как он нечаянно притронулся к ране на ее голове.

— Простите меня, — сказала она, — мне больно; вы знаете, я была ранена в голову.

Он обратил внимание на перевязку над ее бровью и почувствовал жалость.

— Мне никто не сказал, что ты была ранена, Бенита, — воскликнул он ясным, звучным голосом, не потерявшим свежести, несмотря на бурно проведенные годы жизни. — Я слышал только о том, что ты спаслась. Мне грустно, что в первый же миг после такой долгой разлуки я причиняю тебе боль; довольно страданий ты перенесла из-за меня и без того.

Бените послышалось в его голосе раскаяние в прошлых проступках, и это ее тронуло.

— О, это ничего, — ответила она. — Я знаю, что вы не хотели зла.

— Нет, дорогая моя. Я никогда не желал причинять

зло. Я был т
вица, Бенита,
— Неужел
вязка мне к л
Она думал
отец, несмотр
правильные че
ное лицо, кра
ках губ, похо
его привлека
ей, поднять
что он в пре
что это было

— Расска
он, глядя ее
можешь себе
Я ждал здес
вещавшая о
ми. В первый
пил, чтобы п
было в перв
грамма прищ
тал, к своей

— Да, с
веку. Вы, м
мистер Сейм

— Слыш
я разговори
сательной л
нита, и мне

Она схва
нем свой не

— Отку
Мистер
вчерашний
она ждала
ми столбцы
зибара». На
и стал чита

«Люди,
бился паро
проходивши
золотые
белые

зло. Я был только слабым человеком. Какая ты красавица, Бенита,— я не ожидал тебя увидеть такою.

— Неужели,— отвечала она, улыбаясь,— эта повязка мне к лицу? Это только вам так кажется.

Она думала, что красавцем мог скорее назваться ее отец, несмотря на свой возраст сохранивший на редкость правильные черты лица; его живые синие глаза, подвижное лицо, красивый рот с серьезной складкой в уголках губ, похожих на ее, седая борода — все это делало его привлекательным. Как мог этот человек, думалось ей, поднять руку на ее мать? Потом она вспомнила, что он в прежние годы был слаб к вину, и она поняла, что это было вполне возможно.

— Расскажи мне, как ты спаслась, детка,— сказал он, глядя ее руку своими тонкими пальцами.— Ты не можешь себе представить, что я пережил за эти дни. Я ждал здесь в отеле, когда пришла телеграмма, извещавшая о гибели «Занзибара» со всеми пассажирами. В первый раз после многих лет воздержания я выпил, чтобы потопить мое горе,— не бойся, детка, это было в первый и в последний раз. Затем другая телеграмма пришла с именами тех, кто спасся, и я прочитал, к своей неопишуемой радости, и твое имя.

— Да, своим спасением я обязана... одному человеку. Вы, может быть, слышали что-нибудь о... как мистер Сеймур спас мне жизнь?

— Слышал кое-что. В то время как ты одевалась, я разговаривал с офицером, командовавшим вашей спасательной лодкой. Он был благородным человеком, Бенита, и мне больно подумать о том, что его уже нет.

Она схватилась за стойку руками и остановила на нем свой неподвижный взор.

— Откуда вы это знаете, отец?

Мистер Клиффорд достал из кармана своего пальто вчерашний номер «Вестника Наталя»; в то время как она ждала с замирающим сердцем, он пробежал глазами столбцы газеты с длинным описанием гибели «Занзибара». Наконец он нашел то, что ему было нужно, и стал читать вслух:

«Люди, обследовавшие берег, в виду которого разбился пароход, передают о встрече с одним кафром, проходившим этими самыми местами; этот кафр показал золотые часы, которые он, по его словам, снял с тела белого человека, лежавшего подле устья речки Умволли. Внутри на крышке часов значилась надпись: «Роберту

Сеймуру к двадцать второму году рождения от его дяди». Имя мистера Сеймура встречается среди пассажиров первого класса, ехавших в Дурбан на «Занзибаре». Он принадлежал к старинной английской семье в Линкольншире. Это было его вторым путешествием в Южную Африку; в первый раз он посетил эти места несколько лет тому назад со своим братом с целью поохотиться на крупного зверя. Все, кто его знал, вместе с нами будут оплакивать его гибель. Мистер Сеймур был известен в Англии как отличный стрелок. В последний раз его видели в то время, когда он, как рассказывает один из спасшихся пассажиров, переносил мисс Клиффорд, дочь известного в Натале пионера, в спасательную лодку; но так как молодая особа, как мы узнали, в настоящее время вне опасности, то остается непонятной его гибель после того, как он вместе с нею вошел в лодку».

— Боюсь, что это слишком ясно, — сказал мистер Клиффорд, складывая газету.

— Да, вполне ясно, — ответила она прерывающимся голосом. — И все же — о, подумай, отец! — он просил меня перед самым несчастьем выйти за него замуж, и я не могу примириться с мыслью, что он умер, не узнав моего ответа.

— Да ведь я ничего этого не знал, — сказал старик. — Никто мне ничего об этом не говорил! Бедное дитя! Одно только можно сказать: он был только одним из трехсот душ, погибших вместе с ним. Возьми себя в руки, детка. Сюда идут. Да вот и буксир.

Всю последовавшую затем неделю Бенита была погружена в состояние безразличия и безнадёжности. Когда она ступила на берег, их встретили друзья её отца, которые пригласили их к себе погостить. Дом их находился в спокойной местности Береа. Здесь только Бенита почувствовала реакцию после перенесенных страданий и волнений, после ряда дней напряженного нервного состояния. Она сразу ослабела, силы оставили ее, так что врач заставил ее лечь в постель, где она и пробыла несколько дней.

Когда она в первый раз после нескольких дней лежания в постели вышла на веранду, то была уже почти здорова, но это не была прежняя Бенита. Она глядела на море, расстилавшееся перед нею: вероломная стихия была так же безмятежна, как и небо вверху.

Подошел отец, во все эти дни ходивший за нею

с преданностью в свою.

— Молодательно. — Сней Бенитой.

— Я никогда не говорила она.

Я возвращаю мне не следо умереть. Мне прыгнул в во

— Не гово во. — Конечно

после всего п так тебя люб

одиноким... —

— Я вас

глядя на него

Ведь у нас об

да ли? Ну а

нать.

Он привл

лицо ее горя

— Если б

— Я люб

другого на з

С этого

все росла и

могли обойти

— Никак

— Никак

как кафр уш

тело в море.

очень милый

около руин,

такого сына.

мое время,

Ничего не п

— Я рад

с ним, — ска

Они заго

кораблекруш

Роберта Сей

у всех на

и ра

с преданностью сиделки; он сел рядом и взял ее руку в свою.

— Молодчина, — сказал он, рассматривая ее внимательно. — Скоро выздоровеешь совсем, станешь прежней Бенитой.

— Я никогда больше не стану тем, чем была, — ответила она. — Все прежнее во мне умерло, хотя внешне я возвращаюсь к прежнему виду. Отец, быть может, мне не следовало бы так говорить, но я бы тоже хотела умереть. Мне жаль, что он меня не взял с собою, когда прыгнул в воду, чтобы облегчить лодку.

— Не говори таких слов, — перебил он ее торопливо. — Конечно, я сознаю, что не много для тебя значу после всего прошлого, — как я могу это забыть? — но я так тебя люблю, детка, и мне тяжело было бы остаться одиноким... — Он остановился.

— Я вас никогда не оставлю одного, — ответила она, глядя на него с нежностью своими темными глазами. — Ведь у нас обоих никого больше нет на свете, не правда ли? Ну а прошлое прошло, и нечего о нем вспоминать.

Он привлек ее к себе, прижал к груди и покрыл лицо ее горячими поцелуями.

— Если бы только ты смогла полюбить меня!

— Я люблю вас, отец, — ответила она, — и никого другого на земле я не могу уже полюбить.

С этого времени привязанность их друг к другу все росла и крепла. Мистер Клиффорд и его дочь не могли обойтись один без другого.

— Никаких нет новостей? — спросила она.

— Никаких... по крайней мере о нем. После того как кафр ушел, отлив, по всей вероятности, унес его тело в море. Теперь я хорошо вспоминаю его. Это был очень милый молодой человек. Когда я расстался с ним около руин, я помню, мне жаль было, что у меня нет такого сына. Как тяжело думать, что он ушел в то самое время, когда готовился сделаться моим сыном. Ничего не поделаешь.

— Я рада, что вы имели случай познакомиться с ним, — сказала она просто.

Они заговорили о другом. Он сказал ей, что история кораблекрушения обошла все страны мира и что имя Роберта Сеймура, совершившего геройский поступок, у всех на устах. Многие заинтересовались ее судьбой и расспрашивали о Бените.

— Чем скорее мы отсюда уедем, тем лучше, — сказала она нервно. — Но куда же мы уедем, отец?

— Куда пожелаешь, детка. Сперва я расскажу тебе, каково мое материальное положение. Много лет кряду я работал как каторжный, ибо сил у меня было много; в результате я, вместе с моим товарищем, являюсь обладателем отличной фермы в Трансваале, в высокой местности около озера Крисси, в стороне от реки Ваккерстроом. Мы разводили лошадей и нажили на этом недурно. Я отложил полторы тысячи фунтов; кроме того, ферма приносит нам ежегодно шестьсот фунтов чистыми. Но место это одинокое, кроме нескольких буров, никого нет вокруг; впрочем, буры славные ребята. Тебя не будет тяготить такая одинокая жизнь вдали от людей?

— Я не думаю, что мне такая жизнь покажется тяжелой, — ответила она с улыбкой.

— Не сразу, конечно, только постепенно ты поймешь, что значит жить в такой глуши. Правда, я бы мог продать свою долю в ферме моему компаньону, которую он, вероятно, согласился бы купить; или я мог бы ему доверить высылать мне мою часть доходов, что, впрочем, ему покажется не по вкусу, думается мне. Если бы ты захотела, мы бы могли поселиться в одном из городов поблизости; пожалуй, ты бы могла даже уехать жить обратно в Англию, где у тебя есть свой капитал, когда тебе придет охота.

— А вам бы этого хотелось?

Он покачал головой.

— Нет, вся моя жизнь здесь. Кроме того, у меня есть еще одно дело, которое я должен довести до конца, прежде чем умру. Для тебя я это должен сделать, деточка.

— Вы думаете о кладе в развалинах? — спросила она, глядя на него с любопытством.

— Да... Так, значит, ты слышала об этом? — спросил он, взглянув на нее быстро. — Да, я понимаю, тебе об этом рассказывал Сеймур. Это верно, я должен поискать в развалинах, но я тебе расскажу про это в другой раз и не здесь... не здесь. Ну, так как же ты решила, Бенита? Все зависит от тебя, я сделаю все так, как ты пожелаешь.

— Только не жить в городе и не возвращаться в Англию, — ответила она, между тем как Клиффорд с замирающим сердцем ждал этого ответа. — Отец,

я хочу отправиться с вами на вашу ферму; там я отдохну, там мы оба отдохнем. Земля эта стала для меня отныне священной.

— Хорошо,— ответил он с некоторым смущением,— но, видишь ли, Бенита, ведь мы там не будем совершенно одни. С нами будет жить Якоб Майер, мой компаньон.

— Якоб Майер? Ах, я припоминаю,— сказала она, вздрогнув,— это немец, какой-то странный, кажется?

— Немец, верно, и очень странный человек. Мог бы уже давным-давно стать богатым, однако ничего не добился. Он очень непрактичен, фантазер, при всей своей сметливости и предприимчивости. У него пренеприятный характер, Бенита, но мы с ним ладим; кроме того, нас связывает договор, поэтому мне от него трудно избавиться.

— Каким образом вы с ним сошлись?

— О, это дело давно минувших дней, много воды утекло с тех пор. Это была очень грустная история. Он говорил, что занимался торговлей вразнос среди зулусов. По всей вероятности, он умел дурачить черных; как бы то ни было, но он с ними однажды повздорил. Кончилось тем, что они сожгли его фуру, разграбили товары и угнали быков; кроме того, убили его слуг. Они бы и его убили, только, он говорил, ему удалось спастись весьма странным образом.

— Как это?

— Он рассказывал, что он будто бы загипнотизировал вождя племени и заставил вывести его из толпы преследовавших его черных. Это, конечно, звучит маловероятно, но я вполне верю Якобу. Он у меня работал шесть месяцев и выказал большое знание дела. Однажды ночью, я помню, это было через несколько дней после того, как я ему рассказывал историю португальского клада в земле матабеле, он вынул из-под подкладки своего камзола пятьсот фунтов банкнотами Английского банка и предложил мне их в виде своей доли во владении фермой. Да, это были пятьсот фунтов! А я все это время, в течение ряда месяцев, считал его нищим. Ну, раз он сумел так ловко подойти ко мне, я и решил войти с ним в компанию; это было лучше, чем оставаться вовсе без товарища в этой безлюдной местности. Мы с тех пор очень удачно вели свои дела, только поездка за кладом нам не удалась, хотя наши расходы с лихвой были покрыты сделкой со слоновой костью, которую мы там приобрели. Но в следующий

раз мы добьемся цели, я в этом уверен,— прибавил он с горячностью,— если только мы сможем убедить макаланга допустить раскопки на верхушке холма.

Бенита улыбнулась.

— Мне кажется, вы лучше бы сделали, если бы продолжали разводить лошадей.

— Вот ты скажешь свое мнение, когда услышишь историю про клад. Ведь ты воспитывалась в Англии: не побоишься ли жить у озера Крисси?

— Чего же мне бояться? — спросила она.

— Мало ли чего: одиночества или Якоба Майера...

— Я родилась на равнине и никогда не любила Лондона. Что же касается нашего странного приятеля, мистера Майера, то я его не боюсь, как вообще никого на земле не боюсь. Во всяком случае, я хочу побывать там и посмотреть, как мне там будет житься.

— Ладно,— ответил ее отец со вздохом облегчения.— Впрочем, ведь ты всегда можешь раздумать и уехать назад, не так ли?

— Да, конечно,— сказала она неопределенно,— я всегда могу уехать.

ГЛАВА V

Якоб Майер

Прошло более трех недель. Однажды утром Бенита встав со своего гамака из кожи, растянутой на раме, в котором она спала, оделась, с трудом поворачиваясь в своем тесном уголке фуры, откинула занавеску и вышла наружу. Она села на козлы фуры. Солнце еще не встало, утро было студеное в эту пору года: стоял холодный туман на возвышенной равнине Трансвааля. Бенита зябла в плотной шубе; она крикнула кучеру фуры, исполнявшему также обязанности повара, чтобы он поторопился с приготовлением кофе. Он стоял, завернувшись в свое покрывало, над огнем, который раздувал изо всех сил.

— Сейчас, сейчас, мисс,— ответил он, кашляя от едкого дыма, попавшего в его легкие.— Вода еще не закипела, огонь никак не хочет разгораться.

Бенита раздумывала над тем, почему она назвала эту местность «красной»; не утрачивая отгадкой этого, она, сидя на козлах, ждала, пока не закипит вода и не выйдет из своего отделения отец.

Он появился вдруг из-под бокового полога фуры, за

которым спал
сейчас умыт
с нею.

— Как д
спросила она

— Мил
мы не сможе
ных волов; н
шадей и до
устала от эт

— Нет, —
ная езда: л
сном. Я бы, н

— Если
лестить целы
когда трава
сможем пре

Она улы
что он в это
уверен, когда

Котелок

Ганс, сняв е
лотый кофе
помешав ко
огня и брос
ваальской р
писываются
стал чашки
судине из-п
у них не им
много лучш
с удовольст
твердые су
лод. Еще до
ние быть з

Солнце
туман оно
чив завтра
вести быко
их. Погон
остатки ко
Минуты че
в фуру, п
голоса

которым спал; заметив, что холод слишком силен, чтобы сейчас умыться, он взобрался на козлы и уселся рядом с нею.

— Как далеко мы сейчас от Рэй Кранц, отец? — спросила она. Так называлась ферма ее отца.

— Миль сорок, думаю, детка. В течение этой ночи мы не сможем пройти это расстояние на паре измученных волов; но после полудня мы сядем верхом на лошадей и доедем туда еще до вечера. Боясь, что ты устала от этой тряски на фуре.

— Нет, — отвечала она. — Мне нравится эта спокойная езда: лежишь себе в гамаке и спишь крепким сном. Я бы, кажется, так проехала остаток моей жизни.

— Если только тебе это нравится, ты можешь колесить целыми месяцами по стране. Африка велика; когда трава покроет поля и у тебя будет охота, мы сможем предпринять далекое путешествие.

Она улыбнулась, но ничего не ответила: она знала, что он в это время думал о том крае, где, как он был уверен, когда-то были зарыты португальскими сокровища.

Котелок на огне в это время весело запел, и повар Ганс, сняв его с торжеством с огня, насыпал туда молотый кофе из старой жестянки из-под горчицы. Затем, помешав кофе щепкой, он взял красную головню из огня и бросил ее в котел, — путешественникам по трансваальской равнине знаком этот прием, которому приписываются очищающие кофе свойства. Потом он достал чашки, которые передал вместе с сахаром в посудине из-под консервов мистеру Клиффорду. Молока у них не имелось, но что касается кофе, то он вышел много лучше того, чего можно было ждать. Бенита с удовольствием выпила две чашки, размачивая в нем твердые сухари. Она быстро согрелась и утолила голод. Еще до того, как кончился день, она имела основание быть этим довольной, как увидим впоследствии.

Солнце поднималось; сквозь висевший над землею туман оно казалось огромным и красным диском. Окончив завтрак, мистер Клиффорд отдал приказание привести быков, пасшихся не遠далеке на траве, и запрячь их. Погонщик, молодой зулус, который делил с Гансом остатки кофе, встал с корточек и отправился за быками. Минуты через две Ганс, занятый укладыванием вещей в фуру, прервал свою работу и сказал сдержанным голосом:

— Смотрите!

Следуя взором по направлению протянутой руки, Бенита и ее отец увидели на расстоянии не больше ста ярдов от них многочисленное стадо так называемых быков гну, шедших по хребту холма и останавливавшихся время от времени, чтобы проделать один из тех причудливых прыжков, которые дают основание бурам утверждать, что в мозгу этих животных сидит какой-то беспокойный червячок.

— Подай-ка мне мое ружье, Ганс, — сказал мистер Клиффорд, — у нас нет мяса, бык нам пригодится.

В то время, пока ружье системы Уэсли Ричардс доставалось из чехла и заряжалось, из всего стада остался всего один бык; увидев фуру, он повернулся в эту сторону и насторожился. Мистер Клиффорд прицелился и выстрелил. Бык упал, но тотчас вскочил на ноги и исчез за хребтом. Мистер Клиффорд с досадой покачал головой.

— Я не часто даю промах, но сейчас еще недостаточно светло. Все же бык ранен. Как ты полагаешь, не сесть ли нам верхом, чтобы догнать его? Ты бы согрелась от прогулки.

Бенита чувствовала сострадание к раненому животному; она подумала, что лучше было бы его прикончить, избавить от мучений, и согласилась. Через пять минут они были в седле и скакали вверх по холму. Предварительно мистер Клиффорд отдал приказание следовать с фурой по дороге, пока они не нагонят ее, и запаса несколькими патронами. За возвышением холма расстилалась широкая болотистая местность, ограниченная с другой стороны, всего в полумиле, другим возвышением; на этом возвышении виднелся неподвижно стоявший раненый бык. Они поскакали к нему, но, прежде чем успели подойти на расстояние выстрела, бык стал убегать прочь; он был лишь легко ранен и понимал, откуда ему грозит опасность.

Животное продолжало уходить, наконец, когда мистер Клиффорд спешился, чтобы попробовать достать его пулей, бык решил больше не ждать и стал убегать во все лопатки.

— Прибавим шагу, — сказал мистер Клиффорд, — не дадим ему спуска. — В нем уже проснулся охотник.

Они шли галопом, то поднимаясь на холмы, то спускаясь с них карьером, что напоминало Бените бурное плавание по Бискайскому заливу, они скакали по выбоинам, наполовину высохшим, но в дождливую пору

превраща
на камни
едов, рис
должала
за зиму
на рану,
на гребен
свой бег:
да живот
разбросан
хватал гл

Это б
перь уже
мере на
гатого ск
немногие
добным
пыли с в
стороны
сыпавши
чезали, о
ны ранен

Они н
форд нес
раненое
ную попь
круто по
врага Ми
да, попа
Рога его
гам коня
покатили

Бенит
издала л
бежать д
был совер
ние ноги
дико ози
дух.

— Ни
нападал,
Боюсь, ч
И в
торуую уд
При

превращавшимся в огромные лужи; они то выходили на каменистые участки, то проваливались в норы муравьедов, рискуя постоянно сломать шею. Скачка эта продолжалась по крайней мере миль пять; исхудавшее за зиму животное было очень легко на ходу, и, несмотря на рану, опережало их лошадей. Наконец, выбравшись на гребень холма, они увидели, куда животное направило свой бег: они очутились вдруг среди необозримого стада животных, тысячи и десятки тысяч голов которых разбросаны были по всему пространству, куда только хватал глаз.

Это было изумительное зрелище, которое, увы, теперь уже не может больше повториться, по крайней мере на равнинах Трансвааля. Бесчисленные стада рогатого скота, козлов, сери, среди которых попадались немногие экземпляры квагг, паслись там. С громopodobным шумом от мириад копыт, поднимая облака пыли с высохшей равнины, стада эти рассеялись во все стороны при виде их векового врага — человека. Рассыпавшись с быстротой ветра, они черной толпой исчезали, оставив за собой единственным хозяином равнины раненое животное, измученное скачкой.

Они направили к нему своих лошадей, мистер Клиффорд несколько впереди дочери. Он держал прямо за раненое животное. Тут оно сделало последнюю отчаянную попытку защититься. Остановившись внезапно, оно круто повернулось и с опущенной головой бросилось на врага. Мистер Клиффорд выстрелил наудачу. Пуля, правда, попала в быка, но не могла остановить его бега. Рога его, опущенные к земле, ударили по передним ногам коня, и в следующее мгновение человек, конь и бык покатались клубком по земле.

Бенита, остававшаяся в пятидесяти ярдах позади, издала легкий крик, но, прежде чем она успела добежать до отца, он со смехом встал с земли, так как был совершенно невредим. Бык пытался встать на передние ноги, издал нечто похожее на рыдание и на стон, дико озираясь по сторонам, перевернулся и испустил дух.

— Никогда прежде я не видел, чтобы бык гну так нападал, — сказал мистер Клиффорд. — Черт побери! Боюсь, что конь мой начнет хромать.

И в самом деле, конь хромал на одну ногу, в которую ударил бык; к счастью, нога не была повреждена. Привязав платок к рогу быка, чтобы отпугивать хищных

и гиен, и прикрыв тело несколькими охапками сухой травы, мистер Клиффорд сел на коня, хромавшего на переднюю ногу, и направился в обратный путь. Он рассчитывал прислать сюда людей, чтобы забрать тело убитого быка. Он не предполагал, что так далеко зашел в погоне за животным, поэтому только к полудню вышли они на место, по которому, как им показалось, проходила дорога. Но, не найдя ее, они повернули обратно, надеясь встретить фуру с распряженными быками. Однако миля проходила за милей, а фуры все не было видно. Тогда, убедившись в том, что они взяли неправильный курс, они опять вернулись на старое место.

Между тем небо темнело, а к трем часам пополудни разразилась гроза, сопровождавшаяся проливным ледяным дождем, первым весенним ливнем; к тому же задул резкий ветер, пробиравший их насквозь. В довершение всего проливной дождь сменился изморосью и густым туманом, который с приближением вечера спускался все ниже.

Положение их было ужасно. Заблудившиеся, голодные, промокшие до костей, на усталых конях, один из которых вдобавок хрома, они блуждали без цели по пустынной равнине. Только один раз счастье им улыбнулось. Заходящее солнце на несколько минут пронзило своими лучами туман, что дало им возможность увидеть направление, которого следовало держаться. Повернув лошадей в ту сторону, они шли до тех пор, пока не спустилась ночь. Тогда они приостановились; однако было ясно, что, если будут стоять на месте, до утра они наверняка погибнут от холода; необходимо было двигаться во что бы то ни стало. Конь мистера Клиффорда уже не в состоянии был носить всадника, поэтому старик слез с него и пошел рядом с дочерью, ведя коня под уздцы; он горько упрекал себя за недуманность, жертвою которой была его дочь.

— Ничего, отец, — ответила она, с трудом произнося слова, так как устала до крайности. — Не беспокойся, какая разница, где умереть: в поле, или в море, или еще где-нибудь?

Они брели вперед, не зная сами, куда идут. Бенита погрузилась в сон, сидя в седле, и проснулась только тогда, когда подле них вплотную завывала гиена; в другой раз она проснулась, когда ее конь, оступившись, упал на колени.

— Какой час? — спросила она наконец.

Ото
десять
от сво
Клифф
стреля
заряд,
чери, о
было
—
спросил
—
кажется
смогу д
Дожд
Им каза
чувство
томленн
гались в
ее остан
тила его
ривший
— К
— Н
В эту
увидела
При
щим. Это
роста, ст
бородой,
слоновой
покрыло
зались с
Как ни
ниями эт
щей тре
человека
творенно
на все,
заговори
— Хо
Впрочем,
а скорей
Посмо

Отец ее зажег спичку и посмотрел на часы. Было десять часов вечера; пятнадцать часов были они вдали от своей фуры, без пищи. Время от времени мистер Клиффорд, севший между тем снова на своего коня, стрелял из ружья. У него оставался всего лишь один заряд; увидев при свете спички изможденное лицо дочери, он разрядил ружье в последний раз, хотя трудно было ожидать помощи в этой беспросветной глуши.

— Что же, пойдём дальше или остановимся? — спросил он.

— Мне все равно, — ответила она, — но только мне кажется, что если я остановлюсь, то уже больше не смогу двигаться. Лучше пойдём.

Дождь перестал, но туман был все так же плотен. Им казалось, что они зашли в кустарники, потому что чувствовали мокрые листья, бившие их по лицу. Истомленные до последней степени, они с трудом передвигались вперед, как вдруг Бенита почувствовала, что конь ее остановился как вкопанный, словно чья-то рука схватила его под уздцы; послышался мужской голос, говоривший с иностранным акцентом:

— Куда это вы идёте?

— Не знаю, — ответила она точно во сне.

В эту минуту луна засветила над туманом, и Бенита увидела в первый раз Якоба Майера.

При лунном свете он вовсе не казался отталкивающим. Это был человек лет сорока, не слишком большого роста, стройный и подвижный, с остроконечной черной бородой, правильными чертами бледного лица цвета слоновой кости, которого даже африканское солнце не покрыло загаром, черные, блестящие глаза его то казались сонливыми, то вдруг загорались огнем мысли. Как ни чувствовала себя Бенита изнуренной тревожными днями этого дня, она не могла уйти от ощущения зловещей тревоги, которое вызывала в ней личность этого человека. Она чувствовала, что он весь полон неудовлетворенного честолюбия и желаний и что он может пойти на все, чтобы добиться своего. В это время он опять заговорил. Нечто в его голосе привлекло ее внимание.

— Хорошо, что я догадался пойти к вам навстречу. Впрочем, с моей стороны это была не догадливость, а скорей — как это называется? — инстинкт, что ли. Посмотрите, Клиффорд, куда вы привели свою дочь, взгляните-ка сюда, приятель! — Он указал пальцем вниз. Они перегнулись вперед и взглянули. Под ними, у са-

мых ног, зияла пропасть, до дна которой не доставал лунный свет.

— Клиффорд, мой друг, позвольте сказать вам, что вы неопытный путешественник; еще один шаг вперед, и вы оба с животными превратились бы в кучи мяса с переломанными костями. Знаете ли вы, что до дна пропасти добрых пятьсот футов? Да, можно сказать, что это был бы последний ваш сон.

— Что это за место? — спросил мистер Клиффорд, еще не отделавшись от испуга. — Не ущелье Леопарда?

— Ну, конечно, ущелье Леопарда, что же другое? Вы ведь шли по верху холма, а не низом. Какое это счастье, что до меня дошла мысль вашей дочери, потому что я уверен, что она обладает способностью посылать мысли на расстояние. Я как-то вдруг это почувствовал; это меня пронзило, как иглой, когда я отправился к вам навстречу и убедился, что вы сбились с дороги. Какой-то голос внутри меня подсказал: поезжай к ущелью Леопарда, но только поскорей. Я гнал лошадь через скалы в полной темноте, сквозь туман и дождь. Я здесь пробыл не более минуты до того, как вы подошли сюда, и только что успел схватить под уздцы лошадь мисс.

— Мы вам обязаны бесконечно, — пробормотала Бенита.

— Я и так вознагражден сторицей. Нет, я считаю, что это я вам обязан: ведь я спас вашу жизнь только благодаря тому, что вы передали мне свою мысль.

— Передала или не передала — это неважно, важно то, что все окончилось к лучшему, — перебил мистер Клиффорд с нетерпением. — А самое лучшее то, что нам до дома осталось всего три мили пройти. Не укажете ли вы нам дорогу, Якоб? Ведь вы хорошо видите в темноте?

— Охотно. — И он взял в свою белую, сильную руку лошадь Бениты под уздцы. — Моя лошадь дойдет сама; если же хотите, то перебросьте на руку ее поводья, — вот так. Теперь вперед, мисс Клиффорд, ничего больше не бойтесь. С Якобом Майером вам нечего бояться.

Они начали спускаться с холма. Майер больше не открывал рта; казалось, все его внимание было поглощено тропой, по которой он вел лошадь с величайшей осторожностью. Бенита также молчала; она была изнурена ездой до крайности — так изнурена, что больше не

управляла
залось, что
лую до того
потаенные
Его мысли
существа, и
чем, одно
какое-то бо
не то, какое
но совсем о
будто какие
с его жизни
мой для до
была для не
но мог осве

Все эти
была, когда
шли. Тепер
лость и оз
спуск казал

Наконец
некоторое р
в ворота дв
с освещенни

— Ну, т
произнес зв
судьбе, упр
меня к вам

Не отве
только стал
восклицани
в дом.

— Неме
ведя в ком
вести огонь
езда; сейча
горячей вод
поближе, с
ли у вас го

— Все,
латка с доб
помогу раз
Через

управляла ни мыслью, ни воображением своим. Казалось, что они отделились от нее и обрели небывалую до того силу, новую способность проникать в самые потаенные помыслы человека, шедшего рядом с ней. Его мысли проходили перед ней чередой, как живые существа, и все же прочитывать их она не могла. Впрочем, одно ей уже стало ясно: то, что она приобрела какое-то большое значение в жизни этого человека, — не то, какое женщина вообще имеет в жизни мужчины, но совсем особенное. Она почувствовала, что ее жизнь будто каким-то непостижимым образом переплелась с его жизнью и что она отныне стала ему необходимой для достижения его целей; казалось, будто она была для него тем, кого он ждал годами, кто единственно мог осветить его путь в темноте.

Все эти мысли так ее расстроили, что она рада была, когда они исчезли так же быстро, как и пришли. Теперь она чувствовала одно: бесконечную усталость и озноб; все члены ее тела болели, и крутой спуск казался нескончаемым.

Наконец они вышли на ровное место; пройдя еще некоторое расстояние и перейдя русло реки, они вошли в ворота двора и очутились вдруг перед дверью дома с освещенными окнами.

— Ну, теперь вы у себя дома, мисс Клиффорд, — произнес звучный голос Якоба Майера, — и я благодарен судьбе, управляющей нашей жизнью, что она привела меня к вам как раз вовремя.

Не ответив на эти слова, она слезла с седла, но, как только стала на землю, ноги ее подкосились. С легким восклицанием он бросился к ней, поднял ее и ввел в дом.

— Немедленно ложитесь в постель, — сказал он ей, ведя в комнату рядом с гостиной. — Я приказал развести огонь в вашей комнате в ожидании вашего приезда; сейчас тетка Салли вам принесет суп с водкой и горячей воды для ног. А, да вот и тетя Салли! Подойдите поближе, старина, помогите барышне раздеться. Все ли у вас готово?

— Все, баас¹, — ответила женщина, здоровая мулатка с добрым лицом. — Пойдемте сюда, деточка, я вам помогу раздеться.

Через полчаса Бенита, выпив предварительно столь-

¹ Хозяин.

ко водки, сколько она в жизни не пила, лежала в постели, тепло укутанная, и вскоре заснула.

Когда она проснулась, был уже день. Часы, стоявшие на камине, показывали половину двенадцатого. Она, стало быть, проспала почти полсуток, и теперь чувствовала себя вполне сносно, если не считать легкой тяжести в голове, что, впрочем, можно было приписать действию непривычного для нее спирта; зато она чувствовала голод, а это было самое главное.

Снаружи с веранды ей послышался голос Якоба Майера, который показался ей таким знакомым, как будто она его слышала всегда; он приказывал находившимся во дворе туземцам прекратить пение, которое могло разбудить хозяйку. Он употреблял зулусское слово «инкоси-каас», что, как она тут же припомнила, означало «хозяйка, госпожа». Ее удивила его заботливость, и она почувствовала к нему благодарность, но тут же вспомнила, что человек этот произвел на нее в сущности отталкивающее впечатление.

Она огляделась вокруг и нашла, что комната была уютная, хорошо меблированная, оклеенная обоями, с акварельными картинами нецурной работы на стенах; во всяком случае, этого она не ожидала в такой глухой местности. На столе стояла большая ваза с лилиями арум. Она старалась угадать, кто догадался поставить здесь цветы: старая мулатка Салли или Якоб Майер? Ее также занимал вопрос, кто писал акварели, изображавшие исключительно африканские виды; впоследствии она узнала, что как цветы, так и акварели были делом рук Якоба Майера.

На столике возле кровати находился колокольчик, в который она позвонила. Тотчас же послышался голос Салли, приказывавшей подать поскорее кофе; в следующую минуту женщина вошла с подносом, на котором были хлеб, масло и даже яйца с поджаренными сухарями, очевидно, приготовленные к ее пробуждению. Употребляя английскую речь вперемешку с голландской, она рассказала Бените, что отец ее еще в постели, но велел ей передать привет и справлялся о ее здоровье. В то время как она завтракала, Салли приготовила воду для умывания, потом внесла в комнату туалетные принадлежности, которые служили Бените во время ее путешествия на фуре и которые были благополучно доставлены на ферму в то время, когда она спала. Бенита спросила, кто приказал распаковать ее вещи, и

узнала, что это
мистера Майер
готово по ее п
— По-види
о других, — ска
— Да-да, —
заботится о д
все-таки больш
ловкий человек
быть большим
когда-нибудь
богатым!

Прошло ш
Бенита приб
пора, равнина
были в цвету
благоуханием
а на непристу
кармливали с
берегов озера
лии. Все вокр
и безбрежно.

Бенита со
того она себя
сил. Но внут
из головы ее
свою жизнь б
бенком, ночь
мала, сделал
готов был с
больше не б
с «Занзибар
своих мерз
еще более с
Но Бенита
вена. Она б
будь на бере
ночью она
ее головой
шум

узнала, что это тоже было сделано по приказанию мистера Майера, для того чтобы все необходимое было готово по ее первому требованию.

— По-видимому, мистер Майер очень заботится о других, — сказала Бенита.

— Да-да, — ответила старая мулатка. — Он очень заботится о других, когда он ими интересуется, но он все-таки больше интересуется самим собою. Майер очень ловкий человек — о, очень ловкий! Но он бы еще хотел быть большим человеком. И вы увидите, мисс, что он когда-нибудь будет большим человеком, большим и богатым!

ГЛАВА VI

Золотая монета

Прошло шесть недель с той памятной ночи, когда Бенита прибыла в Редд Крани. Наступила весенняя пора, равнина зеленела изумрудной травой, мимозы были в цвету и наполняли воздух своим одуряющим благоуханием. В их листьях голуби гнездились сотнями, а на неприступных скалах над пропастью ястребы выкармливали своих птенцов. В речных заводях и вдоль берегов озера белыми пятнами сверкали водяные лилии. Все вокруг оживло, жизнь была ключом, радостно и безбрежно.

Бенита совершенно выздоровела: никогда еще до того она себя не чувствовала такой здоровой и полной сил. Но внутри ее души все как будто оставалось тем из головы ее не выходил образ человека, отдавшего свою жизнь без колебаний, чтобы спасти женщину — ребенка, дочку — переполнял ее своим горем. Она думала, сделал ли бы он это, если бы знал, что она была готова слышать с ее уст, что в мире больше не было никаких вестей: да и сама Бенита с «Занзибаром» стала забываться. Жизнь поглотила своих мертвецов, и с тех пор произошло много других, еще более страшных катастроф.

Но Бенита никак не могла похоронить своего мертвеца. Она бродила по равнине, она садилась где-нибудь на берегу озера и следила взором за полетом птиц; ночью она прислушивалась, как они проносились над ее головой. Она любила слушать воркование голубей, шум выси в тростниках, голоса бекасов высоко в воз-

духе. Она считала, сколько козлов и быков проходило по дальнему хребту холмов, пока голова ее не тяжелела. Она искала забвения в разнообразной, многоликой жизни природы, но не находила его; она старалась раствориться в необъятности звездного неба, но оно оставалось далеко. Смерть господствовала надо всем в ее душе.

Только в обществе своего отца находила она некоторое облегчение, потому что его любовь смягчала остроту ее сердечной боли. Якоб Майер также очень занимал ее воображение; жуткое чувство, которое он вначале внушал ей, постепенно исчезло, да он и действительно был незаурядным человеком и даже в своем роде отлично воспитан.

Он рассказал ей, что в раннем возрасте был послан в Англию. Здесь он поступил служащим в контору южноафриканских купцов; впоследствии его недюжинные способности позволили ему выдвинуться, и он был послан заведующим отделением фермы в Канской колонии. Что с ним произошло, Бенита так и не узнала, но надо думать, что он там выказал слишком большую ловкость и предприимчивость. Как бы то ни было, но с фирмой, пославшей его, он должен был порвать, и в течение нескольких лет был странствующим торговцем, пока, наконец, не вошел в компанию с ее отцом.

Каково бы ни было его прошлое, она скоро нашла, что он был чрезвычайно способным человеком, умевшим вдобавок быть приятным. Это не кто иной, как он, написал акварелью картины, украшавшие ее комнату, а играть и петь он умел не хуже, чем писать красками. Она вспомнила, что Роберт рассказывал ей про мистера Майера, что он был весьма начитан в областях, весьма мало изучаемых в равнинах Южной Африки. У него была настоящая библиотека, по большей части книги исторического, философского и научного содержания. Он предложил ей пользоваться этими книгами. Романов он не читал на том основании, что сама жизнь, как он говорил, полна таких тайн и загадок, какие и не снились романистам.

Однажды вечером, когда они вдвоем прогуливались у озера, любуясь солнцем, лучи которого преломлялись и играли на гладкой поверхности воды, Бенита отважилась задать ему вопрос: как это мог человек его культуры и знаний удовлетвориться жизнью в пустынном и заброшенном краю?

— Делаю это для того, чтобы достигнуть большего

и зажить лучше
небе, мисс Кли
знаю, да навряд
здесь, на земле!
— Что же
стер Майер?
— Это преж
глазами, — больш
рые оно откр
изменным мат
мире деньги —
Она улыбнул
— Тогда пр
нах, живет неви
предположить,
жить, а властво
— Так вы д
це только для
вы от отца не с
танных в земле
— Я кое-чт
вздохом. — Слы
и ушли ни с че
— Ага, вам
ший в море, — м
встречались.
— Да, и вы
помните это?
— Я тогда
Но в конце ко
ствии, правда,
не позволили н
стенах. Но это
— Почему
торого, быть м
— Ведь вы
рые вещи, кото
Ну вот, я тож
нибудь в этих
ществует, и я
такого богатс
жете, и вот п
ской равн
думаю

и зажить лучшей жизнью, — ответил он. — Нет, не на небе, мисс Клиффорд; что на небе делается, я не знаю, да навряд ли там что-нибудь и есть. Но здесь, здесь, на земле!

— Что же вы понимаете под лучшей жизнью, мистер Майер?

— Это прежде всего, — ответил он, сверкая темными глазами, — большое богатство и те возможности, которые оно открывает. Да, я знаю, вы считаете меня неизменным материалистом, мисс Клиффорд, но в этом мире деньги — все, деньги — божество.

Она улыбнулась и сказала:

— Тогда приходится допустить, что здесь, в равнинах, живет невидимое божество, мистер Майер. Трудно предположить, чтобы вы на лошадях могли много нажить, а властвовать здесь не над кем.

— Так вы думаете, что я торгую здесь в Роой Кранце только для того, чтобы разводить лошадей? Разве вы от отца не слышали об огромных сокровищах, спрятанных в земле племени макаланга?

— Я кое-что об этом слышала, — сказала она со вздохом. — Слышала также, что вы шли искать клад и ушли ни с чем.

— Ага, вам рассказывал об этом англичанин, утонувший в море, — мистер Сеймур, не правда ли? Мы с ним встречались.

— Да, и вы его чуть было не подстрелили, — вы помните это?

— Я тогда подумал, что он пришел нас ограбить. Но в конце концов я ведь его не застрелил. Впоследствии, правда, нас оттуда прогнали, эти глупые дикари не позволили нам производить раскопки в крепостных стенах. Но это ничего не значит.

— Почему же вы продолжаете думать о кладе, которого, быть может, на деле не существует?

— Ведь вы вот, мисс Клиффорд, верите в некоторые вещи, которые тоже, может быть, не существуют. Ну вот, я тоже чувствую, что клад должен быть где-нибудь в этих местах. Я всегда в это верил. Он существует, и я его отыщу. Я еще буду обладателем такого богатства, которого вы и вообразить не можете, и вот почему я продолжаю жить в Трансваальской равнине и разводить лошадей. Да, смейтесь, вы думаете, что все это, конечно, плод больного воображения...

Тут он вдруг увидел Салли, которая появилась из-за складки холма позади них. Он спросил ее сердито:

— Ну, чего вам, тетка?

— Баас Клиффорд желает говорить с вами, баас Якоб. К вам обоим пришли посланные издалека.

— Какие посланные? — спросил он.

— Я не знаю, ответила Салли, обмахивая свое полное лицо желтым платком. — Они какие-то странные люди, очень устали с дороги и говорят языком, похожим на зулусский. Клиффорд хочет вас видеть.

— Не хотите ли и вы пойти, мисс Клиффорд? Нет? Тогда прошу извинить меня, я иду. — И он ушел, приподняв шляпу.

— Он чудак, мисс, не правда ли? — спросила Салли, когда он ушел.

— Да, — ответила Бенита равнодушно.

— Очень странный человек, — продолжала мулатка. — Чересчур много у него мыслей здесь, — она ударила пальцем по голове. — Я боюсь, она у него треснет когда-нибудь; но если выдержит, то он будет большим человеком. Я уже это вам говорила и еще раз скажу: его время придет. А теперь надо обед варить.

Бенита сидела на берегу, пока не сгустились сумерки; тогда она встала и пошла назад к дому. Она больше не думала о мистере Майере; она думала о том, как ей тягостно стало жить в этом доме, где ничто не занимает ее ума и не дает забвения в неизбывном горе.

Вечером, за обедом, или, вернее, ужином, она заметила, что ее отец и его товарищ находятся в волнении, которое они напрасно старались скрыть; ей казалось, что она отгадывает причину такого их состояния.

— Что, видели вы посланцев, мистер Майер? — спросила она, когда мужчины зажгли свои трубки.

— Да, я их видел, — ответил он, — они сейчас на кухне.

Он взглянул на мистера Клиффорда.

— Бенита, — сказал ее отец, — я узнал довольно любопытную вещь. — Ее лицо оживилось ожиданием, но он покачал головой: — Нет, это не касается кораблекрушения, там все кончено. Если тебя это интересует, я могу рассказать.

Бенита кивнула головой; она готова была слушать все, что угодно, только бы дать другое направление мыслям.

— Ты укладе, — про все подробности мать уехала на крупного путешествия из лучших Мы поохотились в северном слоновых к охоты; мы у месяцев, что ной суммы. который хо заплатил е Эти кухни дом я сам

Прошел наконец он на живого больной ср матабеое; т в одном по бези. Эти м их имя озн являются п пока он та верховного нинном; сам Этот Моли части Южн надо пола тысяч лет Молимо ле

Он рас когда все Мамбо, т против бе нимались тысяч пор собою с юг по которой моря. Нак двести му го

— Ты уже кое-что слышала об этом пресловутом кладе, — продолжал ее отец. — Теперь я тебе расскажу все подробно. Много лет тому назад, после того как твоя мать уехала с тобой в Англию, я отправился на охоту на крупного зверя в глубь страны. Моим товарищем по путешествию был Том Джексон, перекати-поле и один из лучших охотников на слонов во всей Африке. Мы поохотились очень удачно, но под конец расстались в северном Трансваале; я привез с собой домой много слоновых клыков, а Том остался там до нового сезона охоты; мы условились, что он вернется спустя несколько месяцев, чтобы получить от меня свою долю из вырученной суммы. Я приехал сюда, купил эту ферму у бура, который хотел сбывать ее с рук, купил дешево, так как заплатил ему сто фунтов за шесть тысяч акров земли. Эти кухни позади были его жильем, а этот новый дом я сам выстроил.

Прошел год, прежде чем я снова увидел Джексона; наконец он вернулся, больше похожий на мертвеца, чем на живого человека. Он был ранен слоньем и пролежал больной среди туземцев — макаланга, к северу от земли матабеое; там он хворал, лежа в тяжелой форме в одном поселке, по имени Бамбатсе, на реке Замбези. Эти макаланга — древнее племя. Мне кажется, их имя означает Народ Смерти; во всяком случае они являются потомками одной из древней расы. Так вот, пока он там находился, он вылечил старого Молимо, верховного жреца, от тяжелой лихорадки, хинином; само собой разумеется, они стали хорошими друзьями. Этот Молимо жил среди развалин, каких много в этой части Южной Африки. Это не так давно, но кажется, надо полагать, это было место, которое было много тысяч лет тому назад. Тут Том Джексон услышал от Молимо легенду, связанную с теми местами.

Он рассказал ему, что шесть поколений тому назад, когда во всем мире было много португальцев, они пришли в Мамбо, туземцы из этой части Южной Африки воевали против белых — кажется португальцев, — которые занимались там добычей золота. Они перебили много тысяч португальцев вместе с их рабами, тогда их пошел собою с юга, где сейчас племя добеи, до реки Замбези, по которой португальцы надеялись спуститься до берега моря. Наконец, оставшаяся в живых кучка их, человек двести мужчин и женщин, достигла очень возвышенного места, называемого Бамбатсе, где в настоящее время

живет Молимо среди обширных развалин старинной цитадели, выстроенной древними на неприступной горе, господствующей над рекою. Они привезли громадное количество золота, все, что они забрали с собою и что надеялись увезти. И хотя они достигли реки, но были лишены возможности убежать по ней, потому что их преследовали черные, которых были тысячи. Они стерегли их днем и ночью в своих челнах, а несчастные беглецы не имели лодок. Таким образом, они оказались запертыми в крепости, которую взять штурмом было невозможно, но и оставить нельзя было. Там они все поодиночке умерли от голода.

Когда стало известно, что в крепости уже нет живых, все туземцы, которые преследовали их с самого юга, жажда крови и мести, ушли, так как золота они не искали, оно им не нужно было; но предок старого жреца, который был в дружбе с португальцами и знал потайной ход в цитадель, вошел туда и нашел там среди мертвых одну только живую, но помешавшуюся от горя женщину; это была молодая девушка, красавица, дочь португальского военачальника. Он дал ей поесть, а ночью, когда силы немного вернулись к ней, она ушла; утром, на восходе солнца, он увидел ее, всю в белом, стоящей на верхушке скалы над рекою.

Он созвал своих советников, и они пытались уговорить ее спуститься вниз, но она отвечала, что не может, так как ее жених и все ее родные погибли и она должна последовать за ними. Тогда они спросили ее, где спрятано золото; они знали, что оно не могло быть брошено в реку, потому что наблюдали за осажденными день и ночь. Она ответила, что золото находится там, где оно было, но что ни один черный никогда его не найдет. Она прибавила, что поручает хранение золота вождю и его потомкам до тех пор, пока она снова не придет. Она сказала также, что если они не сдержат своего обещания, то все их племя, как она узнала, будет истреблено теми самыми дикарями, которые убили ее отца и близких. После того как она это произнесла, она еще постояла на скале и вдруг бросилась в реку. Больше ее не видели.

Начиная с того дня развалины посещает Молимо, который удаляется туда, чтобы в уединении размышлять; ни один человек не осмеливается вступить в самую верхнюю часть цитадели; что касается туземцев, то они скорее умрут, чем решатся заглянуть туда. Та-

ким образом, где были оставлены ни разу не видевшие дружбу с ним, Том так и не на маленьком хоронили и своего на мистера Майлс был сказать, что решили сделать. Остальное тебе под видом брата которому Том приятеле. Мы валь он Джексон верно, как сол небеса; каждое потому что ве от отца к сыну которая погиб рейра — имя т встречается в

Мы попросили скалы, но он передаваемый и что сможет вернется; во нам делать, и искали с заставо золотых всего фунтов в этот самый которого Якоясняется его к отысканию ту, по всей в португальцам нитой тонкий ку в этих вычеканена Больше, наша экспеди нас, когда м они нам во

ким образом, сокровища остались нетронутыми там, где были оставлены. Самого места клада Том Джексон ни разу не видел, так как Молимо, несмотря на свою дружбу с ним, никогда ему этого не позволял.

Том так и не выздоровел; он здесь умер и погребен на маленьком кладбище позади дома, на котором буры хоронили и своих. Вскоре после смерти Тома Джексона мистер Майер сделался моим компаньоном; я забыл сказать, что я рассказал ему эту историю, и мы решили сделать попытку овладеть богатым кладом. Остальное тебе известно. Мы добрались до Бамбатсе под видом бродячих торговцев, мы нашли Молимо, которому Том Джексон говорил обо мне как о своем приятеле. Мы спросили его, верно ли то, что рассказывал он Джексону о кладе, и он ответил, что это так же верно, как солнце, которое каждый день восходит на небеса; каждое слово его рассказа верно и правдиво, потому что весь этот рассказ передается непрерывно от отца к сыну; им даже известно имя белой женщины, которая погибла, бросившись со скалы. Ее звали Феррейра — имя твоей матери, Бенита; оно довольно часто встречается в Южной Африке.

Мы попросили у него разрешения взойти на вершину скалы, но он отказал нам в этом, говоря, что запрет, передаваемый из рода в род, не снят с этого места и что сможет это сделать лишь сама Феррейра, когда вернется; во всех же остальных местах он позволил нам делать, что мы хотели, даже рыть землю. Мы и искали с заступом в руках и нашли некоторое количество золотых предметов: бусы, кольца и проволоку — всего фунтов на сто стерлингов. Мы нашли также — в этот самый день мы встретили мистера Сеймура, которого Якоб Майер так неласково принял, что объясняется его возбуждением от мысли, что мы близки к отрытию клада, — одну-единственную золотую монету, по всей вероятности, из тех, которые принадлежали португальцам. Вот она. — Он бросил на стол перед Бенитой тонкий золотой кружок. — Я показывал ее знатку в этих вещах, и он сказал мне, что эта монета вычеканена при одном из дождей Венеции.

Больше, однако, мы ничего не нашли. Кончилась наша экспедиция тем, что туземцы макаланга застигли нас, когда мы пытались тайком проникнуть в цитадель; они нам пригрозили, что убьют нас, если мы не уйдем восвояси. Мы предпочли уйти, так как богатство нам

не нужно было бы, если бы мы из-за него были убиты.

Мистер Клиффорд кончил рассказ и стал набивать свою трубку; Майер рассеянно наливал себе из бутылки. Бенита с любопытством разглядывала тонкую работу старой монеты, думая о том, сколько горя и крови видел этот кружок металла.

— Возьми ее себе, — сказал отец. — Ее можно будет повесить к твоему браслету.

— Благодарю, отец, — ответила она. — Хотя, по правде сказать, я не знаю, имею ли я право овладеть этим сокровищем, единственным из всего португальского клада, которым вам владеть не суждено.

— Отчего же вы так думаете, мисс Клиффорд? — спросил Майер быстро.

— Вы сами знаете, отчего: ведь туземцы не позволяют вам даже искать этот клад; впрочем, искать и найти тоже две разные вещи.

— Туземцы могут изменить свое решение, мисс Клиффорд. История, которую вам рассказывали, еще не окончена, это только начало, а сейчас вы услышите продолжение. Клиффорд, могу ли я ввести посланцев? — И, не ожидая ответа, он встал и вышел из комнаты.

После его ухода ни мистер Клиффорд, ни его дочь не вымолвили ни слова. Бенита, казалось, была поглощена золотой монетой, которую она старалась приладить к своему браслету; в то самое время в ней заговорило то шестое чувство, которое уже однажды ее посетило, когда она находилась на пароходе после обеда в день катастрофы.

ГЛАВА VII. Посланцы

Дверь отворилась, и в комнату вошел Якоб Майер, за ним следовали три туземца. Бенита не видела и не слышала, когда они вошли; ее мысли витали где-то далеко. Она стояла у стола в глубине комнаты, выпрямившись во весь рост, одетая в белое, так как траур свой носила только в сердце; она была ярко освещена лампой, которая висела под потолком над ее головой; лицо ее и темные широко раскрытые глаза имели такое странное выражение в эту минуту, что Якоб Майер,

увидев ее, остановился как вкопанный; то же произошло с вошедшими вслед за ним туземцами. Все четверо оставались у дверей длинной гостиной, не сводя глаз с белой фигуры Бениты.

Один из туземцев указал своим тонким пальцем на нее и что-то прошептал своим товарищам. Майер, понимавший язык, подслушал их слова.

— Смотри, Дух Скалы!

— Какой дух, какая скала? — спросил он тихим голосом.

— Дух женщины, которая посещает Бамбатсе; это ее видели наши глаза, — ответил туземец, продолжая смотреть на Бениту.

Бенита слышала перешептывания и понимала, что речь идет о ней, но не могла разобрать ни одного слова. Со вздохом стряхнула она с себя это странное состояние оцепенения и села в кресло, стоявшее возле нее. Тогда туземцы, один за другим, подошли к ней ближе, каждый отвесил глубокий поклон, касаясь пальцами пола и не сводя с нее глаз. Ее отца они приветствовали только жестом руки. Она с любопытством рассматривала их. И в самом деле, в них много было любопытного: это были люди высокого роста, сухоощавые, со светлым оттенком лица, с тонкими, благородными чертами. В них не чувствовалась негритянская кровь, скорее кровь какого-нибудь древнего исчезнувшего племени вроде египтян или финикиян; казалось, их предками были люди, принадлежавшие много тысяч лет тому назад к мудрому, цивилизованному народу и, быть может, посещавшие дворы фараонов или царя Соломона.

Окончив приветствия, все три туземца уселись на полу, подобрав под себя свои подбитые мехом просторные одеяния, и стали молчаливо ждать. Якоб Майер подумал с минуту, потом сказал:

— Клиффорд, можете ли вы взять на себя труд перевести вашей дочери то, что будет сказано здесь? Пусть она узнает все в точности.

Затем он обратился к туземцам:

— Ваши имена Тамас, Тамала и Хоба; ты, Тамас, сын Молимо из Бамбатсе, которого зовут Мамбо, а вы, Тамала и Хоба, его советники. Так ли это?

Они кивнули головой.

— Хорошо. Теперь ты, Тамас, расскажи снова все и передай весть этой женщине, которую зовут Бенита;

пусть она тоже узнает все, потому что она принимает участие в нашем деле.

— Я понимаю, что она принимает участие, — отвечал Тамас. — Мы читаем в ее лице, что ее участие важнее всех. Вот слова Молимо, моего отца, высказанные моими устами; мы пришли издалека, чтобы передать его слова:

«Когда вы, двое белых людей, посетили Бамбатсе четыре года назад, вы просили меня, Мамбо, допустить вас к заповедному месту, чтобы искать клад, который был там зарыт португальцами при моих предках шестого поколения. Я запретил вам искать клад и даже войти в заповедное место, потому что я от рождения моего поставлен хранителем этого клада, хотя я не знаю, где он находится. В настоящее время я нахожусь в большом затруднении. Я получил вести, что Лобенгула, захватчик власти, вождь племени матабеле, объявил мне войну за то, что я не послал ему достаточную дань; я слышал, что в ближайшее лето он собирается напасть на меня со своим войском, чтобы смести меня и мой народ с лица земли, сжечь мою деревню, как пожар выжигает луга. У меня нет силы противиться ему: он силен, а я слаб, мой народ не воинственный народ. Из поколения в поколение мы были торговцами, земледельцами, искусными работниками по металлу, всегда были мирными людьми, которые не хотели ни убивать, ни быть убитыми. Кроме того, мы немногочисленны. Поэтому я не имею возможности бороться с Лобенгулой.

Я помню, что вы приносили с собой ружья, которые могут убивать людей и животных издалека. Если бы у меня было достаточное количество этих ружей, я бы из-за моих стен мог убивать воинов Лобенгулы, которые употребляют лук и стрелы. Если вы мне доставите сотню хороших ружей, и порох, и пули к ним, я считаю возможным посвятить вас в тайну клада, допустить вас в заповедное место, где вы сможете искать сокровища, когда и сколько вам будет угодно; если же вы найдете клад, то сможете увезти его куда захотите, без всякого препятствия с нашей стороны. Но я не хочу скрывать от вас истины. Ни вы, никто другой никогда этого клада не найдет, кроме одного, кто для этого предназначен. Так сказала белая женщина во времена моих предков; они слышали это своими ушами, а я слышал моими ушами от их потомков, и так это есть. Но если

вы привезете
поискать, —
назначенный
на, ибо тайна
Я же говорю
Вот мой
моим единым
которые сопер
говорит ис
вам свой
душный п
привезете
ружей, и
племя мата
Тамас, и
страну; но
слуг. Племя
свою судьбу
ленькую з
ком тяжел
сланцы, а
— При
— Мы
Майер. —
это будет
дадут есте
Трое т
который,
казу. Мин
затем Там
маленький
вернул его
золотых э
ни; в посл
танные ал
— Мы
ручению
не нужны
цепь име
щина бро
было у не
выдавший
ожерелье
связано
и

вы привезете ружья с собою, то сможете попробовать поискать,— может быть, кто-нибудь из вас и есть предназначенный. Но я не верю, что это может быть мужчиной, ибо тайна передана женщине. Это уже ваше дело. Я же говорю то, что мне было сказано.

Вот моя весть, переданная моими устами, Тамасом, моим единокровным сыном, и моими советниками, которые сопровождают его в свидетельство того, что он говорит истину. Я, Мамбо, Молимо в Бамбатсе, шлю вам свой привет и жду вас, чтобы оказать вам радужный прием и исполнить мое обещание, если вы привезете с собою десять раз десять далекобьющих ружей, и пороху, и пуль, которыми я могу прогнать племя матабеле; другого способа у меня нет. Мой сын, Тамас, и его советники приведут вашу фуру в мою страну; но вы не должны приводить с собою чужих слуг. Племя матабеле собирается на нас напасть. Я жду свою судьбу. Я посылаю вам в подарок одеяния и маленькую золотую вещь, так как слоновая кость слишком тяжела, чтобы ее могли взять с собою мои посланцы, а фуры у меня нет. Прощайте!»

— Принимаете ли вы предложение Молимо?

— Мы вам дадим ответ завтра утром,— ответил Майер.— Сто ружей не пустяк, их нелегко раздобыть, и это будет стоить дорого. А пока отправляйтесь, вам дадут есть и ночлег.

Трое туземцев, видимо, были разочарованы ответом, который, как им казалось, предшествовал полному отказу. Минуту или две они советовались между собой, затем Тамас положил руку в карман и вынул оттуда маленький сверток, обернутый в сухие листья; он развернул его и достал прекрасное ожерелье из плетеных золотых звеньев, в которые были вставлены белые камни; в последних без труда можно было узнать необработанные алмазы значительной ценности.

— Мы передаем этот дар,— сказал Тамас,— по поручению Мамбо, моего отца, этой женщине, которой не нужны наши одеяния и грубые золотые вещи. Эта цепь имеет свою историю. Когда португальская женщина бросилась со скалы вниз в реку, это ожерелье было у нее на шее. Во время своего падения она задела выдавшийся камень, на котором осталось висеть это ожерелье,— видишь, здесь оно было порвано и затем связано золотой проволокой. Оно повисло на камне, и мой предок снял его оттуда. Пусть это ожерелье

принадлежит белой женщине, если она обещает носить его.

— Возьми его, — прошептал мистер Клиффорд, когда он окончил перевод этих слов, — иначе они обидятся на нас.

Бенита ответила:

— Я благодарю Молимо и согласна принять подарок.

Тогда Тамас встал и надел на ее шею старинное ожерелье, судьба которого была такой трагичной. Это украшение носила когда-то женщина, которая, как и она, утратила самое дорогое в ее жизни. Что чувствовала эта женщина, когда ожерелье было сорвано с ее шеи? Не то ли, что теперешняя, живая Бенита, когда это же ожерелье очутилось на ней?

Три посланца встали, поклонились и ушли, оставив хозяев одних. Якоб Майер поднял голову, как бы желая обратиться к ней с вопросом, потом раздумал и замолк. Оба они ждали, что она заговорит, но Бенита хранила молчание. Наконец ее отец первый заговорил:

— Что же ты скажешь, Бенита? — сказал он.

— Я? Что же я могу сказать, кроме того, что услышала любопытную историю? Ведь эти посланцы пришли к нам, отец, и к мистеру Майеру, и от вас они и должны получить ответ. Какое же мне дело до этого?

— Я думаю, большое дело, милая дочка, по крайней мере так думают эти люди. Как бы то ни было, без тебя я туда не отправлюсь, а брать тебя с собою против твоей воли я тоже не хочу; ведь туда дорога немалая, да и само предприятие небезопасное. Ну как, хочется тебе туда?

Она думала некоторое время; ее собеседники смотрели на нее с ожиданием и тревогой.

— Да, — ответила она наконец спокойным голосом, — я туда с вами отправлюсь, но не потому, что мне нужны сокровища, а потому, что история их меня интересует. В самый клад я не очень-то верю. Если бы даже суеверный страх и держал туземцев на почтительном расстоянии, я сомневаюсь все-таки, чтобы они позволили посторонним лицам искать клад, если бы они верили, что он там имеется. Путешествие не кажется мне выгодным делом; кроме того, оно связано с большим риском.

— Что касается нас, то мы считаем его достаточно выгодным, — перебил Майер решительным тоном.

Ну а перед опасностями нельзя отступать, когда речь идет о миллионах.

— Это верно,— сказал ее отец,— но и она права: риск здесь есть, и даже немалый: лихорадка, хищные звери, дикари и многое другое, что предвидеть трудно. Вправе ли я ее подвергать всему этому? Не лучше ли отправиться нам вдвоем?

— Это было бы бесполезно,— возразил Майер,— посланцы видели уже вашу дочь и успели связать ее облик с суеверными представлениями о духе; я, разумеется, в это не верю, так как все это небылицы; но все же без нее дело наше обречено на неудачу.

— Лично меня опасности не пугают, отец,— сказала Бенита,— я с ними не считаюсь, потому что верю, что чему суждено случиться, то случится, а где умереть — здесь или на Замбези,— для меня разницы не составляет. Не знаю, почему, но мне кажется, что вы, отец, и мистер Майер идете навстречу гораздо большей опасности, чем я; потому вы должны подумать, прежде чем подвергать себя такому риску.

Мистер Клиффорд улыбнулся.

— Я уже стар,— сказал он,— вот мой ответ.

— А я привык ко всяким вещам,— прибавил Майер, пожав плечами.— Да кто бы не рискнул ради такой блестящей добычи? Богатства, неисчислимы богатства, какие и не снились нам, а с ними безграничная власть, безграничные возможности — награждать, карать, покупать все, положение, удовольствия и все прекраснейшие вещи, которые только богатому доступны.— И он раскинул руки, глядя восторженно вверх, словно с обожанием.

— За исключением таких пустяков, как здоровье и счастье,— прибавила Бенита не без сарказма; ее иногда передергивало от низменных стремлений этого человека, особенно когда она сравнивала его с другим, которого она потеряла навсегда; правда, тот, другой, считался в прошлом праздным и никчемным человеком. Но мистер Майер ее тоже интересовал, так как она никогда не встречала ничего, подобного ему: такие дарования, такая жажда удовольствий — и такое бездушие.

— Итак, значит, решено: мы едем,— сказала она.

Мистер Клиффорд медлил с ответом, но Майер решительно сказал:

— Да, решено бесповоротно.

Она с минуту ждала, что скажет отец, но он молчал; он подчинялся решению других.

— Ладно. Не будем больше сомневаться. Мы отправляемся в Бамбатсе на Замбези; мы едем в это отдаленное место на поиски золотого клада, и я крепко надеюсь, что, если нам удастся найти его, он оправдает ваши надежды и даст вам возможность осуществить все ваши мечты и желания. Спокойной ночи, дорогой отец, спокойной ночи.

— Моя дочь уверена, что наша поездка принесет нам несчастье, — сказал мистер Клиффорд, когда дверь за ней закрылась.

— Да, — ответил Майер сумрачно, — она в этом уверена; а ведь у нее есть дар ясновидения. А впрочем, и она может заблуждаться. Вопрос, стало быть, в том, решиться ли использовать удачное стечение обстоятельств, несмотря на связанные с этим опасности, или же оставаться здесь и разводить дешевых лошадей весь остаток нашей жизни? А как она будет смеяться над нашей трусостью! Нет, я еду в Бамбатсе.

Мистер Клиффорд и на этот раз не дал прямого ответа, только задал вопрос:

— Сколько времени понадобится, чтобы закупить ружей с запасом пороха и пуль, и сколько это будет стоить?

— От Ваккерстроома сюда около недели пути, — ответил Майер. — Старый Потчитер, здешний торговец, как раз привез сотню ружей «мартини» и сотню «уэстли-ричардс». По пятидесяти штук каждой системы да тысяча десять патронов обойдутся фунтов в шестьсот, и именно такая сумма приблизительно имеется у нас в банке; у нас к тому же фура и достаточно быков и лошадей. Мы можем захватить с собою дюжину лошадей и продать их выгодно в северном Трансваале, прежде чем войдем в полосу мухи цеце. Быки же нас, по всей вероятности, благополучно провезут по этой местности, большинство их привычны к цеце.

— Я вижу, что вы обо всем подумали, Якоб; но все же нам это обойдется в кучу денег, не говоря уже о прочих трудностях.

— Да, нам обойдется это дорого, и, к сожалению, ружья будут слишком хороши для кафров. Бирмингемская дешевка больше бы им подошла, да ее достать здесь нельзя. Но что такое деньги, что такое ружья в сравнении с тем, что они нам принесут?

— Вы бы лучше спросили мнение моей дочери на этот счет, Якоб; мне кажется, она смотрит совсем иначе на вещи.

— Мисс Клиффорд решила ехать и не изменит своего решения. Я ее больше спрашивать ни о чем не буду, — возразил Майер.

Он тоже оставил гостиную, чтобы отдать распоряжение насчет отъезда в Ваккерстроом, который должен был состояться завтра. Но мистер Клиффорд продолжал сидеть далеко за полночь, думая на все лады, хорошо ли он сделал, решившись на поездку, найдут ли они клад, о котором он мечтал столько лет, и что готовит им еще судьба впереди.

Когда на следующее утро Бенита села завтракать, она спросила, где мистер Майер; ей ответили, что он уже уехал в Ваккерстроом.

— Видно, что он взялся за дело не на шутку, — сказала она, смеясь.

— Да, он все делает всерьез, — ответил ее отец, — хотя, по правде сказать, все его затеи не принесли ему удачи. Если дело наше провалится, то во всяком случае не из-за непредусмотрительности или небрежности с его стороны.

Прошло около недели, пока Майер вернулся из своей поездки; в это время Бенита также готовилась к путешествию. В промежутках между несложными приготовлениями она часто беседовала, с помощью отца, с тремя туземцами макаланга, которые полностью наслаждались отдыхом после долгого, утомительного путешествия. Их разговор носил общий характер, потому что, по какому-то безмолвному уговору, они избегали говорить о кладе и обо всем, что так или иначе касалось его; зато из разговоров с туземцами она вынесла весьма благоприятное мнение о них и об их племени. Она убедилась в том, что, хотя они и говорили на зулусском диалекте, но ничуть не отличались храбростью зулусов, напротив, испытывали смертельный страх перед матабеле, которые представляли разновидность зулусского племени; страх их был так велик, что Бенита сомневалась, принесут ли им пользу все сто ружей против врага, если он вздумает напасть на них.

Они унаследовали от своих отцов и дедов их мирные занятия — земледелие и работу по металлу, они не были воинами. Бенита взялась за изучение их языка, который нашла нетрудным, так как у нее была при-

родная способность к языкам и она не забыла еще голландского и зулусского наречия, на котором лепетала, когда была ребенком; все это она вспомнила теперь. Через короткий промежуток времени она уже довольно бегло объяснялась на каждом из этих языков, времени было у нее довольно, чтобы заняться и грамматикой, и чтением.

Дни проходили за днями, как вдруг однажды вечером Якоб Майер вернулся с двумя шотландскими повозками, груженными десятью длинными ящиками наподобие гробов и другими — небольшими, но очень тяжелыми; кроме того, там было много другого товара. Как и предполагал мистер Клиффорд, Майер ничего не забыл закупить; он даже догадался купить Бените необходимую для путешествия одежду и револьвер, которого она не просила.

Через три дня они оставили Роой Кранц в изумительно ясное воскресное утро ранней весной; дома они сказали, что уезжают с торговыми и охотничьими целями в северный Трансвааль. Бенита оглянулась назад на уютную маленькую ферму и на поросшее деревьями ущелье позади, в которое она чуть было не провалилась в ту дождливую ночь, и на мирное озеро против дома, над которым проносилась дичь, спеша в свои гнезда с добычей. Она вздохнула; теперь, когда она покидала его, дом казался ей совсем родным; ей приходило в голову, что она, может быть, уже больше его не увидит.

ГЛАВА VIII Бамбатсе

Почти четыре месяца длилось их путешествие, пока, наконец, однажды ночью фура с пассажирами — мистером Клиффордом, Бенитой и Якобом Майером — достигла владений Молимо Бамбатсе, имя которого было Мамбо. Впрочем, это скорее был его титул, потому что, как говорил Тамас, сын его, каждый вождь, преемник прежнего, назывался Мамбо; но не все были Молимо, жрецы и прорицатели, представители великого духа, которого они называли Мунвали. Поэтому иногда Молимо, или жрец Мунвали, и Мамбо, или вождь, были разными лицами. Так, например, Тамас по смерти своего отца должен был стать Мамбо; но так как ему

не являлись видения или откровения, то он не был призван быть Молимо.

В продолжение этого длинного пути они испытали разные приключения, которые были обычны для путешественников по Африке в те дни, когда еще не было железных дорог; были встречи с дикими зверями и туземными племенами, переходы через разлившиеся реки; но гораздо хуже была жажда, которую им пришлось терпеть целых три дня, когда они не нашли колодца или источника в том месте, где ожидали встретить. Но ни одна из этих невзгод не была очень чувствительной, и в общем никогда до того они не были бодрее и здоровее, чем к концу путешествия; им даже удалось всем избежать лихорадки. Суровая, дикая, но здоровая жизнь принесла громадную пользу здоровью Бениты; тот, кто встречал ее на улицах Лондона, с трудом бы узнал свою знакомую в этой полной жизни, бодрой молодой женщине со здоровым цветом лица, которая сидела этой ночью на привале перед костром.

Все лошади, которых они взяли с собою в дорогу, были ими проданы, за исключением нескольких, павших в пути, и трех других, которые были невосприимчивы к местной смертельной болезни лошадей и которые верно служили путешественникам. Своих слуг они отослали обратно в Роой Кранц с одной из шотландских повозок, нагруженной слоновой костью, которую приобрели у охотников-буров, пришедших из северного Трансваля. После ухода слуг три туземца макаланга, как это было условлено, взяли на себя труд вести маленький караван и смотреть за скотом, а Бенита взялась стряпать пищу, которую добывали на охоте или покупали дорогою у черных.

Целыми днями они проходили по стране почти пустынной, теперь же, перевалив через высокий хребет, тот самый, у подножия которого Роберт Сеймур оставил свою фуру, они очутились на низменности, которая, судя по остаткам строений, разбросанных повсюду, когда-то была населена и обработана. Справа от них поднималась гряда холмов, за которою, как сообщили макаланга, протекала река Замбези; прямо против них, на расстоянии не более десяти миль, поднимался высокий одинокий холм, тот самый Бамбатсе, который являлся целью их длинного путешествия; холм этот с трех сторон омывался великой рекой. Когда они пришли в это место, один из трех туземцев макаланга,

Хоба, ушел вперед, чтобы возвестить об их прибытии.

Они выпрягли быков среди развалин, большая часть которых имела форму круга; изучая их при свете луны, Бенита решила, что это были некогда дома. Это безлюдное в настоящее время место когда-то, сотни или тысячи лет тому назад, было, без сомнения, населено многочисленным великим народом. Скорее всего это было тысячи лет тому назад, так как невдалеке от их стоянки из середины разрушенного дома поднимался огромный баобаб, которому было не меньше десяти или даже пятнадцати веков; он вырос из-под цементированного пола, остатки которого еще виднелись у его могучего подножия.

Тамас, сын Молимо, заметив, что Бенита углубилась в изучение этих археологических остатков, подошел к ней и поклонился.

— Госпожа, — обратился он к ней на своем родном наречии, на котором она теперь бегло объяснялась, — взгляни на город моего народа, — тут он показал вокруг широким жестом руки.

— Откуда вы знаете, что это его город?

— Я не знаю: камни не умеют говорить, духи безмолвны, а мы сами все позабыли. Все же это так, я уверен; наши отцы нам говорили, что всего шесть или восемь поколений тому назад здесь жило много народу, хотя и не он поставил эти стены. Даже всего пятьдесят лет тому назад здесь еще жили люди, но племя матабеле перебило их, и нас не много осталось; вы увидите завтра, как мало нас. Подойди сюда и посмотри. — Он взял ее за руку и ввел в четырехугольный скотный двор, находившийся невдалеке. Внутри росли пучки ползучих трав и разбросаны были кусты; там и сям виднелись кучи черепов и костей.

— Люди матабеле убили их еще во времена Моселикатце, — сказал он. — Теперь ты знаешь, отчего мы, оставшиеся, боимся матабеле и хотим иметь ружья, чтобы защититься от них; для того мы и продаем нашу тайну, чтобы купить ружья, за которые мы ничем другим заплатить не можем.

— Я понимаю, — ответила она, глядя на высокого, статного мужчину, в душе которого боязнь и рабство оставили неизгладимые следы, — теперь я понимаю.

На следующее утро они поехали дальше, все время проходя среди развалин, среди следов умершего, забытого народа. Оставалось пройти не более десяти миль,

чтобы достиг-
шествия; но
гой, шла в
только четы
ную повозку
с трудом; п
уже было да
ное место, к
звать городо

— Если

по реке, я
этими быкам
заморенных

— Почем

— Да по

ще, как и
свое действ
сейчас увер
случилось е
в кустарник
делать там

Они при
открылся в
Бамбатсе. И
ся в широк
ножие холм
они очутил
как с этой с
пятьдесят
гранитную
был у подо
выстроены
эти отлича
видно, не
поняла, по
брали это
погибли не
окружавши
деле, крепо
какой угод
полагали с

По ту
мнению, в
раскинула
лут

чтобы достигнуть цели их долгого, утомительного путешествия; но дорога, если можно было это назвать дорогой, шла в гору, и быки, которых теперь оставалось только четырнадцать, запряженные в тяжело нагруженную повозку, похудевшие и с разбитыми ногами, везли с трудом; подвигались они очень медленно. Наконец уже было далеко за полночь, когда они вошли в населенное место, которое лишь с натяжкой можно было назвать городом Бамбатсе.

— Если бы нам пришлось уйти отсюда, то только по реке, я полагаю; навряд ли мы далеко уйдем с этими быками,— заметил Майер, глядя с сомнением на заморенных животных.

— Почему же? — спросил с тревогой Клиффорд.

— Да потому, что несколько быков укушены мухой цеце, как и моя лошадь. И я уже начинает оказывать свое действие. Я еще сомневался прошлой ночью, но сейчас уверен в этом. Посмотрите на их глаза. Это случилось еще восемь дней тому назад, на равнине, в кустарниках. Я говорил, что мы не должны были делать там привала.

Они пришли к гребню холма, откуда перед ними открылся величественный вид развалин, окружавших Бамбатсе. Впереди вздымался холм, глубоко вдавшийся в широкое течение Замбези, которая омывала подножие холма с трех сторон; четвертая, против которой они очутились, была также защищена природой, так как с этой стороны склон холма до высоты больше чем на пятьдесят футов представлял собою почти отвесную гранитную стену, совершенно неприступную. Сам холм был у подошвы окружен глубоким рвом, а на нем были выстроены три кольца стен, одно над другим; стены эти отличались мощной кладкой и выведены были, очевидно, не теперешними руками. Глядя на них, Бенита поняла, почему несчастные беглецы-португальцы выбрали это место своим последним убежищем, где они погибли не от рук тысяч дикарей, преследовавших и окружавших их со всех сторон, а от голода. И в самом деле, крепость казалась совершенно неприступной для какой угодно армии, если только осаждающие не располагали осадными орудиями.

По ту сторону естественного рва, который, несомненно, в древности был наполнен водою из Замбези, раскинулась деревня туземцев макаланга Бамбатсе, штук семьдесят или восемьдесят жалких лачуг круглой

формы, как строения их предков, но только не из камня, а из глины, крытой соломой. Вокруг были разбросаны сады или четырехугольные участки поля, хорошо обработанные, в то время года покрытые густой цветущей пшеницей. Вокруг Бенита совсем не видела скота и сделала заключение, что он ради безопасности держится на холме, внутри стен.

Они спустились по ухабистой дороге через деревню, в которой женщины и дети глядели на них глазами, полными страха. Затем они вышли на плотину, которая у стены замыкалась наваленными камнями из развалин и кучами колючего кустарника. В то время как они ждали, пока несколько вышедших к ним навстречу людей освобождали вход от каменных глыб, Бенита разглядывала толстую, закругляющуюся стену, в которой еще оставалось футов сорок высоты; толщина ее должна была быть не менее двадцати футов; она была сложена из гранитных глыб без извести и окрашена орнаментом, образованным из разноцветных пород камня. В толще стены Бенита различила выемки, в которых когда-то, вероятно, устроен был подъемный мост, исчезнувший давным-давно.

— Чудесное место, — сказала она своему отцу. — Я очень рада, что поехала сюда. Были ли вы здесь повсюду?

— Нет, я был только в пространстве между первой стеной и второй и однажды только был между второй и третьей, внутренней. Старый храм, или как он там называется, находится на верхушке, внутри третьей стены, туда они нас не хотели пускать. Там и зарыт клад.

— То есть вы думаете, что зарыт, — возразила она с улыбкой. — Но, отец, уверены ли вы, что они вас туда пропустят в этот раз? Быть может, они только воспользуются ружьями, которые мы привезли, и потом прогонят нас?

— Ваша дочь права, гарантии нет никакой; и прежде чем ящики будут сняты с повозок, мы должны обеспечить себя, — сказал Майер. — Я знаю, что мы очень рискуем, но теперь уже поздно об этом толковать, следовало подумать об этом раньше. Ну вот, камни убраны. Вперед!

Длинный бич погонщиков защелкал, несчастные, измученные быки уперлись в ярмо и потащились через ворота роковой цитадели, просвет которых лишь с трудом пропускал повозку. Внутри была обширная пло-

щадь, которую
развалина
теперь все
ревьями
зовывала
ние время
через это
десять ярд
которая
мощной
селение Б
вать их.

Остан
туземцев,
попечени
ших их. Б
и все вм
было чело

Когда
нием одн
в знак по
дали тако
хорошего
ражением
на людей
и смерти.
рез этот
в круг, о
всех эти
шагах в
шись сп
спрятана
брошенн
разные
сесть, ч
заговори

— П
Тамас.
Бени
сотен па
это было
она сама
новки и
усыплен
рука

з камня, брошены, ошо об- и цвету- та скота сти дер- еревню, лазами, которая разва- как они ечу лю- та раз- которой долж- была ашена пород мки, в емный тцу.— здесь ервой торой н там й сте- клад. она туда вос- отом реж- бес- чень вать, мни из- ерез тру- ло-

щадь, которая, как можно судить по многочисленным развалинам, когда-то была густо застроена домами; теперь все это наполовину скрывалось под травой, деревьями и ползучими растениями. Эта площадь образовывала внешнее кольцо храма; в этом кольце в древние времена были дома жрецов и вождей. Перейдя через это кольцо, приблизительно расстояние в сто пятьдесят ярдов, они очутились у подножия второй стены, которая во всем была подобна первой, но не столь мощной постройки; там они увидели в тени стен население Бамбатсе, которое собралось, чтобы приветствовать их.

Остановившись шагах в пятидесяти перед группой туземцев, они спешились с коней, которых передали попечению Тамаса. одного из туземцев, сопровождавших их. Бенита пошла между отцом и Якобом Майером, и все вместе направились к толпе туземцев, которых было человек двести — все взрослые мужчины.

Когда они приблизились к ним, все, за исключением одного, который остался сидеть на земле, встали в знак почтения. и Бенита увидела, что все они обладали такой же внешностью, как и посланцы: все были хорошего роста с приятными чертами лица, но с выражением испуга в печальных глазах, они похожи были на людей, живущих изо дня в день под страхом рабства и смерти. Круг туземцев прерывался в одном месте, и через этот проход Тамас ввел белых; когда Бенита вошла в круг, она почувствовала на себе пристальные взгляды всех этих людей с грустными глазами. В нескольких шагах впереди сидел, прикорнув на земле и прислонившись спиной к стене, человек, голова которого была спрятана под покрывалом художественной работы, наброшенным сверху; белым пришельцам поставили три разные скамейки. Жестом руки Тамас пригласил их сесть, что они и сделали; так как им не подобало заговорить первыми, то они ждали молча.

— Простите и потерпите немного, — сказал наконец Тамас.

Бенита, которая чувствовала на себе взоры двух сотен пар человеческих глаз, хотела бы, чтобы молчание это было прервано поскорее; но после минуты или двух она сама подчинилась настроению окружающей обстановки и даже испытала род странного, но приятного усыпления. Эти могучие, грозные стены, сложенные руками неведомых людей, видевшие столько событий

и смертей; молчаливый тройной круг терпеливо ожидающих чего-то людей, быть может, потомков когда-то культурной расы; скорчившаяся фигура человека под покрывалом, вообразившего себя в общении со своим божеством,— все это было так необычно, так усиливало впечатление нереальности, что Бенита, уставшая от однообразия и банальности современной цивилизации, поддавалась с удовольствием настроению минуты.

Но вот человек зашевелился, отбросил назад покрывало и обнажил седую, как лунь, голову. Он трижды вздохнул. Его соплеменники не сводили с него глаз. Потом он перевел взгляд на трех белых, сидевших перед ним. Прежде всего он взглянул на мистера Клиффорда, и тень грусти промелькнула на его лице, затем на Якоба Майера, и выражение это сменилось испугом и тревогой. Под конец он остановил свой взор на Бените, и он засветился счастьем и миром.

— Белые, я приветствую вас от имени моих соплеменников. Сын мой, Тамас, привет тебе; ты хорошо справился с задачей, возложенной на тебя. Выслушайте меня: хотя вы с дороги устали и проголодались, прошу потерпеть минуту, я хочу сказать вам слово. Посмотрите, вы видите вокруг все мое племя, меньше двадцати десятков мужчин старше отроческого возраста, тогда как было время, когда людей в племени было больше, чем листьев на деревьях весной. Куда они все девались? Все по вине племени амандабеле, этих кровожадных собак, которых привел с собою, два поколения тому назад, Моселикатсе, военачальник чаки; он пришел к нам на юг, чтобы из года в год грабить и убивать.

Мы не воинственны, мы изжили войну и жажду убийства. Мы мирные люди, мы желаем возделывать землю и заниматься ремеслом, которое перешло к нам от наших предков. Но враги наши злы, дики и могучи, они убивают наших детей и стариков, они уводят наших молодых женщин и девушек в рабство и с ними весь наш скот. Где наш скот? Лобенгула, вождь племени амандабеле, забрал его у нас; осталось всего несколько коров, молока которых едва хватает, чтобы прокормить больных детей и сирот. А он требует еще скота. «Дай дани,— говорят его посланцы,— не то мы пошлем на вас наших воинов, они возьмут дань и вашу жизнь в придачу». Но у нас уже нет скота, весь скот забран. Все, что у нас осталось,— это древняя гора с развалинами на

ней и гор
предки к
я, Молим
ловах все
лась на
щекам.

Туземе
— Ма
— Сл

бенгула у
которые
им: если
чтобы м
из-за эти
места, к
нога бел
схоронен
тыре зим
гнали ото
ками дал
вернулись
людей и
знал,—во

Пото
ее в сто

— Я
которую

— Э
лая жен
принадл

— Д
шим с у
с собою

— К
нас в ф
но было

рядов, и
обещани

если не
домой

— С
шаем,—

— Р
форд,—

все

ней и горсть зерна, которым мы живем. Я говорю — я, предки которого были великими и сильными царями, я, Молимо, в голове которого больше разума, чем в головах всех амандабеле. — Тут его седая голова склонилась на грудь, и слезы потекли по его сморщенным щекам.

Туземцы, стоявшие вокруг, закричали:

— Мамбо, ты верно говоришь.

— Слушайте меня дальше, — продолжал он. — Лобенгула угрожает нам, поэтому я послал к этим белым, которые уже однажды были здесь; я послал сказать им: если они привезут мне сто ружей, пороху и пуль, чтобы мы могли отбить нападение людей амандабеле из-за этих крепких стен, я открою им тайну заповедного места, куда в течение шести поколений не ступала нога белого; я позволю им искать клад, который там схоронен, тот клад, который белые хотели искать четыре зимы назад. Мы им тогда в этом отказали и прогнали отсюда. Но потом я послал моего сына с советниками далеко в то место, где живут эти белые, и они вернулись через много месяцев, приведя с собою этих людей и еще одну девушку, о которой я ничего не знал, — вот она.

Потом он поднял сморщенную руку и, протянув ее в сторону Бениты, сказал:

— Я говорю вам, что там перед вами сидит та, которую ждали поколения людей.

— Это верно, — ответили люди макаланга, — это белая женщина, которая вернулась, чтобы взять то, что ей принадлежит.

— Друзья, — обратился Молимо к белым, слушавшим с удивлением его странную речь, — привезли ли вы с собою ружья?

— Конечно, — ответил мистер Клиффорд, — они у нас в фуре, все до одного, лучшие, какие только можно было найти; кроме того, с нами десять тысяч зарядов, купленных на большие деньги! Мы исполнили обещанное; теперь вы должны сдержать свое слово, если не хотите, чтобы мы уехали со всеми ружьями домой и оставили вас с вашими луками и стрелами.

— Скажите, каковы ваши требования, мы слушаем, — сказал Молимо.

— Вот наши требования, — сказал мистер Клиффорд, — ты должен дать нам кров и пропитание во все время, пока мы будем жить у вас. Потом ты должен

показать нам заповедное место на вершине холма, где умерли португалыцы и где спрятано золото. Потом ты нам должен позволить рыть повсюду, где нам захочется, и во всякое время. Если мы найдем клад или что-либо иное ценное для нас, ты нам должен позволить увезти это беспрепятственно и даже предоставить все средства к тому. Ты должен дать нам лодки и гребцов, если нам вздумается спуститься по Замбези, а также все другое, что нам может понадобиться. Кроме того, ты должен оградить нас от оскорблений, обид и притеснений со стороны твоих соплеменников во все время, пока мы твои гости. Верно ли я изложил наши условия?

— Да, но это еще не все, — сказал Молимо, — еще нужно прибавить следующее: во-первых, вы должны выучить нас обращаться с ружьями; во-вторых, вы будете рыть, где вам вздумается, и искать сокровища, но только без нашей помощи, так как нам нельзя вмешиваться в это дело; в-третьих, если племя амандабеле нападет на нас, вы должны прийти к нам на помощь и оказать всяческое содействие.

— А разве вы ждете нападения? — спросил Майер подозрительно.

— Белый, мы всегда ждем нападения. Согласны ли вы на мои условия?

— Да, — ответили одновременно мистер Клиффорд и Якоб Майер; последний прибавил: — Ружья и патроны принадлежат вам. Теперь поведи нас и покажи потайное место. Мы свое исполнили, теперь черед за вами; мы верим, что ты и твой народ честны и сдержите обещанное.

— Белая девушка, — обратился Молимо к Бените, — согласна ли ты тоже на эти условия?

— Я говорю то же, что мой отец.

— Хорошо, — сказал Молимо. — Я, Мамбо, в присутствии моего народа и именем Мунвали объявляю, что между нами состоялось соглашение. Выпрягите теперь быков из фуры, выгрузите ружья, чтобы мы могли их пересчитать. Дайте белым поест в их доме; после того как они утолят голод, я, единственный из вас, имеющий вход в заповедное место, поведу их туда, где они смогут искать клад; если найдут — пускай им владеют; если же нет — то уедут с миром.

Мистер
чтобы набл
ния насче
расседлат
тоже подн
очень про
к своему
сом и гла
как вдруг
вернулась
ных с го
туземцев;
вой они
развевалис
надеты на
шивались
толпу мак
совсем.

— Это
дался чей

В друг

— На

Но тр
возмутимо

— Кт
суровым
знакомце

— Се
со смехо

видеть на

Слона, Ч

к тебе с

шли воро

слова на

— Ск
мой наро

— Тв
спросил
вождь п
могут ра
что это

ГЛАВА IX

Клятва Мадуны

Мистер Клиффорд и Майер вернулись к своей фуре, чтобы наблюдать за выпряжкой быков; они дали указания насчет ухода за ними и приюта; распорядились расседлать лошадей и пустить на пастбище. Бенита тоже поднялась, ожидая с нетерпением обеда, так как очень проголодалась. Между тем Молимо обратился к своему сыну, Тамасу, говоря с ним ласковым голосом и глядя его руку. Бенита наблюдала эту сцену, как вдруг услышала шум позади себя. Она круто повернулась и увидела трех высоких мужчин, вооруженных с головы до ног в полные военные доспехи туземцев; на их левой руке висел щит, в правой они держали копье, черные страусовые перья развевались над их головой, черные пояса были надеты на их бедра, и черные бычьи хвосты свешивались с их колен; эти люди проходили через толпу макаланга с таким видом, точно их не замечали совсем.

— Это матабеле! Матабеле на нас напали! — раздался чей-то голос.

В другом месте кричали:

— На стены! Убейте их! Их немного, а нас много!

Но три воина подвигались вперед совершенно невозмутимо и остановились перед Мамбо.

— Кто вы и чего здесь ищете? — спросил старик суровым голосом, хотя страх объял его при виде незнакомцев и он дрожал всем телом.

— Сейчас узнаешь, вождь Бамбатсе, — ответил со смехом один из них, — ведь ты уже имел случай видеть наших воинов. Мы дети Лобенгулы, Великого Слона, Черного Вепря, отца амандабеле, и мы посланы к тебе с вестью, маленький старичок; мы пришли и нашли ворота открытыми и вошли, чтобы передать тебе слова нашего вождя.

— Скажите свою весть, посланцы Лобенгулы, я и мой народ слушаем вас, — сказал Молимо.

— Твой народ! Неужели это весь твой народ? — спросил с презрением воин. — Я не знаю, для чего наш вождь посылает против вас целое войско, когда вас могут разогнать палками наши мальчики. Мы думаем, что это все твои сыновья и родственники, собравшиеся встретить белых чужестранцев.

— Закройте проход в стене,— крикнул Молимо, дрожа от негодования.

Кто-то ответил ему:

— Отец, это уже сделано.

Но воины матабеле, вместо того чтобы испугаться, только захохотали в ответ, а их парламентар заговорил снова:

— Вы видите, братья, нас хотят поймать в ловушку? Ладно, можешь нас убить, старый колдун, нас всего трое против всех вас, но знай, что мы дорого продадим свою жизнь. Знай также, что за стеною ждут наши воины, которые ворвутся сюда и перебьют всех, сколько вас есть, мужчин и женщин, молодых и старых; детей и грудных младенцев. Ни одного в живых не оставят. Пусть говорят: здесь когда-то жило племя трусов макаланга из Бамбатсе. Нет, советуем тебе быть благоразумным, тогда, может быть, мы пощадим ваши жизни.

Все трое при этом стали спиною друг к другу, так чтобы не быть застигнутыми сзади врасплох, и остались в выжидательном положении.

— Я не убиваю посланцев,— сказал Молимо,— но если они говорят дерзости, я приказываю их выбросить за ворота. Говорите свою весть.

— Тогда слушай слово Лобенгулы.

И воин начал свою речь, как будто бы вождь матабеле обращался к своему вассалу, вождю макаланга:

— Ты мой раб, я посылал к тебе в прошлом году с требованием дани. Я потребовал скота и женщин и предупреждал тебя, что, если они не будут посланы, я сам приду взять их. Они не пришли, но на этот раз я пощадил тебя. Теперь я снова посылаю за данью. Ты должен дать моим посланцам пятьдесят коров и пятьдесят быков с пастухами для присмотра за ними; кроме того, двенадцать девиц по выбору моих посланцев. Если это не будет исполнено, я истреблю вас всех до одного еще до того, как родится новый месяц. Вот слова Лобенгулы,— заключил он. Затем, сняв с уха рожок с нюхательным табаком, взял понюшку и с насмешливым видом протянул его Молимо.

Гнев старика так разгорелся, что он потерял самообладание и вышиб табакерку из рук своего мучителя; табакерка упала на землю, и табак просыпался.

— Так прольется ваша кровь по земле, как этот та-

бак,— ска-
с земли

— С
голосом.
нас нет
грудных
вушек, н
для наш
Лобенгул
в год его
перь он
ссоры, и
остатка.

— В
это я ви
ков? Я э
Лобенгул
эту фуру
недостат

— К
белых? —
вы целы

— Л
бьем вас
время, л
жатва, н
Тузеп

шав эту
ко влил
небо, по
но новы
ему не

— К
дерева,
устами
и насел
он возд
пришли
был обо
бить и у
мужчин
осталос
ной зер
хотите
вати

бака,— сказал спокойно посланец, поднимая табакерку с земли и собирая остатки табака.

— Слушай,— сказал Молимо высоким дрожащим голосом.— Ваш вождь требует скота, зная, что скота у нас нет и что у нас едва хватает коровьего молока для грудных младенцев, лишенных матери. Он требует девушек, но, если мы их отдадим, у нас не останется жен для наших молодых мужчин. А отчего это? Оттого что Лобенгула, злой ястреб, ограбил нас до костей. Из года в год его воины приходят к нам убивать и грабить, а теперь он требует того, чего у нас нет; я знаю, он ищет ссоры, ищет повода, чтобы прийти и истребить нас без остатка. У нас ничего нет для Лобенгулы. Вот мой ответ.

— Вот как,— с насмешкой возразил воин.— А что это я вижу там за фуру, нагруженную товарами, и быков? Я знаю, что это за товары, я их видел в Булувайю; Лобенгула тоже покупает у белых этот товар. Отдай нам эту фуру с быками и товаром, и мы уйдем; хоть это и недостаточная дань, но мы на этот раз удовлетворимся.

— Как же я могу отдать вам имущество моих гостей, белых? — спросил Молимо. — Убирайтесь отсюда, пока вы целы, или я прикажу вас прогнать, как собак.

— Ладно, но знай, что мы вскоре вернемся и перебьем вас всех. Можете собирать свою жатву, пока есть время, люди Бамбатсе, ибо это будет ваша последняя жатва, клянусь именем Лобенгулы.

Туземцы, стоявшие вокруг, дрожали от страха, услышав эту угрозу. Но в Молимо эти слова, казалось, только влили силу. С минуту он стоял, вперив взор в голубое небо, подняв руки кверху. Затем он заговорил совершенно новым голосом, ясным, ровным, который, казалось, ему не принадлежал.

— Кто я? Я Молимо Бамбатсе, я сижу на верхушке дерева, под которым ищут приюта мои люди, и моими устами вещает Мунвали. Некогда мой народ был велик и населял всю эту землю вокруг. Он жил в мире со всеми; он возделывал землю и никому не причинял зла. Но пришли кровожадные зулусы с юго-востока, и путь их был обозначен кровью. Год за годом вы приходили грабить и убивать; вы забирали наш скот, вы убивали наших мужчин, вы уводили в рабство наших женщин, и вот что осталось теперь от великого племени, от житницы, полной зерен жизни,— горсточка людей. И даже это вы хотите уничтожить. Но я говорю вам, что этому не бывать, и вот вам мое вещание. Скажите своему вождю,

что предвещает ему старый, мудрый Молимо из Бамбатсе:

«Я вижу его преследуемым, как раненая гиена, через реки, кустарники, через чащи, через горы. Я вижу его умирающим в нищете и страданиях; но могилы его я не вижу, ибо она останется безвестной. Я вижу белых людей, отнимающих его землю и его добро; да, белым людям, а не его наследнику будет его народ оказывать почести. От всего его величия и его мощи останется только одно: проклятие, тяготеющее над именем его из рода в род. И еще я вижу мир и спокойствие в моей стране среди детей, моих детей.— Он помолчал, затем прибавил: — Вот моя весть вашему вождю, кровожадные собаки. Несите ее ему и убирайтесь немедленно. Я тебя не убью, но тебе не суждено увидеть лица твоего господина».

С минуту воины матабелы казались смущенными; Бенита слышала, как один из них сказал своим товарищам:

— Этот старик околдовал нас! Он околдовал Великого Слона и весь народ его! Убьем его!

Но, скоро оправившись от страха, их парламентар сказал со смехом:

— Так ты, значит, призвал сюда белых для того, чтобы подрываться под власть Лобенгулы, старый изменник?

Он повернулся круто и уставился на Клиффорда и Якоба Майера; потом заговорил:

— Слушайте, ты, седобородый, и ты, чернобородый, я вас подвергну такой смерти, о какой вы и не слыхали, а ты, белая девушка, будешь варить напиток для нашего вождя; так как ты хороша собою, то сделаешься одной из жен его, если он не пожелает отдать тебя мне.

Все, что последовало за этим, было делом одного мига. Пока туземец произносил свои хвастливые угрозы по адресу мужчин, Якоб Майер слушал его хладнокровно; но как только он обратился к Бените, он как будто проснулся: его черные глаза сверкнули, а бледное лицо исказилось гневом. Выхватив револьвер из-за пояса, он прицелился и выстрелил в одно мгновение — и черный рухнул бездыханный.

Никто не шелохнулся, все были поражены. Как ни привычны были к виду смерти туземцы, но внезапность того, что произошло, ошеломила их. Резкий контраст между видом цветущего, полного жизни воина, который

еще за ми
форменны
подейство
лежал на
в руке, ст
Бенита
но злорад
слышался
лостен. Хо
жен был

— Во
на убитог
зывал, что
шего его?
господин
говоряще
матабеле,
жатвы, к
страны.

Его в
тишина, ч
шей по к

Вдруг
табеле вд
ними, ка
бросилис
и грозное
бросали
выхода и
кинулись
сенная уж
о пощаде

— От
Майер,—
ворить мо

— Не
бо, эти л

— Сл
прорицат
о милосе
не напра

— Он
Тамас; д
ловой.

еще за минуту до того стоял перед ними, и черным бесформенным предметом, лежавшим неподвижно на земле, подействовал на их воображение жутким образом. Он лежал на земле, а над ним, с дымящимся револьвером в руке, стоял Якоб Майер и смеялся.

Бенита чувствовала, что наказание было заслуженно, но злорадный смех Якоба резал ее слух; в этом смехе слышался ей голос его сердца; и этот голос был безжалостен. Хоть он и совершил суд правый, но судья не должен был злорадствовать.

— Вот взгляни, — сказал Молимо, указывая пальцем на убитого воина матабеле, — лгал ли я, когда предсказывал, что этот человек больше не увидит лица пославшего его? Да, то, что случилось со слугой, случится и с господином, только не так скоро. Это воля Манвали, говорящего устами Молимо из Бамбатсе. Идите, воины матабеле, и принесите вашему вождю первый плод той жатвы, которую соберут белые среди воинов вашей страны.

Его высокий голос умолк, и вдруг воцарилась такая тишина, что Бенита с минуту слышала шорох пробегавшей по камням ящерицы.

Вдруг все переменилось. Оба оставшиеся воина матабеле вдруг бросились бежать, спасая свою жизнь, а за ними, как овцы, нападающие на трусившую собаку, бросились макаланга. Они срывали с бегущих их доспехи и грозное военное облачение, они били их палками, они бросали в них камни; избитые, израненные, не находя выхода из среды рассвирепевших туземцев, оба воина кинулись назад к тому месту, где стояла Бенита, потрясенная ужасной сценой, упали к ее ногам и стали молить о пощаде.

— Отойдите в сторону, мисс Клиффорд, — сказал Майер, — право, все три негодяя не больше заставят говорить мою совесть, чем один.

— Нет, не делайте этого, — ответила она, — Мамбо, эти люди посланцы, не следует их убивать.

— Слушайте голос милосердия, — сказал старый прорицатель, — в том месте, где никогда не говорилось о милосердии. Пусть уходят. Пусть она просит за них не напрасно.

— Они приведут за собою других, — пробормотал Тамас; даже старик Клиффорд покачал печально головой.

Но Молимо повторил:

— Я сказал. Пусть уходят. Чему быть суждено, то случится, и это не увеличит худа, если худо будет.

— Вы слышали? Уходите скорее,— сказала Бенита по-зулусски.

С трудом поднялись оба воина с земли и, поддерживая друг друга, встали перед нею. Один из них, с умным лицом, выражавшим непреклонную волю, обратился к Бените:

— Слушай меня. Этот глупец,— тут он указал на своего убитого товарища, лежавшего на земле,— говорил так, что заслужил смерть. Я же, молчавший все время и давший ему говорить, заслуживаю тоже смерти, ибо повернул спину и бежал перед этими собаками. Меня зовут Мадуна, я родственник нашего вождя. Ты даровала жизнь мне и моему брату, но я отказался бы от нее, если бы мне оставил ее другой. Что со мною будет, неважно: останусь ли я жить или нет. Но под стенами стоит много наших воинов. Чему быть суждено, то неминуемо случится, об этом правду сказал этот старый колдун. Выслушай меня, госпожа: если тебе случится просить за жизни двух людей, то Мадуна обещает тебе их даровать; я обещаю это за себя и за моего вождя. Вспомни слова мои, госпожа, когда придет нужда, а ты, мой брат, будь свидетелем моей клятвы.

С трудом передвигаясь после перенесенных побоев, оба воина потащились к выходу; перед этим они поклонились Бените, но не обратили никакого внимания на прочих присутствующих. Перед ними открыли проход в стене, и они скрылись.

В течение всей этой сцены Якоб Майер хранил молчание. Теперь он заговорил с горькой усмешкой:

— Милосердие, как говорит апостол Павел в вашей святой книге, покрывает множество грехов. Надеюсь, что оно сослужит нам службу, защитив наши тела от воронов, когда мы будем лежать бездыханны, как обещал этот негодяй,— сказал он, указывая на убитого им воина.

Бенита смотрела на отца вопросительно.

— Мистер Майер хотел сказать, что ты поступила неосмотрительно, спасши жизнь этим матабеле. Безопаснее было бы убить всех троих; теперь же они ушли, пылая мщением. Конечно, я понимаю твое естественное чувство сострадания, но...— он остановился в нерешительности.

— Вождь говорил совсем другое. Впрочем, если бы он даже и не говорил, я бы все равно так поступила; я

больше не м
смерти...—

— Вас н
рень наказа
щенные к ва
это касалос
ния. Что же
зла, ни добр
Молимо, и
затя,— при
дамам вооб

— Поче
це, Якоб? —
время в голо
нять что-ли
что нам луч
пока не поз

Майер в
девять из н
пятеро, кот
цеце, лежал

— Девят
тащат наше
быть уверен
которые ост
через своих
Наконец, по
мне бы не хо
чем, если вы
подвергается
можете пог
цели, хотя я
быть, вы по
бези в лодке
заболеть ли

— Со в
ни глянь. К

Бенита
чувствовала
общество ко
многое реш
стороны, ей
был утомле
также боль
поис

больше не могла перенести, довольно было одной такой смерти...— Она содрогнулась.

— Вас не должно было бы возмущать, что этот парень наказан смертью, это за его гнусные слова, обращенные к вам,— сказал Майер подчеркнуто.— Если бы это касалось меня, я бы не обратил на это даже внимания. Что же касается остального, то я не вижу здесь ни зла, ни добра; ведь я такой же фаталист, как и наш друг Молимо, и верю в предопределение. По правде же сказать,— прибавил он с некоторой резкостью в голосе,— дамам вообще не место среди дикарей.

— Почему вы этого не говорили там, в Роой Кранце, Якоб? — спросил мистер Клиффорд — Мне это все время в голову приходило, но я все не решался предпринять что-либо. Но теперь, раз это ясно стало, я считаю, что нам лучше убраться подобру-поздорову немедленно, пока не поздно,— как только окончим закуску.

Майер взглянул на быков, выпряженных из фуры; девять из них бродили по траве и щипали траву, но пятеро, которые, как полагали, были укушены мухой цеце, лежали на земле.

— Девять изнуренных и разбитых животных не потащат нашей фуры,— сказал он — Кроме того, можно быть уверенным, что вся местность окружена матабеле, которые оставляют здесь нас в покое, потому что знают через своих шпионов, что мы привезли много ружей. Наконец, потратив столько трудов и придя издалека, мне бы не хотелось уйти отсюда с пустыми руками. Впрочем, если вы считаете, что внутри этих стен ваша дочь подвергается большей опасности, чем снаружи, то вы можете попытаться уехать, наняв туземцев для этой цели, хотя я сомневаюсь, чтобы это вам удалось. Может быть, вы попробуете спуститься вниз по течению Замбези в лодке, но в этом случае вы подвергаете себя риску заболеть лихорадкой. Решайте вы с дочерью, Клиффорд.

— Со всех сторон препятствия и опасность, куда ни глянь. Как ты думаешь, Бенита? — спросил ее отец.

Бенита размышляла с минуту. С одной стороны, она чувствовала желание уйти подальше от мистера Майера, общество которого ее тяготило и тревожило; она бы на многое решилась, чтобы осуществить это. Но, с другой стороны, ей приходилось считаться с тем, что ее отец был утомлен дорогой и нуждался в отдыхе; было бы также большим ударом для него отказаться теперь от поисков клада, о котором он столько времени мечтал.

Кроме всего этого, как можно было пускаться в обратный путь без скота, без помощников? Наконец, какой-то внутренний голос, который ей когда-то внушил отправиться в Бамбатсе, казалось, теперь ее удерживал здесь. Она недолго думала и решилась.

— Дорогой отец, — сказала она, — я вам благодарна за заботы обо мне, но, насколько я могу судить, мы подвергнемся большей опасности, если вздумаем вернуться, чем если останемся здесь. Я сама захотела поехать, хотя вы меня старались удержать дома, а теперь я должна довести дело до конца и набраться мужества пройти через все опасности. Я уверена, что вооруженные столькими ружьями туземцы макаланга сумеют дать отпор всякому врагу.

— Я хочу надеяться, — ответил ее отец, — но здешние очень робкий народ. Конечно, лучше всего было бы вовсе сюда не ездить; но раз уж мы здесь, то лучше остаться и уповать на судьбу.

ГЛАВА X

Вершина горы

Если наши путешественники рассчитывали, что их поведут в заповедное место, хранилище клада, в самый день их приезда, то они были разочарованы. Остаток этого дня весь ушел на разгрузку ящиков с ружьями и патронами да на предварительное ознакомление туземцев с огнестрельным оружием; даже у главных представителей племени макаланга было самое смутное понятие о том, как следует с ним обращаться. Остальные туземцы, переведя во внешнее кольцо крепости женщин и детей, а вместе с ними овец и коз и немного оставшихся у них голов крупного скота, занялись тут же закладыванием камнями прохода в стене; для сообщения с внешним миром осталась только потайная тропа, вившаяся змеею по склону со стороны реки и проложенная в толще стены; ход этот мог быть в случае надобности завален камнями в несколько минут. Несколько человек было послано в качестве лазутчиков обследовать окрестность и разузнать, где находятся воины матабеле.

Что матабеле были недалеко, в том нельзя было сомневаться, так как одна женщина, которая последовала за избитым вождем Мадуной и его товарищем, видела, что они были встречены своими соплеменниками

на расстоянии
немного, от
из ветвей
ных и избитых
так как ид

Первую
которое бы
других; оба
Она была
уснуть. М
шедшего д
ние; након
парламенте
сцена не м
но возвращ
ром: мгновен
чале равнод
быстрое дв
к смерти и

И что
сомнения,
адресу, но
бы даже он
ли стал бы
ствиям и р
с вестнико
ни словом,
давно внут
его проис
уверена в э
ужаснее д
Конечно, с
ку и защи
вал: прекло
боты сказа
что-нибудь
в каком б
без всякой
Майера!

О, если
бы иначе с
цепь несча
пришла, ч
горя; она д
Если ей

на расстоянии трех миль от Бамбатсе. Правда, их было немного, они скрывались где-то в кустах; они устроили из ветвей носилки, на которых и унесли своих израненных и избитых товарищей; куда они ушли, она не знала, так как идти за ними дальше не решилась.

Первую ночь Бенита провела в помещении для гостей, которое было обыкновенной хижинкой, только побольше других; оба ее спутника улеглись спать снаружи в фуре. Она была так утомлена, что долгое время не могла уснуть. Мысленно она перебирала все события прошедшего дня: прибытие вестников и их грубое поведение; наконец ужасная и молниеносная расправа с их парламентом, совершенная рукою Якоба Майера. Эта сцена не могла изгладиться из ее памяти, она постоянно возвращалась и становилась перед ее мысленным взором: мгновенная перемена лица Майера, бывшего вначале равнодушным и искажившегося яростью, невероятно быстрое движение его руки, выстрел, переход от жизни к смерти и злорадный смех убийцы.

И что заставило его потерять самообладание? Без сомнения, причиной были оскорбительные речи по ее адресу, но было ли это только обидой за женщину? Если бы даже он и был способен на рыцарский поступок, едва ли стал бы он себя подвергать всем возможным последствиям и риску, связанному с такой жестокой расправой с вестником. Нет, здесь было нечто иное. Он никогда ни словом, ни жестом не выражал своих чувств, но уже давно внутреннее чутье подсказывало Бените, что в душе его происходит какая-то работа; теперь она была уверена в этом. Эта мысль была для нее ужаснее всего, ужаснее даже, чем все опасности, вместе взятые. Конечно, с нею был ее отец, в нем она имела поддержку и защиту; но в последнее время он все прихварывал: преклонный возраст, трудности путешествия и заботы сказались на его здоровье. Если бы с ним вдруг что-нибудь приключилось, если бы он умер, наконец, — в каком бы положении она очутилась одна на свете, без всякой помощи, с дикарями и в обществе Якоба Майера!

О, если бы не это жестокое кораблекрушение, как бы иначе сложилась ее жизнь теперь! Но если бы не эта цепь несчастий, она бы здесь не очутилась, ведь она сюда пришла, чтобы только найти забвение безысходного горя; она должна поэтому довести свое дело до конца. Если ей суждено спастись от всех бедствий, то выход

найдется из всякого положения; если же ей суждена смерть, то это ее не пугает.

Наконец, устав от мыслей, Бенита заснула.

На следующее утро, выйдя из хижины, Бенита встретила своего отца, который с уверенным видом сообщил ей, что, насколько можно судить по внешним признакам, поблизости воинов матабеле нет. Позднее лазутчики донесли, что на несколько миль вокруг и следа их не видно. Все-таки были приняты все меры предосторожности на случай нападения врага; сотня лучших туземцев была вооружена ружьями; они обучались ружейной стрельбе под руководством Тамаса и его двух товарищей, Тамала и Хоба, которые выучились стрелять очень хорошо во время длинного путешествия с белыми. Однако, по крайней мере в первые дни, стрельба туземцев была ужасна: достаточно сказать, что, когда они стреляли по намеченной цели на стене, все считали нужным ложиться на землю, — столько опасности представляла эта учебная стрельба. Они умудрились-таки подстрелить одного быка — к счастью, больного — и двух овец.

Предусматривая возможность недостатка провианта в случае осады, Майер, думая обо всем, распорядился зарезать всех быков, больных от укуса мухи цеце. Они были убиты, шкура с них снята; после того как их освежевали, мясо их было разрезано на длинные полосы, чтобы подвергнуться сушке на солнце; Бенита втайне решила, что никогда к нему не прикоснется. Но когда пришло время, она с удовольствием жевала это жесткое, отравленное ядом цеце мясо.

В полдень, после еды, мистер Клиффорд и Майер подошли к Молимо, который сидел на земле, прислонясь ко второй стене, и, показывая рукою на туземцев с ружьями, сказали:

— Мы сдержали свое слово, теперь очередь за тобой. Поведи нас к заповедному месту, мы хотим начать поиски.

— Хорошо, — ответил старик. — Следуйте за мной, белые люди.

Он повел их вдоль второй стены, пока они не подошли к тропе, высеченной в скале, шириною не более ярда; сбоку открывалась пропасть футов в пятьдесят глубиной; тропа висела высоко над самой поверхностью реки. Она тянулась шагов двадцать. Пройдя эту головокружительную тропу, они очутились перед проломом в стене, настолько узким, что пройти в него мог только один че-

ловек за раз.
рому внутри
ложен тесн
нитная пл
проходивш
образным
второй кр
вверх и та
развалина
и кустарни

— Тол
Клиффорд
искать зде
Молимо
нию лица,

— Я н
давшие эт
кругом и
даже пока
и пыталис
за которой
ведь они н
дальше.

Они о
пока не по
ше, они п
речную сто
ко несколь
цельных к
стены до

— Да,
тельности
искателя
наверх.

Ее оте
— На
Разве мож
без веревок

— Я с
рик с лег
путь всю
прибавил
зуюсь в т
ее вам

ловек за раз. Было очевидно, что проход этот вел ко второму внутреннему кольцу крепости, так как он был выложен тесаным камнем, и даже под ногами лежала гранитная плита, истертая ногами многих поколений людей, проходивших здесь века. Тропа продолжалась зигзагообразным ходом в толще стены и выходила наконец во второй круг крепости. Земля здесь поднималась круто вверх и так же, как и в наружном круге, была покрыта развалинами строений, сплошь заросшими деревьями и кустарником.

— Только бы не здесь был клад,— сказал мистер Клиффорд, обозревая место вокруг,— если же придется искать здесь, то мы никогда ничего не найдем.

Молимо, по-видимому, прочел его слова по выражению лица, потому что он ответил:

— Я не думаю, чтобы клад находился здесь. Осаждавшие эту цитадель столетия тому назад овладели этим кругом и находились здесь несколько недель. Я могу даже показать вам место, где они раскладывали костры и пытались прорыть подземный ход под верхней стеной, за которой сидели португальцы, пока голод не убил их; ведь они не могли насытиться золотом. Подите за мной дальше.

Они отправились дальше, поднимаясь по склону, пока не подошли к подножию третьей стены; как и раньше, они пошли вдоль стены до места, выходившего на речную сторону. Но они здесь не нашли прохода, а только несколько узких неровных ступенек, выложенных из цельных камней и лепившихся по внешней поверхности стены до ее верхушки футов на тридцать в высоту.

— Да,— сказала Бенита, останавливаясь в нерешительности перед этой жуткой лестницей,— путь кладоискателя подчас нелегок. Боюсь, что мне не подняться наверх.

Ее отец смотрел, качая головой, на опасный подъем.

— Нам нужна веревка,— сказал Майер Молимо.— Разве можно решиться вскарабкаться на такую стену без веревки, да еще с пропастью?

— Я стар, но я влезаю туда легко,— ответил старик с легким удивлением; ему, проделывавшему этот путь всю жизнь, дело казалось простым.— Все-таки,— прибавил он,— я достану веревку, которой пользуюсь в темные ночи. Сейчас схожу за ней и спущу ее вам.

Он стал взбираться наверх. Странно было видеть

этого старика, всходившего по жутким ступенькам так спокойно, как по обыкновенной лестнице. Даже обезьяна не могла быть уверенней в своих движениях и менее восприимчивой к ощущению головокружительной высоты. Вскоре он исчез в проломе стены, точно провалился насквозь, и появился на гребне с толстой веревкой, сплетенной из кожи, в руках; привязав крепко к выступу, он бросил ее вниз. Нетерпение Майера попасть в заповедное место, о котором он столько времени мечтал, было так велико, что он стал взбираться прежде, чем достал рукою веревку. Он благополучно взобрался наверх. Усевшись верхом на гребне стены, он указал мистеру Клиффорду, как обвязать веревкой пояс Бениты, и приготовился поднять ее.

Это оказалось совсем не так страшно, как она думала, так как она была ловка, и веревка придавала уверенность ее движениям. Через минуту она могла схватиться за протянутую руку Майера и пройти через амбразуру в стене. Затем веревка вновь была спущена ее отцу, который обвязал ее вокруг себя. Это было счастьем для него, так как на полпути он поскользнулся — оттого ли, что голова у него закружилась, или со страху, что неудивительно было в его возрасте, — и повис на веревке, которую держали Майер и старый Молимо; если бы не веревка, он наверно слетел бы в реку, протекавшую внизу в нескольких стах футах. Он, правда, скоро пришел в себя и встал на ноги, но был страшно бледен и переводил дух с трудом. Чтобы успокоить его, Бенита бросилась его целовать, думая в то же время, что немного недоставало, чтобы она оказалась одна-одинешенька в обществе Якоба Майера.

— Все хорошо, что хорошо кончается, друзья мои, — сказал Клиффорд. — Но даю вам честное слово, я начинаю думать, что мне больше пристало скромное дело торговца лошадьми.

Бенита ничего на это не ответила; ясно было, что всякие рассуждения на эту тему теперь были бесполезны.

— Умные люди были эти древние, — сказал Майер, — посмотрите, — и он показал ей, как можно было, завалив камнем амбразуру, через которую они вошли на стену, преградить всякий доступ на нее снаружи, так как стена была снабжена карнизом по наружной поверхности, а не по внутренней, как это обычно встречается на старинных крепостных стенах.

— Мне будет очень приятно сознавать себя внутри

в безопасности
никакой опасности
Они на
вилось их

Стена,
камня, без
сохранности
время, тро
щели и ра
холма, око
известные
дый около
виде грубо
бов рухну

жали на с
большая ч

Впослед
поставлен
который
служили
достигало
В первый
мания, ко
тельным
краю про
ножия его

Это бы
ей Роберт
или даже
чаются в
нус не бы
ственный
ланный р
в разных
выветрива
нитного я
в результа
ней сторо
пени, по
на его, им
ботана в
вопринош
памятник
реки, так
бока

в безопасности, — ответила она, — потому что у меня нет никакой охоты уйти отсюда сейчас.

Они начали осматриваться вокруг, и вот что представилось их взорам.

Стена, сложенная, как и две нижние, из тесаного камня, без извести, находилась в состоянии отличной сохранности, так как ее единственными врагами были время, тропические дожди и кусты, пробиравшиеся в щели и раздвигавшие камни. Стена окружала вершину холма, около трех акров земли, и имела на себе через известные промежутки столбы из мыльного камня, каждый около двенадцати футов вышиною, с верхушкой в виде грубого изображения ястреба. Некоторые из столбов рухнули или были сбиты молнией; обломки их лежали на стене и попадали внутрь, к подножию ее; но большая часть, столбов восемь, уцелела.

Впоследствии Бенита узнала, что столбы эти были поставлены древними финикийцами или другим народом, который выстроил и эти мощные укрепления; столбы служили для точного подразделения времен года, что достигалось направлением отбрасываемой ими тени. В первый же раз она не обратила на них должного внимания, которое было отвлечено другим, более примечательным сооружением древности, стоявшим на самом краю пропасти, так как стена проходила у самого подножия его.

Это был тот огромный конус, о котором рассказывал ей Роберт Сеймур; высота его была футов пятьдесят или даже больше, видом он напоминал те, которые встречаются в развалинах финикийских храмов. Но этот конус не был сложен из камня, а представлял собою естественный гигантский гранитный монолит, только отделанный рукою человека; такие монолиты встречаются в разных местностях Африки; они образуются путем выветривания более мягкой породы вокруг твердого гранитного ядра; миллионы лет работы ветра и непогоды в результате дают такие причудливые формы. С внутренней стороны этого конуса вырублены были удобные ступени, по которым легко было взобраться наверх; вершина его, имевшая футов шесть в поперечнике, была обработана в форме чашки, по всей вероятности, для жертвоприношений или богослужений. Этот замечательный памятник, который мог быть виден только со стороны реки, так как с других сторон этому препятствовали бока холма, имел некоторый наклон наружу, так что

камень, брошенный сверху, должен был упасть в реку.
— Вот отсюда, — сказал Молимо, — мой предок видел, как последняя из португальцев, прекрасная дочь великого вождя Феррейра, бросилась в реку, поручив предварительно золото нашему попечению; она наложила на него запрет, пока сама не вернется за ним. Так я видел и слышал ее во сне, и другие тоже ее видели, но только со стороны реки внизу.

Он помолчал с минуту, смотря на Бениту своим странным, мечтательным взором; потом спросил неожиданно:

— Скажи, госпожа, ты ничего такого не помнишь?

Все это начинало раздражать Бениту, она чувствовала на себе тяготение чего-то чуждого, назойливо вторгавшегося в душу.

— Как могу я помнить то, — спросила она, — что случилось больше чем двадцать пять лет тому назад?

— Я не знаю, — сказал он. — Как могу знать это я, черный невежественный человек, родившийся всего во семьдесят лет тому назад? Все-таки скажи мне, госпожа, откуда ты родом? С неба или с земли? Что? Ты качаешь головой, ты не помнишь? Ну, тогда я тоже не помню. И все-таки верно то, что все круги где-нибудь сходятся; верно то, что португальская девушка сюда вернется; верно то, что она похожа была на тебя. Пойдем, — сказал он вдруг, — спустимся со стены; если ты не можешь припомнить, я покажу тебе другие вещи. Не бойся — ступени удобны.

Они без труда спустились со стены, так как, вследствие скопления обломков и наносной земли, стена с внутренней стороны была гораздо ниже; они очутились среди такой же обильной и густой заросли деревьев и кустарника, как и прежде; под ногами бежала едва заметная тропинка. Она вела мимо развалин строений, назначение которых давно было забыто, потому что они рухнули сотни и тысячи лет тому назад; они подошли ко входу в подземелье, расположенное почти у подножия конического монолита, ярдах в сорока от кольца стены. Здесь Молимо попросил их подождать, пока он зажжет лампу в подземелье. Через пять минут он вернулся, говоря, что там все готово.

— Не бойтесь того, что вы там увидите, — прибавил он, — ибо знайте, белые, что, кроме моих предков и меня самого, нога живого человека не вступала в это место, где погибли португальцы; никто из нас не решался на-

рушить по-
нею из бел
тебе прист
Бенита

водило на
зывать стр
протянуту
нятой голо
их остано

— Нет
ее дом, и
вы войдете

— Глу
я ее одну

— Гос

— Да,

Отец, пус

теперь не

но, — все-

сию мину

— Кто

дять тихо

распев. —

ние девуш

покоя.

И, про

ниту за р

жизни.

Как и

в подзем

древние у

его защи

впереди

зажженн

от входа

вырублен

этого угл

стала ей

знала

рушить покой их. Войди за мною, госпожа. Та последнею из белых вошла сюда перед тобою; потому только тебе пристойно войти сюда первою.

Бенита колебалась с минуту, так как все это производило на нее жуткое впечатление, но, не желая выказывать страх перед старым жрецом, решила, взяла протянутую сухую руку старика и пошла вперед с поднятой головой. Ее спутники пошли за нею, но Молимо их остановил, сказав:

— Нет. Девушка сперва войдет одна со мною; это ее дом, и если ей заблагорассудится пустить вас туда, вы войдете; но сначала она должна войти в свой дом одна.

— Глупости, — сказал сердито мистер Клиффорд, — я ее одну не пущу, она будет бояться.

— Госпожа, веришь ли ты мне? — спросил Молимо.

— Да, — сказала она, затем обратилась к отцу. — Отец, пустите меня вперед одну; я не боюсь, лучше ему теперь не перечить. Все это так странно, так непривычно, — все-таки я пойду сперва одна. Если я не вернусь сию минуту, вы тогда спуститесь за мною.

— Кто не хочет нарушить сон мертвых, должен входить тихо, тихо, — заговорил в это время Молимо нараспев. — Дыхание девушки чисто, шаг ее легкий; дыхание девушки не омрачит мертвых, шаг ее не нарушит их покоя.

И, продолжая уныло и нараспев говорить, он вел Бениту за руку в темноту, к мертвым, прочь от света, от жизни.

ГЛАВА XI

Спящие в подземелье

Как и все прочие входы в этой старой крепости, вход в подземелье был узок и извилист; по всей вероятности, древние устроили его с таким расчетом, чтобы облегчить его защиту. После третьего поворота Бенита увидела впереди свет, который бросал туземный светильник, зажженный у сводчатого входа в подземелье. В стороне от входа сделано было углубление в форме раковины, вырубленное в скале на высоте трех футов от земли. Вид этого углубления показался ей знакомым; причина этого стала ей вскоре ясна, хотя в ту самую минуту она не знала, чему это приписать. Пещера была обширна, высокая, но лишь отчасти естественного происхождения;

часть ее стен, очевидно, была сложена или по крайней мере отделана человеческой рукой. По-видимому, здесь древние жрецы держали своего оракула или приносили жертвы.

Вначале Бенита почти ничего не могла рассмотреть, потому что в этой большой пещере два светильника с жиром гиппопотама давали очень мало света. Вскоре, однако, ее глаза привыкли к полутьме, и по мере того, как они подвигались вперед, она стала различать отдаленные углы подземелья; но, кроме разостланной на полу шкуры, которая, по-видимому, служила Молимо подстилкой во время сна, и нескольких посуды для воды и пищи, вся передняя часть пещеры казалась пустой. В середине ее находился какой-то предмет из металла, поблескивавшего в темноте, в котором Бенита по его двойным рукояткам и барабану, свисавшему сверху, узнала ворот; и действительно, под ним находилось отверстие большого колодца, дававшего воду для этого самого возвышенного места укрепления.

Позади колодца стоял род каменного алтаря в форме усеченного конуса, а еще дальше, на некотором расстоянии от задней стены пещеры, насколько можно было различить при слабом свете лампы, стоял огромный крест, на котором висел грубо высеченный из белого камня образ распятого Христа. Теперь ей все стало ясно. Каково бы ни было божество, которому первоначально посвящено было это место, ясно было, что христиане воспользовались им для того, чтобы укрепить в нем священный символ их культа.

Молимо поднял светильник с алтаря, поправил фитиль и осветил им распятие. Потом он опустил лампу книзу, и она увидела на цементированном полу большое число съезжившихся фигур, которые показались ей вначале спящими. Он подошел к одной из них и притропнулся к ней ногой; покрывало, лежавшее на ней, рассыпалось в прах, обнаружив белый скелет.

Все эти спящие фигуры вкушали невозмутимый покой по крайней мере два столетия. Это были мужчины, женщины и дети, хотя последних было немного. Некоторые сохранили еще украшения на своих костях, другие были облачены в доспехи, подле мужчин лежали мечи или копья, кое-где виднелось примитивное огнестрельное оружие. Благодаря сухости воздуха некоторые из них превратились в мумии — ужасные и уродливые призраки, от которых она поспешила отвести глаза.

Моли
ступеньк
прикрыт
ткани, к
ткачами
гальцы в
схватил
вым, сло
его, откр
лиц были
и черные
совершен
чем свид
мужчины
женщины
релья и
ребряном

— Э
лимо, —
телей пе

Пото
парчовые

— Во
певучим

Бени
вид спя
лось беж

— Д
Как
места на

— Ч
побледне

Бени
прежде

мо ответ

— Б
люди, во

у спящи
побелев

Ты, бел

ясным н
мрак пе
белые л

И

Молимо подвел ее к подножию креста, на нижней ступеньке которого лежали, прикорнув, две фигуры, прикрытые покрывалами из какой-то тяжелой парчовой ткани, которая с большим искусством изготовлялась ткачами племени макаланга в те времена, когда португальцы впервые столкнулись с этим племенем. Молимо схватил край покрывала, казавшегося совершенно новым, словно время прошло бесследно для него, и, подняв его, открыл фигуры мужчины и женщины. Черты их лиц были неузнаваемы, хотя волосы, седые у мужчины, и черные, как вороново крыло, у женщины, сохранились совершенно. По-видимому, это были люди знатные, о чем свидетельствовали ордена, сверкавшие на груди у мужчины, и золотой эфес его шпаги; что же касается женщины, то на ее костях сохранились дорогие ожерелья и украшения, а рука ее еще держала книгу в серебряном переплете.

— Это вождь Феррейра и его жена, — сказал Молимо, — их дочь положила здесь своих умерших родителей перед тем, как присоединиться к ним.

Потом, по знаку Бениты, он опять набросил на них парчовые покрывала.

— Вот они перед вами, — заговорил он опять своим певучим голосом, — сто пятьдесят три спящих.

Бенита вздрогнула; зловещее безмолвие пещеры и вид спящих фигур ложились на нее гнетом. Ей захотелось бежать отсюда и уйти от этих призраков.

— Довольно, — сказала она, — уйдем отсюда.

Как она была рада выбраться из этого проклятого места на яркий, веселый свет дня!

— Что ты там видела? — спросил отец, заметив ее побледневшее и расстроенное лицо.

Бенита опустилась на камень у входа в пещеру, и, прежде чем она успела произнести слово, старый Молимо ответил за нее:

— Белая девушка видела спящих. Войдите, белые люди, войдите, если вы смеее, попросите разрешения у спящих воспользоваться их богатством. Соберите их побелевшие кости и достаньте клад, лежащий под ними. Ты, белая девушка, оставайся здесь, подожди нас под ясным небом, а вы, белые люди, последуйте за мной во мрак пещеры, где вы будете искать то, что любят все белые люди.

И он опять исчез в проходе, то и дело поворачиваясь к ним и маня их пальцем; они оба шли за ним точно

нехотя. На их воображение начинала действовать обстановка и таинственные речи старого жреца.

Бенита, сидя на камне, долго не могла прийти в себя и отделаться от того жуткого состояния, в котором она пребывала в подземелье; ей казалось, что отец со своим товарищем отсутствовали всего несколько минут. Между тем прошло уже около часа, а их еще не было видно; наконец показался ее отец, побледневший не меньше, чем она сама.

— Где мистер Майер? — спросила она.

— О, о нем не беспокойся: он снимает все золотые украшения, какие может найти на этих несчастных мертвецах, а их кости он сваливает в кучу в одном из углов пещеры.

Бенита съежилась от ужаса.

— Я знаю, как это на тебя должно подействовать, — сказал ее отец. — Этот бедовый парень не питает никакого уважения к смерти. Хотя мне показалось вначале, что на него обстановка подействовала не меньше, чем на меня, но он тут же решил, что нет возможности начать поиски, пока эти трупы, разбросанные вокруг, не будут удалены. Впрочем, может быть, что они ему просто внушали суеверный страх, и он хотел доказать самому себе, что они для него не что иное, как труха. Откровенно говоря, — продолжал старик, — я бы от всей души хотел бросить это предприятие в самом начале. Мне не верится, что из этого выйдет какой-нибудь толк, а хлопот с ним уже до сих пор было довольно. Этот старый прорицатель Молимо как будто обладает вторым зрением или чем-то вроде этого и даже не скрывает своих дурных предчувствий; он только и делает, что ходит вокруг нас и каркает.

— Мне он ничего худого не предсказал, — заметила Бенита с легкой усмешкой, — если же вам вся эта затея не нравится, отец, отчего бы ее не бросить и не уйти?

— Слишком поздно, моя милая, — ответил он горячо. — Майер ни за что не бросит дела, а я по чести не могу оставить его одного. Да правду сказать, я бы потом смеялся над самим собою, если бы я это сделал; какой смысл после всего отказываться от золота, если оно может быть найдено? Ведь оно никому не принадлежит, и потом, мы его берем не грабежом и не убийством. Все это золото никому здесь не нужно; португальцы, которые им владели, умерли двести лет тому назад, а их на-

следники
возможно
должно
где они
страхи
зились
не согла

— Д
жется, ч
значение
стоило в
довести

— Д
чется пи

В это
драгоцен
ванов; с

— Т
сказал О
руки, во
с жадно

— Н
ших пои

Отец
— Х

мыслью
таю, что
вых, пот
нимают
безопас
горло.

— Н
спросила

— С
несем с

мые вещ
кивать

статочно
подземе

щимся
хранила

только
найдется
или в п
мости

следников, если только они есть, найти нет никакой возможности. Что же касается их костей, то ведь для них должно быть безразлично, оставаться ли на том месте, где они умерли, или быть сваленными в кучу. Все наши страхи просто пустые суеверия, которыми мы заразились от этого старого колдуна. Разве ты со мной не согласна?

— Да, конечно, — ответила Бенита, — хотя мне кажется, что некоторые места и вещи могут иметь роковое значение. Как бы то ни было, я не думаю, чтобы сейчас стоило возвращаться. Поэтому я считаю, что лучше нам довести до конца начатое и ждать, что из этого выйдет.

— Дай мне, пожалуйста, бутылку с водой, мне хочется пить.

В это время появился Якоб Майер с набранными им драгоценностями, завернутыми в один из парчовых саванов; сверток этот он спрятал за камнем.

— Теперь в пещере стало значительно свободнее, — сказал он, стряхивая густую пыль, которая покрыла его руки, волосы и платье во время неприятной работы. Он с жадностью напился и спросил:

— Ну что, придумали ли вы какой-нибудь план наших поисков?

Отец и дочь покачали головами.

— Хорошо. Тогда я придумал. Я был занят этой мыслью в то время, как наводил порядок в пещере. Я считаю, что нам нечего больше возвращаться вниз. Во-первых, потому что спуск и подъем слишком опасны и занимают много времени, и потом мы в гораздо большей безопасности здесь, наверху, где у нас вдобавок дел по горло.

— Но как же будет с едою и сном и всем прочим? — спросила Бенита.

— Очень просто, мисс Клиффорд, мы все это перенесем сюда. Кафры будут доставлять нам все необходимые вещи к подножию третьей стены, а мы их будем втаскивать наверх на веревке. Воды мы найдем здесь в достаточном количестве в колодце, который находится в подземелье и который питается источником, находящимся на глубине сто пятьдесят футов; на воротах сохранилась еще старая цепь, так что нам понадобится только пара ведер, которые мы возьмем из фуры. Дров найдется здесь сколько угодно; а устроиться мы можем или в подземелье, или под открытым небом, в зависимости от погоды. Вы пока оставайтесь здесь, а я спущусь

вниз, захвачу кое-какие вещи и через час буду обратно; вы мне только поможете поднять вещи наверх.

Он ушел, а к ночи у них все необходимое было под рукою; ко второй ночи, после прилежной работы, их необычное место жительства приняло более или менее жилой вид. Парусиновый верх фуры был приспособлен под палатку для Бениты, а мужчины устроили свою спальню поблизости под тенистым деревом. Под другим деревом по соседству была устроена кухня. В проходе, ведущем в подземелье, они сложили свои запасы провианта разного рода, включая сюда пару ящиков спиртных напитков и большое количество сушеного мяса убитых быков; там же спрятаны были ружья и патроны. Ежедневно им приносили свежее мясо, которое они поднимали наверх в корзинах, — это продолжалось до тех пор, пока мяса было достаточно; вместе с мясом им приносили зерно для хлеба и зелень. Вода колодца оказалась превосходной, и доставать ее было нетрудно. Таким образом, у них не было недостатка в необходимых припасах; время от времени они разнообразили свой стол всем, что удавалось найти.

Во всех этих приготовлениях старый Молимо принимал самое деятельное участие; даже когда они были закончены, он тоже не выказал желания оставить белых. Утром он спускался к своим соплеменникам вниз, но к ночи он всегда возвращался к подземелью, где он в течение многих лет привык спать — по крайней мере несколько ночей в неделю, — в жутком обществе мертвых португальцев. Якоб Майер уверял Клиффорда, что целью старика было наблюдать за ними, и даже предлагал прогнать его; но Бенита, у которой со стариком установились отношения странной дружбы и симпатии, воспротивилась этому, указывая на то, что присутствие старика служило даже большим залогом безопасности, чем если бы его не было; его можно было даже рассматривать, на худой конец, как заложника. Кроме того, его знание места и всяких других вещей могло сослужить им большую службу. Таким образом, решено было оставить его в покое, на что он имел, впрочем, полное право.

Во все эти дни племя матабеле не выказывало никаких поползновений напасть на крепость. Понемногу страх перед ними стал исчезать, и Бенита с гребня стены могла ежедневно наблюдать, как их девять оставшихся быков да две верховые лошади — лошадь Якоба Майера, укушенная мухой цеце, издохла — вместе с овцами и

козами т
также же
стеной. В
и ночью
кроме то
ным ору
ством Та
в качеств

Толь
шину хо
они нача
они под
относите
исходили
место ем
в предан
ный след
знает, кр
которая
клад там
было —
искать.

По н
Якоб Ма
тано в п
чали сво

Внач
в колоде
Привяза
гальской
нашли,
ста двад
семи фу
была дв
они опу
стигло д
раз. По
веческу
это ниче
но, мож
упал ил

Не у
Якоб М
чить вн
ти

козами туземцев выгонялись на пастбища; видела она также женщин, работающих в поле снаружи за первой стеной. Все-таки меры предосторожности не забывались, и ночью все возвращались на ночлег внутрь укреплений; кроме того, обучение людей обращению с огнестрельным оружием продолжалось без перерыва под руководством Тамаса, заступившего место престарелого отца в качестве фактического главы племени.

Только на четвертое утро после их прибытия на вершину холма, когда все приготовления были окончены, они начали правильные поиски клада. Первым делом они подвергли старого Молимо подробному расспросу относительно возможного местонахождения клада; они исходили при этом из того, что если бы даже точное место ему было неизвестно, то могло бы существовать в предании народа нечто, могущее навести на правильный след. Но он объявил горжественно, что ничего не знает, кроме того, что слышал от португальской девушки, которая только говорила о зарытых сокровищах. Если клад там был, он должен быть на месте; если его там не было — его и не найти; белым людям оставалось только искать.

По некоторым не совсем правильным соображениям Якоб Майер заключил, что золото должно быть спрятано в пещере или по соседству с ней, поэтому они начали свои поиски там.

Вначале они предположили, что золото было спущено в колодец, но удостовериться в этом было очень трудно. Привязав кусок металла — это был старый эфес португальской шпаги — к веревке, они его бросили в воду и нашли, что металл коснулся воды в колодце на глубине ста двадцати футов, а дна его — на глубине ста сорока семи футов. Таким образом, глубина воды в колодце была двадцать семь футов. Привязав к веревке ведро, они опускали его в колодец до тех пор, пока оно не достигло дна, затем извлекли его из воды, и так несколько раз. После третьего подъема они увидели в ведре человеческую кость и ножное кольцо из чистого золота. Но это ничего не доказывало, кроме того, что когда-то давно, может быть тысячу лет тому назад, какой-то человек упал или был брошен в колодец.

Не удовлетворенный плодами этого расследования, Якоб Майер, человек сильного характера, решил изучить внутренность колодца лично; это было предприятием очень рискованным, так как настоящих приспособ-

лений для спуска не было, а если бы и были, то не было рук, чтобы помогать ему в этом. Поэтому он составил такой план: к концу цепи будет привязано сиденье, на котором его смогут спустить в колодец наподобие ведра. Но Бенита указала на то, что если бы им и удалось его спустить вниз, то у них может не хватить сил вытащить его наружу; угроза такой опасности делает этот способ непригодным. Поэтому был произведен опыт с камнем, весом приблизительно со взрослого человека, который был укреплен на сиденье. Камень был спущен в воду Бенитой и ее отцом довольно легко, но когда пришлось поднимать его вверх, то, как Бенита и предвидела, это оказалось делом очень трудным, сил их хватало в обрез ровно настолько, сколько нужно было для поднятия камня. Если бы у них была посторонняя помощь, то дело было бы легко выполнимым, но двоим это было не под силу. Майер попросил, или, скорее, приказал, Молимо прислать людей для этой цели, но старый вождь наотрез отказался.

Прежде всего он привел тысячу оправданий. Его люди были заняты упражнениями в ружейной стрельбе и несением караульной службы; затем, они боялись ступить сюда ногой и так далее. Наконец, терпение Майера лопнуло, он пришел в ярость: глаза его метали молнии, он скрежетал зубами, он начал грозить.

— Белый человек, — сказал Молимо, когда Майер окончил, — это невозможно. Я исполнил свои обязательства. Можете искать золото; если найдете — можете забрать его себе. Но никто из моего племени, за исключением того, кто в данное время является Молимо, не смеет ступить на него ногой. Можешь меня убить, если хочешь, — меня это не пугает, но если ты меня убьешь, они придут и убьют вас.

Тогда Майер, видя, что насилием и угрозами добиться ничего не сможет, изменил тон и попросил его самого помочь им.

— Я стар, моих сил мало, — сказал он, — но я могу вместе с вами стать у ворота и помочь вам, сколько хватит сил. Но на вашем месте я бы в колодец не спускался.

— Я все-таки завтра спущусь туда, — сказал Майер.

ГЛАВА XII

Поиски

Как и предполагалось, на другой день был проделан опыт со спуском в колодец. Была испытана прочность цепи и старинных зубчатых колес; то и другое оказалось в порядке. Теперь Майеру предстояло сесть на деревянное сиденье, прилаженное к цепи, с масляной лампой и запасом спичек и свеч на тот случай, если бы огонь в лампе погас.

Он без всякого колебания перелез через край колодца и сел на сиденье, висевшее над бездной, между тем как трое оставшихся схватились за рукоятки ворота. Потихоньку они стали спускать его вниз, и его белое лицо постепенно скрывалось в темной глубине. Через каждые несколько поворотов делалась остановка с целью исследовать стены колодца; когда же Майер был на глубине 50 футов, он попросил задержать на некоторое время спуск, для того чтобы выстучать стену; они задержали ворот и стали прислушиваться к ударам его молотка по стене, издававшей глухой звук.

Но вскоре он крикнул им, чтобы они продолжали спуск, и это длилось до тех пор, пока не развернулась почти вся цепь, из чего они заключили, что он должен был находиться недалеко от воды. Вдруг Бенита, заглянув в колодец, увидела, что огонек лампы исчез. Очевидно, лампа погасла, и не видно было, чтобы Якоб Майер пытался ее вновь засветить. Они стали кричать вниз к нему, но, так как ответ не приходил, они бросились наматывать цепь изо всех сил. С большим трудом извлекли они наконец Якоба из колодца. На первый взгляд им показалось, что он был мертв, и если бы он не был привязан к цепи, он наверное бы нашел свою смерть в колодце, так как ясно было, что он давно лишился чувств. И действительно: он весь перевешивался наружу, выпал почти из сиденья, тело его поддерживалось исключительно кожаным ремнем, который проходил у него под мышками и крепко был привязан к цепи.

Они сняли его с цепи и sprыснули водой его лицо, пока, к их облегчению, он не стал ловить воздух; когда он очнулся, они, почти неся его на руках, помогли ему выбраться на свежий воздух.

— Что с вами случилось? — спросил Клиффорд.

— Кажется, отравился газами, — ответил Майер со стоном, потому что голова его трещала от боли. — На

дне глубоких колодцев воздух часто бывает испорчен, но я не почувствовал никакого запаха, а как-то внезапно лишился чувств. Еще немного, и больше я бы оттуда не выбрался.

Немного позже, когда он несколько пришел в себя, он рассказал им, что произошло внизу: спускаясь, он увидел уже на большой глубине в стене колодца место, которое как будто было вначале вырублено, а потом вновь заложено другим сортом камня на твердой известке или цементе. Под самым этим местом виднелись отверстия, в которых еще торчали концы балок, из чего можно было заключить, что когда-то здесь было нечто вроде балкона или площадки. Как раз в то время, когда он рассматривал эти концы балок, он незаметно для самого себя лишился чувств. Рассказывая это, он выразил предположение, что это был замурованный вход в помещение, где было спрятано золото.

— Если это так, — сказал Клиффорд, — то ему там суждено и остаться, ибо лучшего сторожа, чем отравленный воздух, найти нельзя было бы. Впрочем, такие площадки, какие вы описываете, устраиваются часто в колодцах, с тем чтобы помешать падению сора в воду. А что касается замурованной части стены, то это, по всей вероятности, сделано было с целью укрепить стену и предупредить ее падение.

— Надеюсь, что это так, — сказал Майер, — во всяком случае, я едва ли решусь повторить эту попытку, разве что в том случае, когда воздух там очистится в достаточной степени; впрочем, в последнем можно удостовериться при помощи светильника, спущенного вниз на веревке.

Таков был конец их первого опыта. Поиски были возобновлены только на другой день после полудня, когда Майер почувствовал некоторое облегчение после отравления газом и стала проходить боль под мышками, причиненная ремнем. От первого он как будто никогда окончательно не выздоровел, потому что Бенита, имевшая свои основания внимательно наблюдать за этим человеком, стала замечать определенную перемену в его поведении. До сих пор он казался человеком весьма сдержанным, вполне владеющим собою; если она и знала за ним некоторые странности, так скорее потому, что отгадывала их внутренним чутьем, потому что он наружно ничем не выдавал себя. Только в двух случаях он обнаружил свои чувства перед ней: в первый раз, ко-

гда они беседовали на берегу озера Крисси в день прихода посланцев и когда он высказал свою пламенную жажду богатства и мощи; и второй раз совсем недавно, когда он убил воина матабеле. При всем том она была уверена, что он таит в себе бурные и непокорные страсти; что его внешнее спокойствие похоже на ледяную кору, скрывающую поток, стремительный, но скрытый от глаза. Зловещие огоньки, вспыхивающие в его темных глазах, говорили ей яснее слов, даже когда его бледное лицо оставалось неподвижным. Ей были памятливы те минуты, когда он стал приходить в себя после обморока. Первые слова, произнесенные им, были на немецком языке. В его шепоте ей слышалось также ее имя. С этого времени он стал менее осмотрителен; казалось, что он постепенно терял самообладание, перестал владеть собой. Он иногда раздражался без видимой причины, а иногда начинал мечтать вслух, что он сделает, когда овладеет кладом, как он тогда оплатит миру за все зло, которое он ему причинил, как он сделается всемогущим.

— Я боюсь, что это исключительное положение создаст вокруг вас пустоту одиночества,— сказала Бенита с беспечным смехом; она тут же пожалела, что сказала это, потому что он ответил, глядя на нее такими глазами, каких она боялась.

— О нет, я буду не один, со мною будет прекрасная подруга, которую я осыплю драгоценностями, окружу любовью и буду боготворить.

— Какая это будет счастливица! — сказала она, продолжая смеяться, но в то же время стараясь уйти под каким-то предлогом.

Иногда, в особенности после наступления темноты, он любил ходить взад и вперед у входа в пещеру, бормоча что-то про себя или распевая своим сильным голосом старые немецкие песни. У него также вошло в привычку взбираться на гранитный конус и садиться на его верхушке; не раз он приглашал ее прийти к нему наверх и разделить с ним его «трон». Впрочем, все эти проявления были настолько редки, что ее отец, у которого в последнее время, как казалось Бените, несколько притупилась острота соображения, ничего этого не замечал; в остальном же поведение Якоба Майера ничем не отличалось от прежнего.

Так как о дальнейшем обследовании колодца не могло быть и речи, то последующие поиски были предприняты в самом подземелье. Они изучили стены его дюйм

за дюймом, постоянно стуча молотком в надежде открыть где-нибудь глухой отзвук, но все было напрасно. Они исследовали алтарь, но он оказался из сплошного гранита. При помощи небольшой лестницы они осмотрели распятие и нашли, что сама фигура на кресте первоначально принадлежала, по-видимому, какой-нибудь языческой статуе из мягкого известняка, потому что на спине сохранились остатки драпировки, а на голове были длинные волосы, которые художник не нашел нужным изменить. Кроме того, они убедились в том, что руки приделаны — они были из камня несколько другого сорта; тело фигуры поддерживалось отчасти железным крюком, входившим в камень, отчасти крепким медным прутом, обернутым на манер веревки и выкрашенным в белую краску; этот прут был обвязан вокруг запястий и поддерживал руки, затем пропущен сквозь поперечину креста и вделан в скалу наглухо.

Обследование распятия не подвинуло их ни на шаг в смысле разъяснения тайны; но в то самое время, когда Клиффорд с фонарем в руке слезал по лестнице, которую придерживала Бенита, Якоб Майер, стоявший перед алтарем, крикнул им с волнением в голосе, что он что-то нашел.

— Тогда вы, значит, счастливее нас, — сказал Клиффорд, положив лестницу и спеша к нему.

Майер в это время выстукивал под деревянным шестом — дело, за которое он взялся после того, как убедился в бесплодности исследования стен.

— Слушайте-ка, — сказал он, ударяя тяжелым шестом в пол в нескольких шагах направо от алтаря; слышался твердый, ясный звук, как от удара по сплошному камню. Потом он перешел к другому месту прямо против алтаря и опять ударил в пол: теперь звук получился глухой и вибрирующий. Он много раз повторял удары, пока в точности не определились границы, где кончалась сплошная скала и начиналась предполагаемая пустота — квадратное пространство футов в восемь в стороне.

— Нашли, — сказал он с торжествующим видом, — вот оно, место, где спрятано золото. — Его товарищи были готовы согласиться с ним.

Теперь оставалось проверить их предположение на практике, а это было делом весьма нелегким. Достаточно сказать, что это отняло у них три дня тяжелой, непрерывной работы. Необходимо напомнить, что пол подзе-

мелья был весь покрыт цементом, вдобавок цементом самого высокого качества, так как главною составною частью его был толченный гранит. Этот цемент приходилось разбивать при помощи стальной кирки, которую они привезли с собою в фуре; наконец с этой части пола цемент был удален, обнажив гранитную породу. При этом Бенита высказала мнение, что там, внутри, может быть все что угодно, только не сокровища. Было очевидно, что несчастные умирающие португальцы не имели ни времени, ни силы исполнить такую тщательную работу. На это ей Майер возразил, что он считает себя все-таки на верном пути и что, без сомнения, пол был выложен цементом туземцами макаланга значительно позднее португальцев; известно было, что туземцы сохранили искусство строить, переданное им предками, вплоть до самого последнего времени, когда их начали истреблять воины матабеле.

Когда цементный настил был удален и пол вычищен, внизу показалась большая каменная плита, края которой шли вровень с расчищенной площадкой; вес этой плиты должен был быть не меньше нескольких тонн. Так как плита была связана цементом, то поднять ее, если бы даже у них были подъемные средства, представлялось совершенно невозможным. Оставалось только одно — попытаться пробить ее насквозь. После нескольких часов упорной работы им удалось сделать в камне углубление дюймов в шесть; мистер Клиффорд, у которого от работы разболелась спина и стерлись руки, предложил попытаться взорвать плиту порохом. Решившись сделать это, они насыпали фунт взрывчатого вещества в углубление, замазали влажной глиной и привалили сверху тяжелой каменной глыбой, оставив лишь узкий канал, через который проложен был самодельный фитиль из хлопчатых ниток. Когда все было готово, они зажгли фитиль, вышли наверх и стали ждать.

Спустя пять минут они услышали глухой звук взрыва, но прошло еще больше часа, прежде чем подземелье освободилось от дыма и газов, наполнявших его после взрыва; когда они вернулись в подземелье, то увидели, что результат не оправдал их ожиданий. Прежде всего плита только треснула, но не сдвинулась с места, так как сила порохового взрыва была направлена вверх, а не книзу, как это случилось бы, если бы вместо пороха был взят динамит; но динамита у них не было. Кроме того, вследствие ли удара тяжелой глыбы, прикрывавшей по-

рох, по потолку пещеры или вследствие сотрясения воздуха, но только вся внутренность ее оказалась засыпанной обломками камня, а в стенах образовались опасные трещины. Бенита заметила также, или ей это только показалось, что большая белая статуя несколько больше была наклонена вперед, чем это было раньше. Но этим своим впечатлением она не нашла нужным поделиться с другими. Таким образом, и эта попытка окончилась неудачей; зато им пришлось убрать большое количество обломков, посыпавшихся сверху на пол; плита же, по-видимому, осталась такой же несокрушимой, как и до того.

Ничего другого не оставалось, как продолжать работу киркой. Наконец вечером третьего дня непрерывной работы, истомившей обоих мужчин до последней степени, в плите была пробита дыра, под которой оказалась какая-то пустота. Клиффорд, и в особенности Бенита, обессиленные работой, готовы были отложить дальнейшее исследование до другого дня, но Якобу Майеру не терпелось. Он настоял на своем, и работа продолжалась еще часов до одиннадцати вечера, отверстие было расширено до величины, достаточной для того, чтобы пропустить взрослого человека. Как и при исследовании колодца, в пустоту был спущен на веревке камень, и оказалось, что под плитой имелось пустое пространство футов восемь глубиной. Чтобы проверить состояние воздуха, в отверстие была опущена зажженная свеча, которая сперва погасла, а потом горела ровным пламенем. Установив это, они спустили лестницу, по которой вниз спустился Якоб Майер с фонарем в руках.

В следующую минуту они услышали звук гортанных немецких ругательств, доносившихся изнутри. Мистер Клиффорд спросил, в чем дело, и услышал в ответ, что помещение оказалось склепом, в котором не нашлось ничего ровно, кроме тела какого-то проклятого монаха; услышав это, Бенита не могла не расхохотаться.

После этого в склеп спустились Бенита с отцом; действительно, там лежали останки какого-то старого миссионера в сутане, с крестом из слоновой кости на шее; на груди его лежал пергамент, в котором говорилось, что он, Марко, родился в Лиссабоне в 1438 году и умер в Бамбатсе в 1503-м, подвизался в царстве Мокомотана семнадцать лет, перенес много трудов и лишений и обратил в христианство многих неверных. Дальше в пергаменте говорилось, что до монашества он был по про-

фессии скульптором и что это он сделал фигуру на кресте, используя для этого статую какой-то языческой богини, стоявшей на этом самом месте с незапамятных времен. Надпись кончалась просьбою не тревожить его праха, который должен ждать дня воскресения.

Когда эта надпись с просьбою в конце была переведена мистером Клиффордом, удержавшим еще в своей памяти кое-что из школьной латыни, Якоб Майер с трудом удержался от площадной брани. Глядя на свои окровавленные от тяжелого, изнурительного труда руки, он пришел в негодование от того, что плодом всего этого было открытие останков какого-то миссионера, вместо ожидаемых сокровищ; без всякого почтения к покойнику он отшвырнул в угол кости, лежавшие посреди склепа, для того чтобы удостовериться, не было ли какого-нибудь хода вниз в этом месте.

— Поистине, мистер Майер, — сказала Бенита, не смогшая, несмотря на торжественность обстановки, удержаться от юмористических замечаний, — если вы будете так непочтительны к покойникам, призраки их не перестанут вас тревожить.

— Пускай попробуют, — ответил он с яростью в голосе, — я в них не верю и плюю на них.

В эту минуту Бенита, случайно взглянув наверх, увидела какое-то лицо, выглядывавшее из темной дыры в освещенное пространство так тихо, что она вздрогнула, как будто это был один из тех призраков, которыми она пугала Якоба Майера. Это был старый Молимо, который, по привычке, следовал за ними по пятам.

ГЛАВА XIII

Бенита готовится к бегству

На следующее утро занятая приготовлением завтрака Бенита заметила Якоба Майера. Он сидел невдалеке на скале, мрачный и разочарованный. Подперев рукою подбородок, он смотрел на нее пристально, не отводя глаз от ее лица ни на секунду. Она чувствовала, что он сосредоточивает всю свою волю на ней; ей было ясно также, что он таит какой-то новый замысел, касающийся ее. Она сознавала, что, к своему несчастью, обладает силой проникновения в самую глубину мыслей этого человека. Хотя она его и презирала, но не могла не чувствовать каких-то странных уз, связывавших их.

Необходимо напомнить, что еще в ту ночь, когда они встретились на краю ущелья Леопардов, Якоб назвал ее «проводником мыслей», и Бенита сознавала, что между ними установилась какая-то непосредственная психическая связь. С этого дня ее главным старанием было установить непроницаемую преграду между их душами, разрушить какое бы то ни было взаимное влияние и связь. Однако ее старания не всегда достигали цели.

Наклонясь над огнем очага, Бенита чувствовала на себе все время тяжелый взгляд черных глаз Якоба, который неотступно следил за каждым ее движением. Это ее переполняло и страхом, и отвращением. В ее мозгу вдруг созрело решение: она будет умолять отца бежать с нею отсюда.

Само собою разумеется, такая попытка была связана с огромной опасностью. Правда, людей матабеле не видно было поблизости. Но можно было быть уверенным, что они скрываются где-нибудь в окрестностях, и если бы даже удалось найти достаточное число быков для запряжки в фуру, они бы не имели права забрать ее с собой, так как она принадлежала столько же Майеру, сколько и ее отцу. Зато у них оставались две лошади, которые, как передавал им Молимо, находились в наилучшем состоянии и даже поправились.

В эту минуту Майер встал с камня и заговорил с нею.

— О чем вы думали сейчас, мисс Клиффорд? — спросил он ее со своим мягким, иностранным акцентом. Она вздрогнула, но ответила почти без колебания:

— Я думала о сырых дровах и о телячьих котлетках, которые слегка подгорели. Вам еще не надоела телятина, мистер Майер? — спросила она. Он не обратил внимания на ее вопрос.

— Я бы вас попросил не унижаться даже до маленькой, невинной лжи. Дрова вовсе не сырые; я сам срубил их с засохшего дерева, и мясо не подгорело; а главное, что вы не думали ни о том, ни о другом. Вы думали все время обо мне, так же как я думал о вас; но что именно вы думали, сейчас для меня неясно, и вот о чем я хотел спросить вас.

— Мне кажется, мистер Майер, — ответила она, краснея, — что мои мысли принадлежат мне.

— А, вы так думаете? А я, напротив, уверен, что они мне принадлежат так же, как мои мысли — вам; это дар, которым наградила природа каждого из нас.

— Я этого дара не ищу, — ответила она; но даже в

эту минуту, как ей ни хотелось, она не могла заставить себя солгать, не могла отрицать эту ужасную, потаенную связь между ними.

— Мне очень больно это слышать, потому что мне этот дар очень ценен. Более ценен даже, чем сокровища, которых мы не можем найти. Этот дар, мисс Клиффорд, сроднил меня с вами.

Она повернулась к нему, но он остановил ее жестом руки и продолжал:

— О, не сердитесь на меня и не бойтесь. Я не стану надоедать вам нежными речами. До тех пор, по крайней мере, пока не придет время; а я хочу верить, что оно придет, когда вы будете охотно слушать такие речи. Но я хотел обратить ваше внимание, мисс Клиффорд, на одну вещь. Разве это не удивительно, что наши мысли до такой степени созвучны? Нет, не говорите, что этот дар низменного происхождения. Я вижу, что это готово сорваться с ваших уст, и мне бы легко было это опровергнуть. Но я скажу только, что это дело инстинкта и природы или, если вы предпочитаете, рока, указывающего нам путь, по которому мы вместе можем пойти к великим целям.

— Я иду своей дорогой, мистер Майер.

— Знаю, знаю, в этом-то и горе. Как жалко, что мужчины и женщины никогда, ни в одном случае из миллионов, даже когда они любят друг друга, не доходят до взаимного понимания. Их глаза могут искать друг друга, их руки и губы могут встретиться, и все же они чужды, непонятны и часто враждебны друг другу оттого, что их души не созвучны. Но когда выпадает счастливый случай, когда они дополняют друг друга, как если бы были изваяны из одной породы камня, — о, какое в этом высокое блаженство!

— Возможно, мистер Майер, но, говоря откровенно, меня это совсем не касается.

— Теперь, может быть, но я уверен, что когда-нибудь это будет. Однако я еще должен перед вами извиниться. Вчера я в вашем присутствии вышел из себя. Но не судите меня слишком строго, потому что силы мои были совершенно исчерпаны, а тут старый идиот пришел со своими рассказами о привидениях, в которых я не верю.

— Так почему же это вас так разозлило? Вы бы могли отнестись к этому с пренебрежением, вместо того чтобы поступить так... как вы поступили.

— Клянусь честью, мне кажется, что большинство из нас боится всегда, как бы не быть вынужденным сделать то, что нам не нравится. Эта обстановка вокруг нас действует на нервы, мисс Клиффорд. И на ваши нервы, и на мои. Я могу быть откровенным, потому что знаю, что и вы чувствуете то же. Эти призраки прошлого, все эти преступления, которые совершались здесь из поколения в поколение, все эти мучения, которым здесь подвергались люди! Несомненно, в этой пещере или снаружи приносились человеческие жертвы,— вы помните этот покрытый копотью круг в скале: вероятно, здесь раскладывались костры. Потом эти несчастные португальцы, умирающие от голода, медленно умирающие на глазах тысяч дикарей, которые окружают их тесным кольцом! Приходило ли вам это в голову когда-нибудь? Конечно, приходило. Потому что, как и я, вы одарены этим проклятым воображением! Что же удивительного в том, что это действует на нервы? В особенности, когда так безрезультатно ищешь эти сокровища,— его лицо осветилось восторгом,— которые должны быть нашими, должны нас обоих сделать всемогущими и счастливыми.

— И которые пока лишь сделали меня судомойкой и самым несчастным существом,— ответила весело Бенита, услышав приближающиеся шаги отца.— Но не будем больше говорить об этих сокровищах, мистер Майер, иначе мы с вами поссоримся. Довольно мы об этом думаем в часы бесконечной работы, когда заняты поисками. Передайте мне, пожалуйста, тарелку. Наконец блюдо готово.

Но Бенита еще не избавилась от надоевшего ей клада; как только окончился завтрак, возобновились нудные, бесплодные поиски. Опять подполье было обследовано тщательнейшим образом, и были открыты новые пустоты, над которыми мужчины работали не покладая рук. Путем бесконечного труда в трех из них были пробиты бреши, обнаружившие, как и в первый раз, могильные склепы, но только много древнее первого.

Трупы в них лежали на боку, кости были обожжены горячим цементом, попавшим внутрь могил; на головах их красовались золотые короны, в руках их были золотые скипетры, признак их сана, под черепами лежали подголовники из золоченого дерева, какие встречаются в египетских могилах, на руках и щиколотках надеты были золотые браслеты; кусочки золота, лежавшие под ними и выпавшие из сгнивших кошельков, обозначали

место, где
из тонкой
полнены
плата за
тия дали
выбрано
ном архес
что они и
которые б
бы зарыты
ряла всяк
даже не д
найденны
принадле
роста; есл
которые
лицом вы
могла не
стей, ни д
сто раз п
ман, перед
этих древ
половину
узнали. О
мительны
земелий
Бенита
смотрела
даже отв
верхушку
в чашеобр
ды позва
место, по
хушка по
на высоте
соты закр
приятная
ститься в
упасть. П
была в со
болот и с
Не бе
нужно б
можност

место, где когда-то надет был пояс; тут же стояли сосуды из тонкой поливанной глины, которые когда-то были наполнены приношениями; в других был золотой песок, плата за переправу в иной мир. В своем роде эти открытия дали хорошую жатву: из одной только могилы было выбрано 130 унций золота, не говоря об их исключительном археологическом значении. Все же это было не то, что они искали. Это не были сокровища Мономатана, которые бежавшие португальцы захватили с собой, чтобы зарыть в этом их последнем убежище. Бенита потеряла всякий интерес к тому, что касалось клада; она даже не дала себе труда войти взглянуть на третий из найденных склепов, хотя он был замечателен тем, что принадлежал человеку по меньшей мере гигантского роста; если же судить по количеству золотых предметов, которые находились в могиле, то он должен был быть лицом высокого сана. Она была бы счастлива, если бы могла не видеть больше никогда ни человеческих костей, ни древней утвари, ни украшений. Ей было бы во сто раз приятнее очутиться на лондонской улице, в туман, перед окном игрушечного магазина, чем среди всех этих древностей, которые привели бы в бешеный восторг половину ученых обществ Европы, если бы они о них узнали. Она бы хотела убежать из Бамбатсе, от его изумительных стен, от его таинственного конуса, от его подземелий с мертвецами и главное — от Якоба Майера.

Бенита стояла на стене своей тюрьмы и с тоской смотрела на обширную, открытую внизу равнину. Она даже отважилась взобраться по лестнице, ведущей на верхушку исполинского гранитного конуса, и уселась в чашеобразном углублении, откуда Якоб Майер однажды позвал ее разделить с ним трон. Это было жуткое место, потому что конус имел наклон наружу и его верхушка почти висела над поверхностью воды в Замбези на высоте четырехсот футов. Сначала у нее от этой высоты закружилась голова. В глазах ее все поплыло, и неприятная дрожь побежала по спине; ей пришлось опуститься в углубление, откуда, как она знала, она не могла упасть. Постепенно, однако, она овладела собой, так что была в состоянии любоваться великолепным видом реки, болот и отдаленных холмов.

Не без цели, однако, она взобралась на конус; ей нужно было удостовериться, нет ли какой-нибудь возможности убежать водным путем, спустившись, например, вниз по течению реки в туземной лодке, какие упо-

требляются племенем макаланга для рыбной ловли, или переправиться на другой берег. Но она убедилась, что это неисполнимо, хотя течение под цитаделью и было спокойное, но на милю ниже начинались пороги, которые тянулись насколько хватало глаз; вдобавок берега реки в этом месте были скалисты и неприступны, а вверху поросли густым лесом, через который немислимо было волочить лодки, даже если бы у них нашлись носильщики. Об этом она, правда, уже слышала от Молимо, но, зная его робкий характер, она сочла нужным убедиться воочию. Вывод ее был таков, что если им придется бежать, то только на лошадях.

Сойдя с конуса, Бенита столкнулась со своим отцом, с которым до сих пор не делилась своими планами бегства. Случай был удобный, так как в это время они были одни. В этот самый день после полудня Майер спустился вниз с целью уговорить туземцев дать ему человек десять или двадцать в помощь, чтобы ускорить раскопки. В этом, следует напомнить, он уже однажды потерпел неудачу, так как Молимо наотрез отказался дать ему людей. Но не такой был человек Якоб Майер, чтобы отступить от своего намерения; он все еще надеялся, что ему удастся подействовать на Тамаса или кого-нибудь другого из старших путем подкупа или угроз и заставить забыть свои суеверные страхи. Действительность показала, однако, что он и в этот раз ошибся.

Мистер Клиффорд, которому опротивела непосильная и бесплодная работа, воспользовался отсутствием своего деспота Якоба, чтобы заснуть немного в хижине, которую они выстроили для себя в тени баобаба. Когда Бенита подошла к хижине, он вышел оттуда, позевывая, и спросил ее, откуда она пришла. Она ответила ему.

— Жуткое место, — сказал он. — Я ни разу не мог решиться взобраться наверх. Что ты там делала?

— Я осмотрела реку сверху, пока мистер Майер был внизу; если бы он увидел меня там, он бы отгадал мои намерения. Боюсь, что он и так догадывается.

— Для чего ты осматривала реку?

— Чтобы узнать, нельзя ли убежать, спустившись вниз по реке в лодке. Но это невозможно. Ниже по течению встречаются пороги, а по берегам утесы и холмы, поросшие лесом.

— От чего ты хочешь убежать теперь? — спросил он, глядя на нее пытливым.

— От всего, — ответила она с горячностью, — я не-

навижу э
напомина
— что
— Я
будто она
ма, — я бо
По-вид
тому что
— Пр
— Оте
и ты пон
жить бок
как он ста
— Не
телен с
так, то...
— Нет
рассказала
бавила: —
века; я про
с другими
нула, слов
я чувствую
лей. Он с
мысли, и я
во мне. Эт
возьми ме
холма с
нашу род
— Я б
ответил он
щами, в ко
ности. Пр
протянется
кости.
— А е
ная вещь,
Якобом М
была выну
счастливая
на конус
— Ум
— От
всяком с

навижу это место; это тюрьма; меня тошнит от одного напоминания о кладе. И еще...— Тут она остановилась.

— Что еще, детка?

— Я боюсь,— и ее голос понизился до шепота, как будто она опасалась, что ее услышат с подошвы холма,— я боюсь мистера Майера.

По-видимому, это признание не удивило ее отца, потому что он только кивнул головой и сказал:

— Продолжай.

— Отец, я боюсь, что он близок к помешательству, и ты понимаешь, какое это может быть удовольствие жить бок о бок с помешанным, в особенности с тех пор, как он стал говорить со мною таким языком.

— Неужели ты хочешь сказать, что он был непочтителен с тобой? — сказал старик, вспыхивая.— Если так, то...

— Нет, пока он не был непочтителен.— Тут она рассказала, что произошло между нею и Майером и прибавила: — Вы видите, отец, что я презираю этого человека; я просто не хочу иметь ничего общего с ним, как и с другими; для меня все это кончено,— и она всхлипнула, словно стон вырвался из самого сердца.— Потом, я чувствую, что он как-то начинает овладевать моей волей. Он следит за мной неотступно, проникает в мои мысли, и я начинаю чувствовать, что он способен читать во мне. Это невыносимо. Отец, отец, ради всего святого, возьми меня отсюда, подальше от этого проклятого холма с его золотом и его мертвецами, вернемся на нашу родную равнину.

— Я был бы сам счастлив, если бы мог, дорогая,— ответил он.— Я по горло сыт этой погоней за сокровищами, в которую я дал себя увлечь моей безумной жадности. Право, я начинаю думать, что если это еще протянется некоторое время, то я оставлю здесь свои кости.

— А если бы в самом деле случилась такая страшная вещь, подумай, что случилось бы со мною наедине с Якобом Майером? — спросила она.— Я бы, вероятно, была вынуждена покончить с собою так же, как и та несчастная девушка двести лет тому назад,— она указала на конус позади.

— Умоляю тебя, не говори этого! — перебил он ее.

— Отчего же? Следует быть решительной, это во всяком случае лучше, чем Якоб Майер. А кто же меня здесь защитит?

Мистер Клиффорд прошелся взад и вперед. Бенита смотрела на него с тревогой.

— Я не вижу никакого выхода,— сказал он, оставаясь против нее.— Мы не можем забрать фуру, даже если бы у нас было довольно упряжных быков: фура принадлежит ему, как и мне. В то же время я уверен, что он до тех пор не оставит своего клада, пока его самого отсюда не увезут силой.

— И я уверена в том же. Но, отец, ведь лошади нам принадлежат,— я помню, что издохла его лошадь. Отчего бы нам не уехать верхом?

Он посмотрел на нее с изумлением.

— Да, мы можем уехать в самую пасть смерти. Представь себе, что лошади заболеют или захромают; представь себе, что мы попадемся воинам матабеле или не найдем дичи на обед; представь себе, наконец, что кто-нибудь из нас захворает — да мало ли что может случиться. Что тогда?

— Ну что же, чем хуже гибель в дикой стране, чем здесь? Мы там рискуем ничуть не больше. Нам нужно попытать счастья. Послушай меня, отец, завтра воскресенье, мы не работаем. Мистер Майер не пропустит рабочего дня. Хорошо. Я скажу, что хочу спуститься вниз, чтобы достать кое-какие свои вещи, которые оставила в фуре; кроме того, захвачу свое белье, чтобы отдать его в стирку черным женщинам. Вы меня будете, конечно, сопровождать. Может быть, он даст себя обмануть и останется дома, тем более что он был внизу сегодня. Там мы возьмем своих лошадей, захватим ружья, патроны и все из провизии, что сможем найти, и упросим старого Молимо открыть нам ворота. Вы знаете, там есть маленький боковой выход, который отсюда не виден; прежде чем мистер Майер хватится нас и пойдет разузнать о нас, мы уедем на двадцать миль вперед, а пеший никогда не догонит конного.

— Он скажет, что мы позорно оставили его одного, и это будет правда.

— Вы оставите для него у Молимо письмо, где всю вину свалите на меня; вы напишете, что я заболела и боялась умереть и что вы не хотели просить его покинуть клад, который будет ему принадлежать весь до последнего гроша, когда он его найдет. О отец, не сомневайтесь больше, увезите меня подальше от мистера Майера!

— Ну, пускай будет так,— ответил Клиффорд, и в

ту самую
наверх и
По сча
что и не
у них был
дозритель

— О
сил он.

— Мь
с макала
ложь.— И

— Ро

ры.— Эти
объявили,
было боль
превратит
тесь, мисс

ния, по к
не хотят
другой пл

— То
нита с ул

— Ах
в придачу

На сл
к осущест
не поинт
точного
раты, как
дой пяди
завтраку,
кая рабо
на его на
понедел
Его слова
почувство

Что ж
их побед
задачей?
знат

ту самую минуту они услышали шаги; они посмотрели
наверх и увидели Майера, подходившего к ним.

По счастью, он так был поглощен своими мыслями,
что и не заметил их виноватого вида; таким образом,
у них было время овладеть собою. Тем не менее его по-
дозрительность проснулась.

— О чем это вы так серьезно толковали? — спро-
сил он.

— Мы говорили о том, как идут ваши переговоры
с макаланга, — ответила Бенита, смело придумывая
ложь. — И что, добились ли вы чего-нибудь?

— Ровно ничего, — ответил он, бросая мрачные взо-
ры. — Эти дикари наши худшие враги; проклятые трусы
объявили, что скорее умрут, чем помогут нам. У меня
было большое искушение поймать их на слове и их самих
превратить в духов, но благоразумие взяло верх. Не бой-
тесь, мисс Клиффорд, я никогда не теряю самооблада-
ния, по крайней мере наружно. Ну что ж, раз они нам
не хотят помочь, мы наляжем на работу. Я придумал
другой план, и мы начнем завтра по-новому.

— Только не завтра, мистер Майер, — сказала Бе-
нита с улыбкой, — завтра воскресенье.

— Ах, я и забыл. Ладно, отработаю за себя и за вас
в придачу, — и он, пожав плечами, ушел.

ГЛАВА XIV

Побег

На следующее утро, в воскресенье, Майер приступил
к осуществлению своего плана. В чем он состоял, Бенита
не поинтересовалась, но, по-видимому, он потребовал
точного разделения всей площади подземелья на квад-
раты, как бы для более тщательного обследования каж-
дой пяди ее. К полудню Майер вышел из подземелья к
завтраку, во время которого выразил мнение, что одино-
кая работа в этом мрачном месте удручающе действует
на его настроение и что он был бы рад, если бы наступил
понедельник, когда он будет работать не в одиночестве.
Его слова, видимо, смутили Клиффорда, и даже Бенита
почувствовала некоторое раскаяние.

Что же он почувствует, думала она, когда узнает об
их побеге, оставшись один-одинешенек перед трудной
задачей? Она чуть было не решилась во всем ему при-
знаться, но все-таки побоялась — в этом было лучшее

доказательство той власти, которую этот человек имел над ней. Ей казалось, что поступить таким образом было бы равносильно отказу от их намерения, так как она знала, что Майер употребил бы все зависящие от него средства — просьбы, доводы, угрозы, насилие, — только бы заставить их остаться. Но она жаждала только избавления от этого Бамбатсе с его седой стариной, подземельями, могилами, с его тюрьмой и тюремщиком, Якобом Майером, который умел с одинаковым искусством рыться в мертвых костях и живых сердцах и все-таки не находил сокровищ, лежавших как в первых, так и в последних.

Они решили скрыть свое намерение и заговорили с оживлением о всяких посторонних вещах: о том, насколько выучились ружейным приемам туземцы макаланга, есть ли еще опасность нападения со стороны воинов матабеле, как будто не собиравшихся предпринять налет на крепость; о том, в каком состоянии их быки и можно ли было бы рассчитывать найти других взамен павших. Бенита пошла еще дальше: увлекшись вымыслом, она построила искусную ложь, несмотря на укоризненные взгляды, которые бросал на нее отец. В разговоре она заявила, что намерена совершить прогулку в нижнее кольцо между первыми двумя стенами крепости, чтобы своими глазами удостовериться, какое настроение там царит; она собиралась провести там несколько часов, кстати отнести свое белье в стирку и захватить кое-что из платья и несколько книг, оставленных внизу.

Якоб оторвался от своих размышлений и расчетов и прислушался к разговору с мрачным видом.

— У меня большое искушение отправиться с вами, — сказал он; слова эти заставили Бениту задрожать. — По правде сказать, меня охватывает жуть, когда я остаюсь в подземелье; все мерещатся какие-то звуки, как будто эти старые кости шевелятся, какие-то вздохи и шепот; все это, конечно, я приписываю движению воздуха.

— Отчего бы вам не отправиться вместе с нами? — спросила Бенита.

Это был смелый ход, но он удался. Если у него и были сомнения, они исчезли. Он ответил:

— Оттого, что у меня нет времени. Нам во что бы то ни стало необходимо довести дело до конца, прежде чем наступит влажное время года: когда начнутся дожди, мы в подземелье не удержимся; кроме того, можем погибнуть от лихорадки. Прогуляйтесь, мисс Клифффорд;

и вы впра
выказывая
к ней, — бу
те. Вы дол
на эту стел
в сумерках
вас есть с
мочь ваше
вами, в са
вчера этим
очень недр
удовольств
ехаться ве
и застоял
было осно

Не ож

— О,

лгать и ск

Наши вещ

Они то

Бенита бр

которые п

Но она не

лась навсе

с чем она

пенек, лег

мысли о т

ва подним

будто у не

Ей казал

все уголки

Она б

где их с

это, они

Туземцы

из ружья

недурно э

вещи, сня

димое в д

сать пись

ных дел,

Содержа

«Доро

Не

и вы вправе тоже отдохнуть. Только,— прибавил он, выказывая обычную свою заботливость по отношению к ней,— будьте осторожны, Клиффорд, не запаздывайте. Вы должны вернуться до захода солнца. Лестница на эту стену слишком опасна, чтобы взбираться по ней в сумерках. Позовите меня, когда будете под стеной; у вас есть свисток, свистните, и я сойду вниз, чтобы помочь вашей дочери подняться. Уж не пойти ли мне с вами, в самом деле? Нет, не хочу. Я столько наговорил вчера этим макаланга, что они встретят меня теперь очень недружелюбно. Надеюсь, что вы вынесете большее удовольствие из прогулки, чем я. Почему бы вам не проехаться верхом за стенами? Ваши лошади поправились и застоялись, им нужно движение; я не думаю, чтобы было основание бояться матабеле.

Не ожидая ответа, он поднялся и ушел.

— О, я знаю,— сказала Бенита,— это подлость лгать и скрываться, но иногда приходится идти на это. Наши вещи готовы, не будем терять время.

Они тотчас же встали и пошли. С верхушки стены Бенита бросила прощальный взор на знакомые места, которые покидала и которые не надеялась увидеть вновь. Но она не чувствовала себя так, как будто бы расставалась навсегда, все это как-то непохоже было на прошлое, с чем она порывала окончательно; сходя с опасных ступенек, лепившихся по стене, она даже поймала себя на мысли о том, как будет она ступать, когда придется снова подниматься наверх. У нее было такое чувство, как будто у нее с мистером Майером не все еще кончилось. Ей казалось, что еще долгое время он будет заполнять все уголки ее души.

Она благополучно достигла внешних укреплений, где их с удивлением встретили туземцы; несмотря на это, они их приветствовали самым радушным образом. Туземцы все еще продолжали упражняться в стрельбе из ружья, и некоторые из них, по-видимому, выучились недурно этому искусству. Войдя в хижину, где хранились вещи, снятые с фуры, они наскоро собрали все необходимое в дорогу. Мистер Клиффорд присел, чтобы написать письмо Майеру; это было одним из самых неприятных дел, которые ему приходилось исполнять в жизни. Содержание письма было таково:

«Дорогой Майер.

Не знаю, что вы о нас подумаете, но мы решили бежать из этого места. По правде говоря, я чувствую себя

нездоровым, а моя дочь эту жизнь не может больше выносить. Она уверяет, что если останется здесь, то не выживет, и что эти поиски клада в могильных склепах совсем расстроили ее нервную систему. Я бы предпочел поставить вас об этом в известность раньше, но она просила меня не делать этого, она убеждена, что вы бы нас сумели уговорить остаться. Что касается золота, то, если вам удастся его найти, оставьте его себе. Я отказываюсь от своей доли. Мы оставляем вам фуру с быками, а сами отправляемся в путь на наших лошадях. Это, несомненно, опасная затея, но при создавшихся обстоятельствах более приемлемая для нас, чем дальнейшее пребывание здесь. Если нам не придется больше встретиться, то простите нас, а мы желаем вам всего лучшего. Искренно вам преданный

Т. Клиффорд».

Когда письмо было готово, они приказали привести лошадей, осмотрели их, оседлали, привязали к седлам свой скромный багаж; но патронов они взяли столько, сколько можно было захватить и уместить за седлами. Вооружившись затем ружьем,— во время долгого путешествия сюда Бенита выучилась владеть им,— они сели на лошадей и направились к маленькому боковому выходу, так как главные ворота до сих пор оставались заваленными каменными глыбами. Этот боковой выход, попросту щель в большой стене, к которой снаружи вел крутой подъем, в настоящее время оставался открытым. Так как страх перед нападением матабеле несколько рассеялся, туземцы макаланга пользовались им для того, чтобы выпускать и впускать через него своих коз и овец; самый проход, весьма узкий и извилистый, проложен был в толще стены и мог быть в случае надобности завален камнями в мгновение ока. Кроме того, предусмотрительный строитель стены расположил его таким образом, чтобы самый проход находился всегда в руках тех, кто владел стенами по обе стороны его.

Туземцы, наблюдавшие с любопытством за их приготовлениями, не делали никаких попыток остановить их, хотя предвидели, что у них встретятся трудности, когда им придется пройти мимо часовых, охранявших проход и днем, и ночью, сам Клиффорд рассчитывал вручить часовым письмо для передачи его Майеру. Когда они приблизились к выходу, ведя лошадей в поводу, чтобы сойти до выхода, они увидели, что единственным часовым был сам старый Молимо; он сидел и дремал.

Увидев их, он сразу же проснулся; не двигаясь с места, он сразу спросил их, куда они едут.

— Нам хочется проехаться, — ответил Клиффорд, — моя дочь устала от сидения внутри крепости и хочет подышать воздухом равнины. Пропусти нас, друг, иначе мы не сможем вернуться к заходу солнца.

— Если вы рассчитываете вернуться к заходу солнца, белый, для чего же вы берете с собою багаж и для чего ваши мешки за седлами наполнены патронами? — спросил он. — Вы мне сказали неправду, и вы надеетесь, что больше не увидите захода солнца здесь, в Бамбатсе.

Поняв, что дальше скрывать истину бесполезно, Бенита воскликнула решительно:

— Это верно; но не задерживай нас, отец, ибо нам страшно не то, что впереди нас ждет, а то, что позади.

— А разве впереди мало опасностей, девушка? Безлюдные, дикие места, где можно встретить амандабеле с их отравленными копьями; дикие звери; болезни, которыми вы можете заболеть, — мало ли опасностей, от которых вы рано или поздно лишитесь жизни!

— Их много, отец, но ни одна из них нас так не пугает, как та, от которой мы бежим. Мы не хотим больше искать сокровища и не хотим там больше оставаться.

— Я знаю, боишься ты живого белого человека; это ваш товарищ, который хочет подчинить вас своей воле. Не отрицай этого, я сам это видел.

— Так если ты знаешь истину, ты, наверно, дашь нам уйти, — попросила она его. — Клянусь тебе, я больше не в состоянии здесь жить.

— Разве я вправе удерживать вас? — спросил старик. — Но я говорю вам, что вы не должны уходить; уйдя, вы пойдете навстречу смертельной опасности. Девушка, помнишь, много дней тому назад я говорил тебе, что твое место здесь. Можете идти, если хотите, но вы вернетесь сюда. — Он замолчал и, казалось, опять погрузился в полудремотное состояние.

Отец с дочерью торопливо обменялись словами.

— Бесполезно возвращаться назад, — сказала Бенита, чуть не плача от страха и досады. — Я не хочу слушать его бредней, я их не боюсь. Что может знать этот старик о будущем, кроме того, что всякому из нас известно? Наконец, он сам говорит, что мы вернемся обратно. Так если это и случится, все же мы будем хоть короткое время свободны. Поедем, отец?

— Пусть будет по-твоему, — ответил Клиффорд, ко-

торый чувствовал себя слишком несчастным и подавленным, чтобы спорить. Он бросил письмо на колени Мо-лимо и попросил его передать его Майеру, когда увидит-ся с ним.

Старик больше не обращал на них внимания; даже тогда, когда Бенита попрощалась с ним и поблагодарила его за гостеприимство, пожелав ему и его племени вся-ческого благополучия, он тоже остался безучастным и даже не взглянул в их сторону. Они взяли под уздцы своих лошадей и повели их через узкий ход, в котором они двигались с большим трудом, затем вышли наружу и спустились по крутой тропе с холма. Выбравшись на дру-гую сторону высохшего рва, они под любопытными взглядами туземцев макаланга, смотревших на них со-стены, сели на лошадей и выехали на ту же дорогу, по ко-торой приехали сюда.

Дорога эта, или, вернее, протоптанный след ног, вначале вилась через сады и дальше промеж нескончаемых развалин строений, составлявших когда-то в стародавние времена большой город, для которого гора Бамбатсе слу-жила только цитаделью и святилищем. Остатки исчезнув-шей цивилизации тянулись на целые мили и доходили вплоть до узкого горла или перевала в кольце холмов, окружавших эту равнину; это были те холмы, через кото-рые Роберт Сеймур со своим братом нашел невозмож-ным перевезти свою фуру, когда они здесь побывали не-сколько лет тому назад. Этот перевал, или проход, не-когда был очень сильно укреплен, как показывали раз-валины башен, стоявших по обе стороны его. Более того, наверху края его так близко сходились и боковые стены были так отвесны, что маленькой кучки людей, даже во-оруженных луками и стрелами, достаточно было, чтобы в течение долгого времени удерживать большое войско врагов. По ту сторону холмов расстилалась на много миль кругом поросшая кустарником равнина, усеянная оди-ноко стоявшими гранитными столбами, сложенными из нагроможденных друг на друга глыб.

Мистер Клиффорд и Бенита начали свое безрассудное путешествие часа в три пополудни; когда же солнце стало садиться, они уже были милях в пятнадцати или шест-надцати от Бамбатсе, который давно уже скрылся из виду, так как лежал по ту сторону холмов. Они очутились близ того перелеска, где они сделали привал на берегу источника, когда ехали в Бамбатсе; так как они не реша-лись продолжать путь ночью, то решили остановиться

здесь же,
могли най-
Случай
шихся к
в мясе, н
к себе вни
разложит
могли уйт
под дерев
ными лепе
временем
и им оста
кустов тер
ночлега. С
ния прош
водились
проспав б

Во вре
хоть врем
их одеяла
звезд, в т
привязали
рассвело,
солнца уж
и вместе
ниты. Стр
нотой, и
начало до
только со

Весь з
ропили ле
не мог б
за ними
сделали
приготов
с собою,
миться с

Прод
гого мес
кустарни
лувысоте
уголке зе
ников и
в по

здесь же, тем более что вокруг источника их лошади могли найти хорошую траву для корма.

Случайно они натолкнулись на животных, спустившихся к источнику на водопой; хотя они и нуждались в мясе, но не решились стрелять, чтобы не привлечь к себе внимания; по этой же причине они не решились разложить костер. Стреножив лошадей так, чтобы они не могли уйти далеко, и пустив их пастись, они уселись под деревом и слегка закусили сушеным мясом и пшеничными лепешками, которые взяли с собою в дорогу. Тем временем совсем стемнело, так как месяц был молодой, и им оставалось только улечься спать посреди засохших кустов терновника, которыми они окружили свое место ночлега. Оба они так устали, что, несмотря на тревожения прошедшего дня и на их страх перед львами, которые водились в этой местности, они заснули как убитые, проспав без перерыва почти до самого рассвета.

Во время сна они успели продрогнуть, потому что, хоть время года стояло теплое, обильная роса пропитала их одеяла; проснувшись, они опять поели еще при свете звезд, в то время как их лошади, которых они на ночь привязали подле себя, продолжали есть траву. Как только рассвело, они оседлали лошадей и с первым же лучом солнца уже были опять в пути. Наконец солнце засияло и вместе с теплом влило новое мужество в сердце Бениты. Страхи ее, казалось, исчезли вместе с ночной темнотой, и она сказала отцу, что считает это хорошее начало добрым предзнаменованием, с чем ему осталось только согласиться.

Весь этот день стояла прекрасная погода; они не торопили лошадей, так как были уверены, что Якоб Майер не мог бы их уже догнать, будучи вынужден следовать за ними пешком за неимением коня. В полдень они сделали привал; им удалось подстрелить козла, и Бенита приготовила часть его в котелке, который захватила с собою, таким образом они имели возможность полакомиться свежим мясным блюдом.

Продолжая ехать, они к заходу солнца достигли другого места своего старого привала, тоже на поросшей кустарником лужайке. Здесь источник находился на полувысоте холмистого склона; поэтому они спешили в уголке зелени, который благодаря присутствию папоротников и мхов походил на сад. Теперь они считали себя в полной безопасности, и, хотя у них было много холодного мяса, они решились зажечь костер. Это, впрочем,

вызвано было необходимостью держать в отдалении львов, свежие следы которых виднелись невдалеке; одного они даже заметили издали в то время, когда он прыжками скрылся в тростниках, росших в болоте у подножия холма.

В этот вечер они попиروвали мясом дичи, после чего легли спать, окружив себя, как и в предыдущую ночь, оградой из колючих кустов. Но им не пришлось спать хорошо в эту ночь, так как, не успев еще закрыть глаза, они услышали совсем близко подле себя вой гиены. Они выстрелом прогнали зверя, но часа через два вдруг услышали грозное рычание, за которым последовал рев; ему ответил другой рев с другой стороны, после чего лошади в страхе заржали.

— О, львы! — воскликнул мистер Клиффорд, вскакивая на ноги; он схватил сухое полено и бросил его в тлеющий огонь, вскоре разгоревшийся ярким пламенем.

Спать больше стало невозможно; хотя львы на них не нападали, но они почуяли лошадей и уже не уходили, а все кружили по краю лужайки, рыча и перекликаясь. Так продолжалось часов до трех утра, когда животные наконец ушли, так как их рев стал доноситься издали. Почувствовав себя в относительной безопасности, они подбросили дров в огонь и попытались соснуть немного.

Бените казалось, что она успела проспать всего несколько минут, когда была разбужена новыми звуками. Было еще темно, но при свете звезд она убедилась, что лошади были совершенно спокойны; одна из них лежала на земле, а другая щипала листья с дерева, к которому была привязана. Следовательно, звуки принадлежали не диким зверям, иначе лошади бы тревожились. Она прислушалась, и звуки опять донеслись до нее: они походили на шепот, словно говорили люди внизу у подошвы холма. Она разбудила отца и передала ему свои предположения, но только раз или два они слышали шум шагов; больше ничего им разобрать не удалось. Тогда они встали, оседлали лошадей, взнуздали их, сохраняя все время тишину, и стали ждать рассвета.

Наконец небо засерело. Вокруг них на склоне холма воздух был прозрачен, вверху сиял розовый свет зари; но под ними стлался густой перламутровый туман. Постепенно он редел под лучами восходящего солнца, и сквозь этот туман Бенита увидела фигуру дикаря, увеличенную до гигантских размеров в расплывчатом свете утра. Он

ходил взад и вперед, завернувшись в плащ и позевывая; в руках он держал большое копье.

— Посмотри,— прошептала она,— посмотри!

И мистер Клиффорд посмотрел в сторону, в которую показывала Бенита.

— Это матабеле,— сказал он,— это матабеле!

ГЛАВА XV

Погоня

Это был воин матабеле, в том не могло быть сомнения; а если бы оно было, то тут же рассеялось бы, ибо не прошло минуты, как к первому часовому присоединилось еще трое воинов; все стали о чем-то говорить, указывая копьями в сторону холма. Ясно было, что они обдумывали план нападения, чтобы привести его в исполнение, как только станет достаточно светло.

— Они увидели огонь нашего костра,— прошептал Бените ее отец,— единственным средством спасения нашей жизни может быть только немедленное бегство, прежде чем они решатся напасть. Их место стоянки, вероятно, по ту сторону холма, поэтому мы должны ускользнуть той же дорогой, которою сюда пришли.

— Ведь эта дорога ведет назад в Бамбатсе,— произнесла Бенита дрожащим голосом.

— Бамбатсе лучше, чем могила,— сказал ее отец,— мы будем счастливы, если сможем вернуться.

На такой довод нечего было возразить, поэтому, напившись воды и проглотив несколько кусочков пищи, они подползли к лошадям, сели в седла и стали спускаться с холма, сохраняя величайшую тишину.

Часовой опять был один, другие три воина удалились. Он стоял спиной к ним. Но когда они проходили в нескольких шагах от него, он услышал шорох по траве, круто повернулся и увидел их. Размахнувшись копьем, он бросил его.

Мистер Клиффорд, шедший впереди, держал свое ружье под рукою; но у него не было времени прицелиться, он только успел спустить курок. Бенита слышала, как пуля ударила в кожаный щит, и в следующий миг воин матабеле лежал на спине, судорожно дергая руками и ногами. В то же время она увидела ниже склона холма, который они огибали, сотни идущих людей, а за ними стада рогатого скота; слабый свет сумерек белел

на колеблющихся остриях копий и на рогах быков. Она посмотрела направо, и оттуда показалась еще более многочисленная толпа. Оба крыла сходились с обеих сторон, стараясь закрыть им путь. Только в середине оставался еще небольшой просвет. Туда они должны были проскочить во что бы то ни стало.

— Скорее,— сказала она, задыхаясь. Ударив лошадь каблуком и прикладом ружья, Бенита дернула поводья.

Отец ее поступил таким же образом, и лошади пустились вскачь. В это время оба крыла толпы стали вытягиваться, наподобие тонких щупальцев, в длинные линии передовых, которые шли навстречу друг другу, стараясь сомкнуться до того, как беглецы успеют проскочить через свободное пространство. Все зависело от того, успеют ли они это сделать; от этого зависело, будут ли они еще жить через три минуты или нет. Надеяться на милосердие этих кровожадных животных, в особенности после того, как они только что убили на их глазах одного из них, было нелепо. Правда, они его убили, но разве дикари станут разбираться в таких тонкостях, разве они посчитаются с тем, что имеют дело с мирными путешественниками? Они знали, что как раз в это время у матабеле было много неприятностей с белыми, на которых они смотрели весьма недружелюбно; кроме того, убийство этих двух белых в двухстах милях от ближайшего поселения белых должно было остаться вполне безнаказанным, и даже весть об этом никогда бы до их соотечественников не дошла; словом, это было бы самое легкое и безопасное из преступлений.

Все это промелькнуло в их уме, когда они скакали по направлению к просвету, оставшемуся еще между нападавшими дикарями. Какой ужас пережили они в эти немногие минуты! Оставалось пройти каких-нибудь двести ярдов, и все бы решилось: удастся ли им хоть на время ускользнуть, или придется погибнуть. Мог быть еще третий исход: они могли попасть в плен; но это было бы ужаснее смерти. Бенита решила, что она сделает все зависящее от нее, чтобы избежать этого. У нее было ружье и револьвер, который ей купил Якоб Майер. Несомненно, что она еще успеет разрядить то или другое в себя. Она стиснула зубы и все продолжала прищипоривать лошадь, которая летела сломя голову. Матабеле развили величайшую скорость, спеша им наперерез, и если бы только у них было преимущество в пять секунд, белые были бы пойманы. Но именно эти пять секунд спасли им жизнь.

Когда
воины с
дцати ша
останови
них прос
ствовала
резало ее
форда на
чало сек
лошадь д
удар коп
обрадова
ре она з
матабеле
гонку, и
торые пу
Наконец
лей, пере
зулусски

— Ло
захода со

Они п
время по

— На
нита, ког
но мисте

— В
спросила

— Т
нерешите

напасть

нибудь д
мы у них

Вопрос л
батсе.

— Ко
— Да

Не ус
торой он

торых бы
должала

— Т
Она

Когда они промчались мимо матабеле, передовые воины с обеих сторон были от них не более чем в двадцати шагах. Увидев, что белым удалось проскочить, они остановились и бросили им вслед тучу копий. Одно из них просвистело на волосок от щеки Бениты: она почувствовала порыв ветра от пролетавшего копья. Другое прорезало ее платье, а третье пронзило ногу лошади Клиффорда над самым коленным сочленением; оно там торчало секунду или две, затем упало на землю. Вначале лошадь даже как будто не ощутила ранения, наоборот, удар копья только заставил ее побежать быстрее; Бенита обрадовалась, думая, что копье только задело ногу. Вскоре она забыла об этом, так как некоторые из воинов матабеле, вооруженных ружьями, стали стрелять им вдогонку, и хотя стреляли они из рук вон плохо, но некоторые пули пролетали ближе, чем это было желательно. Наконец они услышали голос одного из преследователей, перегнавшего прочих и кричавшего им вслед позулусски:

— Лошадь ваша ранена. Мы поймаем вас еще до захода солнца.

Они перебрались через хребет возвышенности и на время потеряли из виду преследователей.

— Наконец-то! — проговорила, переводя дух, Бенита, когда они очутились одни на безмолвной равнине; но мистер Клиффорд покачал головою.

— Вы думаете, что они будут еще гнаться за нами? — спросила она.

— Ты слышала, что кричал этот дикарь? — ответил он нерешительно. — Без всякого сомнения, они собираются напасть на Бамбатсе, а до того успели ограбить какое-нибудь другое несчастное племя и увести скот, который мы у них видели. Да, боюсь, что они за нами последуют. Вопрос лишь в том, кто из нас первый достигнет Бамбатсе.

— Конечно, мы; ведь мы на лошадях, отец!

— Да, если, конечно, с ними ничего не приключится.

Не успел он произнести эти слова, как кобыла, на которой он ехал, сразу упала на задние ноги, одна из которых была пробита копьем; потом она поднялась и продолжала идти галопом.

— Ты видела? — спросил он.

Она кивнула головой и прибавила:

— Может быть, мы перевяжем ей рану?

— Нельзя, — ответил он, — единственный выход

это идти не останавливаясь; стоит нам остановиться, она уже дальше не пойдет. Сухожилие не тронуть, иначе она бы давно отказалась идти.

Они продолжали скакать.

Все это утро они шли, не останавливаясь и не замедляя хода, насколько позволяли условия дороги; несмотря на все увеличивавшуюся рану кобылы мистера Клиффорда, они успели пройти такое расстояние, что к полудню достигли места, где был их первый ночлег после того, как они покинули Бамбатсе. Усталость и острая жажда заставили их сделать короткую остановку; они спешили и напились с жадностью воды из источника, затем напоили лошадей; удержать их от этого не было никакой возможности. Они закусили слегка, не потому, что чувствовали голод, а только чтобы поддержать силы. После этого они осмотрели рану лошади. Теперь ее задняя нога сильно опухла, и кровь сочилась из разреза, сделанного копьем; кроме того, она держала ногу, подбрав ее под себя таким образом, что только концом копыта касалась земли.

— Нам нужно продолжать путь, не теряя времени, — сказал мистер Клиффорд, и они сели на лошадей.

Но что случилось? Кобыла не двигалась с места. В отчаянии мистер Клиффорд бил ее без пощады, но бедное животное только протащило, ковыляя на трех ногах; несколько шагов вперед и остановилось. Было ли повреждено сухожилие, или воспаление усилилось, но только кобыла не сгибала ноги в колене. Поняв, какие это может иметь последствия, Бенита не выдержала и разрыдалась.

— Не плачь, дорогая моя, — сказал он. — Что поделаешь? Может быть, они прекратят теперь свое преследование, во всяком случае, мои ноги целы, и до Бамбатсе не так уж далеко, всего миль шестнадцать. — И они стали подниматься по отлогому, бесконечно длинному склону, ведущему к проходу в холмах, которые окружали равнину Бамбатсе.

Они хотели пристрелить кобылу, но побоялись, что выстрел будет услышан, и воздержались. Пришлось предоставить несчастное животное его судьбе, а с ним весь багаж, бывший на нем, за исключением нескольких патронов. Прежде чем оставить кобылу, Клиффорд по просьбе дочери посвятил ей несколько секунд, чтобы расстегнуть подпругу и снять мундштук, облегчив этим ее положение. Некоторое время кобыла ковыляла за ними

на трех
ржание,
ротом тр
Прой

дой, что
но ниче
Зато она
рех мил
ном свет
двигавш
ности.

— Ч

как бы

— Э

ее отец,

как побл

детка,—

положен

мы успе

так и пя

вычны. I

ты долж

— Н

— Т

как тво

заботит

кроме то

как тво

сказал о

Вмес

— Я

тельно.

Тогд

нии и в у

шивать

— С

нему с

я вам с

помните

нусь там

чтобы о

еще дру

Ну так

он у ме

или

на трех ногах, потом остановилась, издавая жалобное ржание, пока наконец, к облегчению Бениты, за поворотом тропинки ее не стало видно.

Пройдя с полмили, она оглянулась со слабой надеждой, что кобыла преодолеет боль и последует за ними; но ничего похожего на лошадь не было видно позади. Зато она увидела нечто другое: на расстоянии трех-четырех миль позади легко было заметить при ослепительном свете солнца какие-то черные пятнышки, как будто двигавшиеся по равнине, расстилавшейся в безбрежности.

— Что это такое? — спросила она слабым голосом, как бы боясь услышать ответ.

— Это матабеле, которые идут за нами, — ответил ее отец, — вернее, это кучка их лучших бегунов; видишь, как поблескивают на солнце острия их копий? Вот что, детка, — сказал он, продолжая тащиться подле нее, — положение наше такое: эти люди догонят нас прежде, чем мы успеем дойти до Бамбатсе; они могут пробежать так и пятьдесят миль, если понадобится, они к этому привычны. Но твоей лошади они не догонят никак, поэтому ты должна ехать вперед и оставить меня здесь.

— Никогда, никогда! — вскричала она.

— Ты можешь это сделать и ты должна. Наконец, я, как твой отец, приказываю тебе. Обо мне тебе нечего заботиться. Во-первых, я могу спрятаться и уйти от них; кроме того, я стар уже, жизнь моя прожита, между тем как твоя вся впереди. Ну, прощай и уходи скорее, — сказал он, оставляя ее седло, за которое держался рукою.

Вместо ответа Бенита остановила лошадь.

— Я ни шагу дальше не пойду, — сказала она решительно.

Тогда он стал кричать на нее, упрекая в непослушании и в упрямстве; когда же это не помогло, он стал упрашивать ее чуть не со слезами в голосе.

— Отец, дорогой мой, — сказала она, склоняясь к нему с лошади (в это время они опять пошли), — ведь я вам сказала, почему я хотела уйти из Бамбатсе, вы помните? Я сказала, что скорее рискну жизнью, чем останусь там. Что же, вы думаете, что я без вас вернусь туда, чтобы остаться наедине с Якобом Майером? Потом, есть еще другая причина. Вы помните мистера Сеймура? Ну так я вам должна сказать, что я его забыть не могу, он у меня не выходит из головы; и мне все равно, жить или не жить. Если мы сможем спастись, то спасемся

вместе, и я буду рада этому; если же суждено умереть, то вместе и умрем.

С тяжелым вздохом он прекратил свои уговоры; потом, успокоившись немного, принялся обсуждать с нею шансы на спасение. Первою их мыслью было где-нибудь спрятаться, но равнина была открытой и пустой, нигде нельзя было найти укромного уголка. Они подумали о берегах Замбези, но от реки их отделял обнаженный, усеянный скалами холм, подъем на который тянулся несколько миль. Задолго до того, как они успели бы взобраться на его вершину, если бы даже лошадь могла идти по каменистой почве, они бы попали в руки преследователей. Короче говоря, спасения ниоткуда не было видно, оставалось только продолжать путь по направлению к проходу на равнину Бамбатсе; и если бы им повезло, они могли бы сделать попытку спрятаться где-нибудь в развалинах домов, но только после захода солнца.

Но они ни на минуту не обманывали себя пустой мечтой; они знали, что у них не более одного шанса против пятидесяти, разве что их преследователи устанут и оставят их в покое.

Однако пока они не выказывали ни малейших признаков усталости; наоборот, обнаружив опять беглецов далеко впереди, длинноногие воины прибавили шагу, и расстояние между ними и их жертвами стало заметно сокращаться.

— Отец,— обратилась к нему Бенита,— имейте в виду, что я не намерена попасть живой в руки этих дикарей.

— Я не допущу этого, конечно,— ответил он дрожащим голосом.

— Я не о том вас прошу,— сказала она.— У меня самой рука не дрогнет. Но если я промахнусь...— и она выразительно взглянула на него.

Старик Клиффорд заметно уставал. Тяжело дыша, он взбирался на крутой подъем и то и дело спотыкался о камни. Бенита, заметив это, соскользнула с лошади, заставила его сесть в седло и сама пошла рядом. Когда он немного отдохнул, они опять поменялись местами и таким образом прошли еще несколько миль. Под конец они оба обессилели и не в состоянии были идти пешком; тогда они попытались поехать на лошади вдвоем — она спереди, а он сзади, так как багаж, давно брошенный в пути, больше не мешал им; но изнуренная лошадь

не в силах была нести на себе двойное бремя: пройдя несколько сот шагов, она споткнулась, упала, с трудом встала на ноги и наконец остановилась.

Они снова вынуждены были ехать и идти пешком попеременно.

До захода солнца оставалось не более часа, а узкий проход, к которому они стремились, находился в трех милях от них. Это были ужасные три мили; в течение долгого времени после того воспоминания о них, как кошмар, посещали ее сон! Вначале передовые матабеле отставали от них тысячи на две шагов; на полдороге они приблизились к ним почти на тысячу, когда же оставалось пройти последнюю милю, они были всего в пятистах шагах позади беглецов.

Природа полна чудес, и средства ее в крайних случаях неисчерпаемы. Когда подошел критический момент, усталость беглецов как будто исчезла или по крайней мере была забыта: они почувствовали такой прилив сил, так бодро зашагали вверх по склону, словно только что встали с постели после крепительного сна. Даже лошадь, казалось, заразилась этим подъемом; когда же она замедлила шаг, то мистер Клиффорд вонзил ей в бок острие своего охотничьего ножа. С трудом переводя дух, выбиваясь из сил, то садясь в седло, то идя пешком, они тащились к хребту, стараясь уйти от смерти в образе матабеле, которые их преследовали с упорством охотничьих собак. Солнце опускалось, и на его багровом диске беглецы могли, оборачиваясь назад, видеть темные силуэты дикарей; широкие острия их копий казались окрашенными кровью; они могли даже слышать их грубые окрики, которыми они их приглашали остановиться, чтобы дать себя убить без лишней возни.

Теперь они находились впереди не больше чем на триста шагов, а до перевала оставалось все-таки полмили. Прошло еще пять минут, и лошадь замедлила ход, потому что почва стала очень неровной. Мистер Клиффорд ехал верхом, а Бенита бежала рядом с ним, держась за ремень стремени. Она оглянулась. Дикари, боясь, что их жертвы скроются от них за хребтом холма, принялись догонять их, между тем как лошадь шла все медленнее. Один из них, высокого роста воин, далеко опередил своих товарищей. Через две минуты он приблизился к ним на какие-нибудь сто шагов, его отделяло от них меньшее расстояние, чем им оставалось до вершины холма. Тут лошадь остановилась и отказалась дальше идти.

Мистер Клиффорд соскочил с седла, и Бенита, не в силах говорить, молча показала ему на преследовавшего их матабеле. Клиффорд присел на камень, поднял ружье, перевел дух и выстрелил в воина, который, не скрываясь, беспечно шел к ним. Мистер Клиффорд был хорошим стрелком и, несмотря на волнение, он сумел не дать промаха в критический момент. Воин был, очевидно, ранен, потому что зашатался и упал; потом медленно поднялся и поплелся назад к своим товарищам. Когда он к ним подошел, они остановились, чтобы оказать ему помощь.

Эта остановка была их спасением; собрав последние силы, они добежали до прохода. Этим бы, конечно, дело не кончилось, так как за ними тем же путем могли последовать матабеле, тем более что было еще достаточно светло, чтобы открыть их присутствие и схватить их. И действительно, дикари, положив своего раненого на землю, в числе пятидесяти или более человек, с яростными криками бросились за ними вдогонку.

Отец с дочерью, употребляя отчаянные усилия, одолевали перевал, а за ними, шагах в шестидесяти позади, толпа матабеле стеснилась в узком проходе промеж высоких склонов холмов, спеша за беглецами.

Вдруг со всех сторон, как это показалось Бените, раздались оружейные выстрелы, следовавшие непрерывно и быстро один за другим. Матабеле, застигнутые врасплох, падали по нескольку человек за раз, пока их, казалось, не осталась на ногах всего небольшая кучка; они остановились как вкопанные, потом повернулись к проходу и убежали вниз по склону назад, на равнину.

Бенита опустилась на землю, и последнее, что она еще удержала в сознании, был мягкий голос Якоба Майера, говоривший:

— Ну что ж, вы все-таки вернулись, мисс Клиффорд; хорошо, что до меня дошла ваша мысль, и вот я здесь для вашего спасения.

ГЛАВА XVI Снова в Бамбатсе

Сама Бенита никогда не могла вспомнить впоследствии, как она попала в Бамбатсе; но ей рассказали, что она и отец ее были перенесены туда на носилках, наскоро сделанных из кожаных щитов. Когда к ней вер-

нулось сознание, она увидела себя в своей палатке у входа в подземелье, за третьей стеной храма-цитадели. Ноги ее ныли, и кости болели; это ощущение физического недомогания живо воскресило в ее памяти все недавно пережитые ужасы.

Она все еще видела своих зверских преследователей матабеле; ей еще слышались их грубые голоса и ответный треск выстрелов; она различала среди оглушительного шума перестрелки и в наступающей темноте мягкий, иностранный акцент Майера, в котором, несмотря на слова приветствия, слышалась насмешка. После этого была полоса забвения, за которой в памяти снова вырисовывалось воспоминание: ей помогают взобраться на холм, солнце ярко светит позади; дальше она карабкается по крутым ступеням на стену с веревкой, обвязанной вокруг ее стана. А дальше опять забвение.

Полог ее палатки был откинут: услышав шаги, она отодвинулась на своем ложе и закрыла глаза из боязни увидеть лицо Якоба Майера. Почувствовав или узнав, может быть по походке, что это не он, она чуть приоткрыла глаза, глядя через завесу своих длинных ресниц. И вправду, это был не Якоб Майер и не ее отец, а старый Молимо, который остановился около нее с тыквой, полной козьего молока, в руке.

Она села в кровати и улыбнулась ему. Бенита очень полюбила этого древнего старика, который был так непохож на всех, кого она знала до сих пор.

— Привет тебе, госпожа, — сказал он кротким голосом, улыбаясь ей в ответ только губами и своими мечтательными глазами; лицо же его под тысячью мелких морщинок, казалось, неспособно было двигаться. — Я принес тебе молока. Выпей, оно свежее, ты проголодалась.

Бенита взяла тыкву и выпила все до капли; ей показалось, что она в жизни ничего вкуснее не пила.

— Так-так, — пробормотал Молимо, — теперь ты скоро опять встанешь на ноги.

— Да, я опять буду здорова, — сказала она, — но что же с моим отцом?

— Не бойся; он еще болен, но скоро тоже выздоровеет. Ты скоро его увидишь.

— Я выпила все молоко, — перебила она, — а для него ничего не оставила.

— Есть молока вдоволь, — ответил он, махнув своей тощей рукой. — У меня две посуды, по одной для

каждого. У нас немного коз там, внизу, но мы лучшее молоко оставляем для вас.

— Расскажи мне, что с нами произошло, отец. — Старый жрец, которому нравилось, когда Бенита так его называла, опять улыбнулся одними глазами, затем уселся в углу палатки и заговорил:

— Вы ушли; ты помнишь, что ты ни за что не хотела остаться, хотя я тебе предсказывал, что вы вернетесь. Ты отказалась последовать моему мудрому совету и ушла, потом я узнал, что с вами случилось и как вы спаслись от воинов матабеле. В ту ночь после захода солнца, когда вы не вернулись, пришел Черный — да, я разумею Майера, мы так его прозвали за его черную бороду... и также за его черное сердце, — прибавил он с ударением. — Он прибежал сверху к нам и спросил, где вы, и я дал ему письмо.

Когда он его прочел, то сделался как помешанный. Он бранился на своем языке; он бросался на землю; он схватил ружье и хотел застрелить меня, но я сидел спокойно, пока он овладел собою. Потом он спросил меня, почему я его обманул, а я ему ответил, что я его не обманывал, но не имел права удерживать в плену тебя и твоего отца против вашей воли; я ему сказал, что вы убежали от него и неудивительно, если он так бесновался перед вами, как передо мною. Я предупредил его как лекарь, что если он не возьмет себя в руки, то кончит сумасшествием, так как я уже теперь замечая признаки безумия в его глазах; после этого он успокоился, потому что мои слова его испугали. Он спросил меня, что следует предпринять, и я ответил ему, что в ту же ночь еще рано что-нибудь предпринимать, так как вы должны быть далеко и было бы бесполезно гнаться за вами; но что лучше будет выйти к вам навстречу, когда вы будете возвращаться. Он спросил меня, что я хочу этим сказать, а я ему ответил, что я думаю то самое, что сказал, то есть что вы вернетесь, убегая поспешно от большой опасности, — хотя вы мне не хотели верить, когда я вам это предсказывал.

Я выслал своих лазутчиков, но прошла ночь, потом прошел еще день и еще одна ночь, а мы все сидели и ждали. Черный хотел отправиться один искать вас. Но на второе утро, на рассвете, пришел вестник, который сообщил, что узнал от своих товарищей, прятавшихся по вершушкам холмов и в других местах на много миль вокруг, что воины матабеле разорили и другое поселение макаланга вниз по Замбези и что они идут к нам, чтобы

подвергнуть нас такой же участи. После полудня вернулся второй лазутчик и сообщил, что вы оба были окружены воинами матабеле, но что вам удалось прорваться. Так мы узнали, что вы убегаете обратной дорогой, спасаясь от смертельной опасности. Тогда я взял пятьдесят лучших из наших людей, поставил во главе их моего сына, Тамаса, и послал их в засаду около прохода, потому что на открытый бой с матабеле мы, невоинственные люди, не можем решиться.

Черный пошел вместе с ними, и когда он увидел, в каком вы отчаянном положении, то хотел бежать к вам навстречу, чтобы сразиться с воинами матабеле, ибо он храбрый человек. Но я сказал Тамасу: не делай этого, не вступай с ними в открытый бой, потому что они всех вас перебьют. Кроме того, госпожа, я был уверен, что вы достигнете перевала. Как видишь, я был прав, вы добрались до прохода, хотя были на волоске от смерти; дети стреляли из новых ружей; место было такое узкое, что они стреляли без промаха и убили многих из этих хищных зверей. Но убивать матабеле то же, что гнать мух с падали: чем больше их убиваешь, тем больше приходит новых. Все-таки это принесло пользу, ты и твой отец вернулись целыми и невредимыми, а из наших никто не был убит.

— Где теперь матабеле? — спросила Бенита.

— За нашими стенами их целый отряд, тысячи три, а может быть, и больше; их ведет вождь Мадуна, родственник их царя; ты спасла ему жизнь, а он в благодарность гнался за вами, как за дичью.

— Может быть, он не знал, кто мы такие, — выразила Бенита свое предположение.

— Может быть, — сказал Молимо, потирая свой подбородок, — даже матабеле обычно держат свое слово твердо, а ты помнишь, что он тебе обещал жизнь за жизнь. Как бы то ни было, они теперь ходят вокруг стен, рыча от злости, как львы; вот почему мы отнесли вас на вершину холма, где вы будете в полной безопасности.

— А вы, отец? В безопасности ли вы?

— Я думаю, что так, — ответил он с коротким смехом. — Кто бы ни строил эти стены, но они выстроены на славу; а входы мы загромождали камнями. Из наших никто им не попался, все теперь сидят внутри, вместе с овцами и козами. Недавно мы переправили большинство женщин и детей в лодках на другой берег Замбези

и спрятали их в укромном месте; там их амандабеле не найдут, потому что они не отваживаются плавать по реке. Для тех, кто остался в крепости, у нас есть продовольствие на три месяца, а до того еще пойдут дожди, которые заставят матабеле уйти прочь.

— Отчего же вы все не уйдете за реку, отец?

— По двум причинам, госпожа. Во-первых, как только мы покинем свою крепость, которой всегда владели, Лобенгула захватит ее и будет держать в своих руках, и мы лишены будем возможности вернуться в наше жилище; это будет позор и навлечет на наши головы мщение духов наших предков. Во-вторых, раз вы вернулись к нам, мы должны остаться с вами, чтобы вас защищать.

— Ты очень добр, отец,— пробормотала Бенита.

— Нет, почему, ведь мы вас сюда призвали и обязаны заботиться о вас. Вам еще придется немало потерпеть; да, я думаю, что вас ждут еще всякие беды, но говорю тебе снова: не бойся ничего — из этого злого корня вырастет цветок счастья.

Он поднялся, чтобы уйти.

— Стой. Скажи, нашел Майер свое золото?

— Нет еще, не нашел ничего; но он рыщет и рыщет, как голодный шакал за костью. Но эта кость не для него, она для тебя, госпожа, для тебя одной. Я знаю, что ты золота не ищешь, но ты найдешь его. Но только вперед не уходи за стены, если тебе станет невмочь. Слушай старого Молимо из Бамбатсе! — Сказав это, он, пятясь, вышел из палатки, то и дело останавливаясь, чтобы поклониться Бените.

Спустя несколько минут вошел ее отец; вид у него был осунувшийся и грустный; он шел, опираясь на палку. Свидание отца с дочерью переполнило обоих счастьем; они долго сидели, обнявшись, радостные, что друг друга застали в живых.

— Видишь, Бенита, мы не можем отсюда уйти,— сказал мистер Клиффорд.— Мы во что бы то ни стало должны найти золото.

— Будь оно проклято! — ответила она с раздражением.— Я даже слова этого слышать не могу. Как можно думать о золоте, когда нас окружают тысячи матабеле, жаждущих нас убить?

— Почему-то теперь они меня больше не пугают,— ответил ее отец.— У них был случай, и они пропустили его. Макаланга клянутся, что с ружьями в руках они

врагов близко не подпустят, а взять крепость штурмом невозможно. Но я боюсь другого.

— Кого?

— Якоба Майера. Я за ним наблюдал несколько раз, и мне кажется, что он близок к помешательству.

— То же самое говорит Молимо. Но почему это тебе кажется?

— У него глаза стали особенные. Он часто сидит, что-то бормочет, его черные глаза горят; по временам он издает стоны, или он вдруг раздражается смехом. Но это только тогда, когда на него находит стих, вообще же он ведет себя по-старому. Впрочем, встань, если можешь, пойди посмотри сама.

— Я не хочу, — ответила Бенита слабым голосом. — Отец, я боюсь его теперь больше прежнего. Отчего вы меня не оставили там внизу, среди макаланга, вместо того чтобы внести сюда наверх, где мы вынуждены жить с этим ужасным человеком?

— Я тоже хотел там остаться, но Молимо сказал, что мы будем в большей безопасности наверху, и приказал своим людям доставить тебя сюда. А Якоб Майер мне пригрозил, что, если ты не вернешься сюда, он меня убьет. Теперь ты понимаешь, почему я считаю его помешанным?

— Но почему, почему он помешался? — спросила Бенита, задыхаясь.

— Кто его знает, — ответил он со стоном. — Я думаю, что он разуверился, что найдет когда-нибудь клад без твоей помощи; он слышал от Молимо, что сокровища предназначены для тебя одной, и он уверен, что старик обладает вторым зрением или чем-то в этом роде. Главное, я убедился, что он замышлял меня убить, и я решил лучше уступить, чем оставлять тебя здесь одну с ним, да еще больную. Правда, есть еще одно средство...

Она взглянула на него и спросила:

— Какое средство?

— Убить его прежде, чем он убьет меня, — ответил он шепотом. — Ради тебя, дорогая. Но у меня не хватает духу сделать это.

— Нет, — сказала она, содрогаясь, — нет, только не это. Лучше мы умрем, чем запятнаем свои руки кровью. Я попробую встать и постараюсь не высказывать страха. Я думаю, что так будет лучше, а там, может быть, представится случай убежать как-нибудь. Тем временем постараемся развлечь его и попросим показать нам, в ка-

ком положении дело с поисками этого ужасного клада. Бенита встала и убедилась, что, если не считать некоторой ноющей боли в суставах, она совершенно здорова; она нашла все кругом в порядке и принялась с помощью отца за приготовление ужина, что делала и прежде. Майера, который, по-видимому, приготовил все необходимое, нигде не было видно.

К вечеру, как она этого ожидала, он вернулся. Хотя его шагов не было слышно (Бенита стояла к нему спиной), она тем не менее почувствовала его присутствие; ощущение это передалось ей, как если бы на нее упала холодная тень. Повернувшись, она увидела его. Он стоял близко к ней, но повыше, на большой гранитной глыбе; он взобрался туда, не производя шума, благодаря своим башмакам из мягкой кожи, в которых Майер ходил неслышно, как кошка. Последние лучи заходящего солнца освещали его в упор; его стройная, ловкая фигура четко вырисовывалась на фоне неба, а лицо, пылавшее красным светом заката, имело в себе что-то страшное. Он был похож на пантеру, готовую к прыжку, и Бенита знала, что она была жертвой, которую он выбрал. Однако, помня принятое решение, она решила не выказывать страха и обратилась к нему со словами:

— Добрый вечер, мистер Майер. У меня так ноют кости, что я не могу поднять к вам голову,— и она засмеялась.

Он легко, как пантера, соскочил с камня и остановился перед нею.

— Вы должны благодарить провидение, что сохранили целостность костей и жизни вообще,— сказал он.— Вас могли лишить и того, и другого дикари.

— Это верно, мистер Майер, но и вас я тоже благодарю, вы выказали большое благородство, придя нам на помощь. Отец,— позвала она Клиффорда,— ты ведь сказал мистеру Майеру, что мы многим ему обязаны?

Клиффорд вышел, слабо передвигаясь из своей хижины под деревом, и сказал:

— Я ему уже говорил об этом, детка.

— К чему повторять сказанное? Я вижу, кстати, что ужин готов. Сядем за стол, вы, должно быть, проголодались. После еды я хочу с вами поделиться кое-чем.

Они принялись за еду, но ни у кого из них не было аппетита. Майер едва прикоснулся к своей пище, зато он выпил изрядно сперва крепкого черного кофе, затем водки, под конец воды. Бените он все время пододвигал

лучшие куски, поглядывал на нее и повторял, что она должна усиленно питаться, чтобы сохранить свою красоту и поддержать силы. Бените припомнились детские сказки, в которых рассказывается, как людоед откармливал свою племянницу, чтобы ее съесть потом.

— Вы бы лучше позаботились о самом себе, мистер Майер, — сказала она, — ведь вы не можете жить одним кофе и водкой.

— Сегодня мне ничего больше не хочется. Я себя превосходно чувствую с тех пор, как вы вернулись. Я не помню, чтобы я когда-нибудь себя чувствовал таким здоровым и сильным. Я могу работать за троих без всякой усталости; все послеполуденное время, например, я перетаскивал сюда на стену продовольствие и другие вещи, так как мы должны приготовиться к продолжительной осаде; я даже не ожидал, что один смогу втащить тяжелый ящик. Вот когда вас здесь не было, я чувствовал себя слабым.

Бенита переменяла разговор, спросив его, не сделал ли он каких-нибудь открытий.

— До сих пор никаких, но теперь, с вашим возвращением, все переменится. О, не бойтесь, мой план не может быть ошибочным. До сих пор я работал один в подземелье и совсем почти не выходил наружу, пока вас здесь не было; единственный раз я отсюда выбрался, чтобы пойти к вам навстречу и подстрелить нескольких матабеле. Вы знаете, я своей рукой убил семерых из них. Когда я стреляю ради вас, я не даю промаха, — сказал он, глядя на нее с улыбкой.

Бенита заметно отшатнулась от него, а Клиффорд сказал спокойно:

— Не говорите об этих ужасах моей дочери. Довольно того, что приходится делать эти вещи, а хвастать этим нечего.

— Вы правы, — ответил он в задумчивости, — и прошу меня извинить, хотя, по правде говоря, ничто не доставляет мне такого удовольствия, как подстрелить несколько штук этих дикарей. Ну что же, они было ушли, а теперь вот их опять под стенами не сочтешь. Слышите, как они поют свою вечернюю песню? — И своим длинным пальцем он стал отбивать такт к ревающим звукам свирепой воинственной песни матабеле, доносившейся к ним с равнины.

— Не правда ли, похоже как две капли воды на религиозное песнопение? Вот только слова — впрочем, я воз-

держусь от их перевода, — они относятся к нам и носят чересчур личный характер. Вот о чем я хотел с вами переговорить. С вашей стороны было слишком нелюбезно убежать и оставить меня одного, даже неблагородно. По правде сказать, Клиффорд, — прибавил он с внезапной вспышкой свирепого гнева, — что касается вас лично, то в первый момент, когда я вас увидел, я хотел вас застрелить. Изменников следует расстреливать, не правда ли?

— Я попрошу вас не говорить с моим отцом таким тоном, — перебила его Бенита резким голосом; гнев на минуту преодолел ее страх. — Впрочем, ваши упреки заслужила я одна.

— Мне доставляет удовольствие повиноваться вам, — ответил он с поклоном. — Я больше не буду касаться этой темы. Но и упрекать вас Якоб Майер не может. Я очень хорошо понимаю, что дамам должно быть здесь очень скучно, поэтому им следует позволить маленькое развлечение. Главное, что вы вернулись назад, — так о чем же толковать? Но вот что: я пришел к убеждению, что в ваших собственных интересах не покидать больше этого места, пока мы все вместе не найдем нужным уйти. Я позаботился об этом после того, как закончил переноску продовольствия наверх. Когда вы завтра утром выйдете на стену, то удостоверитесь, что никто не сможет взойти на нашу стену, а также, что гораздо важнее, и сойти с нее. Впредь, чтобы быть вполне уверенным, я всегда буду ложиться спать у самой лестницы.

Бенита, пораженная, переглянулась со своим отцом. — Но как будет всходить сюда Молимо? Ведь он имеет право посещать свое святилище? — сказала она.

— Что ж, ему придется некоторое время совершать свое богослужение где-нибудь внизу. Этот старый дурак воображает, что ему все известно, но он и понятия не имеет о том, что я придумал. Впрочем, какое ему дело до наших частных интересов, не так ли? Он может увидеть золото, когда мы его найдем, и потом нас ограбить.

ГЛАВА XVII

Первый опыт

Бенита опять переглянулась с отцом; в их взорах читалось отчаяние. Они находились в ловушке, помощь ниоткуда не могла прийти; они были во власти человека,

наполовину помешанного. Клиффорд ничего не сказал. Он был стар и слабел с каждым днем; в последние годы, совершенно незаметно для него самого, Майер подчинил его своей воле, но никогда до того Клиффорд не был так бессилен против него, как в этот час горя и безнадёжности. Майер откровенно грозился убить его, и он не столько боялся за себя, сколько за свою дочь. Если бы ему пришлось теперь умереть, то что сделалось бы с нею, беззащитной против Якоба Майера? Сознание его собственного безрассудства, пришедшее слишком поздно, наполняло его стыдом. Как мог он быть так подл, чтобы вовлечь молодую девушку в такое опасное предприятие, да еще в обществе беззастенчивого человека, о прошлом которого он знал только подозрительные и неопрятные вещи? В жадной погоне за богатством он совершил тяжкое преступление, и сознание вины лежало камнем на его душе; он не знал, что сказать.

Несколько времени и Бенита сидела молча; надежда умерла в ее душе. Но она была женщиной с характером, и постепенно мужество возвратилось к ней. Негодование наполнило ее сердце, и темные глаза засверкали. Она круто повернулась к Якобу, который сидел, куря трубку и любуясь их смущением.

— Как вы смеете? — спросила она тихим, взволнованным голосом. — Как вы смеете, негодяй?

Он вздрогнул от ее оскорбительных слов; потом, казалось, овладел собою, как человек, готовый выдержать большую борьбу, от исхода которой зависело все.

— Не сердитесь на меня, — ответил он. — Мне это больно перенести, вы не знаете, как это больно. Хорошо, я признаюсь вам, признаюсь в присутствии вашего отца, так будет честнее. Да, я осмелился — но ради вас самой.

— Для меня? Какое это мне может принести добро — быть обреченной сидеть здесь вместе с вами? Я бы скорее доверилась туземцам макаланга и даже, — прибавила она с горькой насмешкой, — даже этим кровожадным матабеле.

— По крайней мере совсем недавно вы от них очень быстро утекали, мисс Клиффорд. Но вы меня не так поняли. Когда я говорил, что делаю это ради вас, то на самом деле думал о себе. Послушайте. Вы уже раз пытались меня покинуть, но это вам не удалось. В другой раз вам это удастся, и тогда — что же тогда будет со мною?

— Не знаю, мистер Майер, — и ее глаза прибавили, — да это мне и безразлично.

— Ах, не знаете — так я знаю. В этот раз я чуть было с ума не сошел; в следующий совсем помешаюсь.

— Итак, вы уверены, что только при моем посредстве вы сможете найти клад, о котором думаете во сне и наяву, мистер Майер?

— Да, — перебил он ее быстро. — Я убежден, что только при вашем посредстве я смогу найти клад, о котором думаю во сне и наяву, и клад этот стал мне необходим, как жизнь.

Бенита быстро повернулась к отцу, слушавшему с изумлением эти загадочные слова; но, прежде чем они собрались ответить, Якоб, стиснув свою голову руками, сказал:

— О чем, бишь, я говорил? Да, клад, золото, несметные богатства, которые так глубоко спрятаны, которыми так трудно овладеть; бесполезное, никому не нужное богатство, которое могло бы нам обоим принести столько радости и славы; только бы удалось его открыть, все до последней монеты, — его хватило бы, чтобы наполнить долгие, долгие годы жизни.

Он помолчал, затем заговорил снова:

— Да, мисс Клиффорд, вы вполне правы; вот почему я осмелился сделать вас своей пленницей: старый Молимо сказал, что сокровища принадлежат вам, и я хочу разделить их с вами. Но ведь этих сокровищ найти нельзя, не правда ли, хотя я и работал не покладая рук? — И он посмотрел на свои тонкие, огрубевшие от работы руки.

— Совершенно верно, мистер Майер, клада найти нет возможности, поэтому позвольте нам пойти вниз к макаланга.

— Но ведь есть способ, мисс Клиффорд, верный способ. Вы знаете, где зарыт клад, и вы можете показать мне место.

— Если бы я знала, я бы вам давно это место показала, мистер Майер; я была бы рада уступить вам весь этот сор и развязаться с вами, наконец.

— Я бы взял только при условии поделиться с вами вплоть до последней копейки. Но прежде всего вы должны мне показать место, как сами сказали, — вы знаете это и можете.

— Каким образом, мистер Майер? Я не чародейка!

— Напротив, вы чародейка. Я ловлю вас на слове и хочу вам рассказать, каким образом. Слушайте меня оба. Я многому учился. Мне известно много таинствен-

ных вещей, и я прочел в вашем лице, что вы обладаете даром ясновидения. Дайте мне только взглянуть в ваши глаза, мисс Клиффорд, и вы уснете тихо-тихо, а во сне, который не принесет вам никакого вреда, вы увидите, где спрятан клад, и потом мне расскажете.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Бенита с изумлением.

— Я знаю, что он думает, — перебил резко Клиффорд. — Вы хотите ее загипнотизировать, как сделали это со старым вождем зулусов.

Бенита открыла рот, чтобы ответить, но Майер встал быстро:

— Нет-нет, выслушайте меня, прежде чем отказываться. У вас дар, бесценный дар ясновидения, какой редко встречается.

— Откуда вы это знаете, мистер Майер? Меня никогда в жизни не гипнотизировали.

— Неважно — откуда, но я знаю точно; я в этом убедился еще тогда, когда в первый раз встретил вас, в ту ночь, около ущелья. Хотя вы сами, может быть, ничего тогда не ощутили, но это ваша мысль, созвучная с моею, привела меня туда как раз вовремя, чтобы спасти вас; этот же дар ясновидения предупредил вас о готовящемся кораблекрушении. — о, я слышал эту историю из ваших собственных уст. Вы можете видеть прошедшее и будущее; вы можете обнаруживать потайные вещи.

— Я этому не верю, — ответила Бенита, — во всяком случае не в вашей власти заставить меня сделать это.

— В моей, в моей! — закричал он со страстью. — О, я давно это предвидел, оттого-то я и настаивал на том, чтобы вы с нами отправились сюда; я знал, что если все средства отыскать клад окажутся безуспешными, то мы сможем под конец прибегнуть к вашему дару ясновидения. Итак, все мои попытки найти золото обычным путем потерпели неудачу, я все испытал, я ждал терпеливо, но все напрасно; остается испробовать последний путь. Неужели вы будете так себялюбивы, так жестоки, чтобы отказать мне в этом? Ведь это вам ничуть не повредит, как самый обыкновенный сон. Довольно какого-нибудь часа, чтобы обогатить всех нас.

— Да, — ответила Бенита, — я отказываюсь подчинить свою душу чужой воле, чьей бы то ни было, и меньше всего вашей воле, мистер Майер.

Он повернулся к ее отцу с жестом отчаяния.

— Быть может, вы убедите ее, Клиффорд? Она вам дочь, она послушается вас.

— Только не в этом,— сказала Бенита.

— Нет,— ответил Клиффорд,— я не могу, и даже если бы мог, то не сделал бы этого. Моя дочь совершенно права. Кроме того, я терпеть не могу всей сверхъестественной чепухи. Если мы другим способом не сумеем найти золото, то уйдем без него.

Майер на секунду отвернулся, чтобы скрыть выражение своего лица, затем опять посмотрел на них и сказал, сохраняя наружное спокойствие:

— Мне придется подчиниться обстоятельствам, но вы сейчас сказали, что ничьей воле не желаете подчинить свою душу. Не сделаете ли вы, мисс Клиффорд, исключения для вашего отца?

Бенита утвердительно кивнула головой.

— Тогда, может быть, вы позволите ему загипнотизировать вас?

Бенита засмеялась.

— Отчего же, если ему это доставит удовольствие. Но я не думаю, чтобы ему это удалось.

— Хорошо, попробуем завтра утром. А теперь я устал. Пойду спать на свое новое место под стеною,— прибавил он многозначительно.

— Отчего ты так упорно отказываешься от этого эксперимента? — спросил ее отец, когда Майер удалился.

— Отец,— ответила она,— как это вы не видите, не понимаете? Хоть мне и тяжело вам объяснить, но я вынуждена это сделать. Вначале мистер Майер думал только о золоте, теперь же ему этого недостаточно, теперь я ему нужна, понимаете ли вы? Я его ненавижу! И вот истинная причина моего бегства. Я немало прочла книг о гипнотизме и наблюдала его действие во время опытов. Кто знает? Может быть, ему удастся овладеть моей волей, и я сделаюсь его рабой, хотя и ненавижу его от всей души.

— Теперь мне все понятно,— сказал мистер Клиффорд.— Зачем, зачем я тебя сюда привел? Лучше бы мне никогда не видеть тебя, чем довести до этого.

На следующий день опыт был проделан: Клиффорд сделал попытку загипнотизировать свою дочь. В продолжение всего утра Якоб Майер, который, как оказалося, обладал большими практическими знаниями в этой таинственной области, пытался ознакомить его со всеми приемами. Во время урока он, между прочим, сообщил

ему, что занимался и обладал следствием вредно и когда до

— М ответил Я однажды дозревал я этого ибо ее в

Мист

— Н

загипнот

Якоб

— Пр

он.— Кан

дома? Ве

— Я

форд сум

После

спустили

обстанов

которую

каменном

на алтар

Прот

ливая ру

заниям Я

видом, с

стоило б

единстве

ими грим

серьезны

чтобы по

что отец

и что Як

лым выр

не видит

Вско

какое-то

роннее в

метно

ему, что в прошлом, в течение некоторого времени, он занимался гипнотизированием как профессией, так как обладал большим природным дарованием, но что впоследствии оставил это дело, потому что оно отражалось вредно на его здоровье. Клиффорд заметил, что он никогда до того ему об этом не рассказывал.

— Мало ли чего я вам не рассказывал о себе, — ответил Якоб с таинственной усмешкой. — Я, например, однажды и вас загипнотизировал, хотя вы этого не подозревали, и вот почему вы всегда поступаете так, как я этого хочу, только не в присутствии вашей дочери, ибо ее влияние сильнее моего.

Мистер Клиффорд с изумлением на него посмотрел.

— Неудивительно, что Бенита отказывается быть загипнотизированной вами, — сказал он коротко.

Якоб увидел свою ошибку.

— Право, вы глупее, чем я предполагал, — сказал он. — Как я мог загипнотизировать вас без вашего ведома? Ведь я пошутил, а вы поверили.

— Я не вижу, чтобы вы шутили, — возразил Клиффорд сумрачно. Они продолжали урок.

После полудня они приступили к опыту, для чего спустились в подземелье, где, как казалось Майеру, обстановка должна была быть располагающей. Бенита, которую забавляли приготовления к сеансу, уселась на каменном подножии креста; одна лампа была поставлена на алтаре и две другие по обе стороны ее.

Против нее стал ее отец, глядя на нее в упор и выделяя руками таинственные жесты, согласно указаниям Якоба. Он был так комичен со своим серьезным видом, с которым все это проделывал, что Бените стоило больших усилий, чтобы не расхохотаться. Это был единственный эффект, который ему удалось вызвать своими гримасами и жестами, хотя наружно она сохраняла серьезный вид и даже по временам закрывала глаза, чтобы подбодрить его. Открыв их как-то, она увидела, что отец ее обнаруживает признаки сильного утомления и что Якоб смотрит на нее с каким-то пристально тяжелым выражением; она поспешила закрыть глаза, чтобы не видеть его лица.

Вскоре после этого Бенита вдруг почувствовала какое-то странное ощущение, как будто что-то постороннее вторгалось в ее существо; это нечто мягко и незаметно проникало в ее мозг, словно звук колыбельной песни, слышанной давно в годы детства. Она почувство-

вала себя так, как будто бы находилась одинокой странницей среди пустынного альпийского пейзажа, окруженная со всех сторон снегами; густой, мягкий снег падал большими хлопьями, мириадами хлопьев, и в каждом из них в середине горело маленькое сердце. Потом в ее мозгу вдруг промелькнуло, что этот сон, сходявший на нее снежными хлопьями, почему-то опасен, почему-то грозит сделаться ее последним сном, и что она должна совершить огромное усилие, чтобы стряхнуть его с себя, иначе умрет.

Бенита сделала это усилие — и как раз вовремя, ибо она теперь почувствовала, что несется по воздуху на крыльях лебедей над бездонной пропастью, в глубине которой царил темнота, а в темноте этой мерещились какие-то неопределенные фигуры, державшие в руке свои сердца в виде светильников. О, как отяжелели ее веки; какой-то груз лежал на них, тяжелый, как золото. Еще, еще одно усилие, и она откроет глаза; открыла и увидела: отец ее, перестав жестикулировать, сидел и отирал пот со лба красным носовым платком; за ним же с неподвижно протянутыми вперед руками, впившись своим горящим взором в ее лицо, стоял Якоб Майер. Сделав усилие над собою, она поднялась на ноги и встряхнулась.

— Полно, хватит этих глупостей, — сказала она. — Это меня утомило. Схватив одну из ламп, она поспешно сошла вниз.

Бенита ожидала, что Якоб Майер рассердится на нее не на шутку, и приготовилась выдержать бой. Но ничего такого не произошло. Через минуту ее отец с Майером, разговаривая самым мирным образом, подошли к ней.

— Мистер Майер находит, что я совсем не гипнотизер, — сказал ее отец, — и я охотно с ним соглашаюсь. Но при всем том это весьма нелегкое дело. Я так устал, как после бегства от матабеле.

Она рассмеялась и ответила:

— Если судить по результатам, то я соглашусь с вами. Оккультизм вам не подходит, дорогой отец, это вам не по плечу.

— Разве вы ничего не чувствовали? — спросил Майер.

— Ровно ничего, — ответила она, смотря ему прямо в глаза. — Нет, это не совсем так, мне было очень грустно и стыдно смотреть, как мой отец дурачится. Седые волосы плохо вяжутся с такими глупостями.

— Вы верно говорите, — ответил он, — это ему не к лицу.

Их разговор на эту тему прекратился.

В течение следующих дней Бенита, к большому своему облегчению, больше не слышала разговоров о гипнозе. Прежде всего их мысли были отвлечены от этого другими заботами. Матабеле, которым надоело рыскать вокруг стен и распевать свои однообразные военные песни, решились наконец атаковать крепость. Со своей возвышенной точки на стене осажденные могли с удобством наблюдать приготовления дикарей. Они срубили большие деревья и таскали их издалека, чтобы мастерить из них грубые лестницы; лазутчики были посланы для обследования стен крепости с целью обнаружить более слабые места. Когда они подошли слишком близко, туземцы макаланга начали стрелять в них и убили некоторых; тогда матабеле отступили несколько от стен и расположились лагерем за маленькой неровностью почвы. Тут вдруг Майер открыл, что, хотя матабеле и находились за пределами досягаемости для пуль туземцев, но они вполне были доступны обстрелу с высоты, на которой он сам находился; он нашел неожиданное развлечение в том, чтобы не давать им покоя. У него было дальнобойное ружье Мартини с большим запасом патронов, притом он был превосходным стрелком, со зрением острым, как у ястреба.

После некоторых пробных выстрелов он пристрелялся, определив расстояние в семьсот ярдов приблизительно; тогда он начал бить наверняка. Лежа на верху стены и приладив ружье на камне, он выжидал, пока тот, кто руководил построшкой лестниц, не высунулся: прицелившись старательно, Майер выстрелил. Воин, седобородый дикарь, подскочил вверх и шлепнулся навзничь, в то время как его товарищи с удивлением смотрели вверх, ища, откуда прилетела пуля.

— Ловко, не правда ли? — сказал Майер Бените, смотревшей в бинокль.

— Бесподобно, — ответила она. — Но мне не хочется больше смотреть.

Передав бинокль своему отцу, она сошла со стены.

Но Майер остался на своем месте, и Бенита временно слышала выстрелы из его ружья. Вечером он ей рассказал, что убил шестерых да ранил еще десять человек, прибавив, что в жизни своей у него еще не было такой удачной стрельбы.

— Какая польза убивать, когда их там много? — спросила она.

— Польза небольшая, — ответил Майер, — но это их беспокоит, а меня развлекает. Кроме того, ведь одним из условий наших с макаланга было, что мы будем им помогать, когда они подвергнутся нападению.

— Мне кажется, что вы просто любите убивать, — сказала Бенита.

— Что же тут худого, мисс Клиффорд, ведь они вас хотели убить?

ГЛАВА XVIII

Другая Бенита

По временам, когда он ничем другим не был занят, Якоб Майер принимался за свою стрельбу в живую цель; в этом спорте с ним состязался Клиффорд, хотя с меньшим успехом. Вскоре выяснилось, что матабеле не на шутку были обеспокоены точностью этого огня. Вообще смерти они не боялись, как неизбежности, но совсем иначе себя чувствовали, когда начали сознавать, что нет уверенности в том, что в следующую минуту не окажешься жертвой неизвестно откуда упавшей пули. Им нелегко было отказаться от выбранной позиции, которую они окружили изгородью из терновника; эта изгородь должна была защищать их на случай, если бы макаланга задумали сделать ночную вылазку; кроме того, у них не было другого, лучшего места. Следствием этого положения вещей было то, что матабеле решились на штурм прежде, чем у них было достаточное количество готовых штурмовых лестниц.

На рассвете третьего дня, после того как Клиффорд сделал попытку загипнотизировать свою дочь, Бенита пробудилась от звуков выстрелов и гула голосов. Поспешно одевшись, она побежала в предутренних сумерках к той части стены, которая была над местом, откуда доносился шум. Были еще сумерки; взобравшись на стену, она нашла там своего отца и Якоба Майера, сидевших с ружьями в руках.

— Эти глупцы атакуют узкий выход, откуда вы вышли тогда из крепости, мисс Клиффорд; они выбрали наихудшее место, хотя оно и кажется на первый взгляд слабым, — сказал Якоб. — Если только у макаланга есть хоть капля мозга в голове, они должны задать им хороший урок.

Когда солнце встало, они увидели толпы матабеле с лестницами в руках, бежавших к крепости в утреннем тумане, пока не скрылись из виду за выпуклостью склона холма. По этим бегущим дикарям оба белых открыли сверху огонь, но при слабом свете утра не могли еще различить, какое было его действие. Но вот громкий крик известил их, что матабеле добежали до рва и собираются перебросить лестницы. До сих пор макаланга как будто были безучастны, но в этот момент они открыли частый огонь с обоих древних бастионов, господствовавших над входом, к которому устремились воины матабеле; вскоре через рассеивающийся туман белые увидели раненых матабеле, с трудом пробиравшихся к своему лагерю. Так как к этому времени стало много светлее, Майер не мог отказать себе в удовольствии пострелять в отступавших.

Тем временем древняя крепость продолжала выдерживать все новые штурмы дикарей. Очевидно было, что разъярившиеся матабеле не скоро прекратят свои атаки, но каждый раз им приходилось откатываться под градом пуль осажденных. Однажды даже раздался торжествующий рев нападающих; в то же время ружейные выстрелы поредели. Бенита побледнела от страха.

— Эти подлые трусы макаланга дрогнули, — пробормотал Клифффорд в ужасной тревоге.

Но, по-видимому, осажденные вернули себе мужество, потому что вслед за тем ружья затрещали громче и чаще прежнего, и крики нападавших: «Бей, бей, бей!» — стали замирать в отдалении. Через пять минут матабеле были в беспорядочном отступлении, унося с собою много убитых и раненых товарищей на спине или на лестницах.

— Наши друзья макаланга могут нам быть благодарны за эту сотню ружей, — сказал Якоб, быстро заряжая и разряжая свое ружье и посылая пули туда, где толпа была погуще. — Если бы не ружья, то их глотки давно бы были перерезаны, — прибавил он, — ни за что бы им не удалось остановить напор этих дикарей копьями.

— Да и нам бы плохо пришлось, — сказала Бенита, вздрагивая от мысли, чем бы могло кончиться это нападение кровожадных матабеле в случае удаи.

— Наконец-то кончилось! Может быть, они больше не возобновят попытку и уйдут восвояси?

Несмотря, однако, на то, что они потеряли более сотни людей, матабеле не выказывали никакого намерения уйти, очевидно боясь вернуться в Булувайо побитыми.

Единственное, что они сделали, это расчистили от тростников и кустов место поближе к реке, поместившись там лагерем так, чтобы пули белых не могли их достать. Здесь они расположились, надеясь взять осажденных измором или каким-нибудь другим способом.

Так как жестокое развлечение Майера пришло к концу за неимением живой цели, он мог опять обратить все свое внимание на прежнюю задачу, а именно: поиски клада.

Потерпев неудачу внутри подземелья, он отдался весь расследованию участка земли внутри стен. Читатель припомнит, что место это заросло травой и деревьями и все было усыпано развалинами строений. Они начали рыть в самых приметных из этих развалин без какого-нибудь определенного плана и были вознаграждены за свои труды некоторым количеством найденных там золотых вещей в форме безделушек, кроме того, открыто было еще несколько древних скелетов. Но португальского клада не видно было и следа. С каждым днем они становились все угрюмее и угрюмее; дошло до того, что они почти не обменивались ни словом друг с другом. Якоб Майер был не в духе, его раздраженное настроение написано было на его лице. Бенита была в отчаянии, потому что не видела возможности убежать от своего тюремщика здесь наверху и от матабеле внизу. Была, впрочем, и еще другая вещь, наполнявшая ее тревогой.

Нездоровье, которое давно грозило ее отцу, теперь было неопровержимым фактом; он как-то сразу, заметно для глаз, состарился. Силы и энергия покидали его, голова болела от покаянных мыслей: он считал преступлением то, что привел свою дочь в это ужасное место; он так боялся за то, что с нею станет здесь, что не способен был думать о чем-нибудь другом. Ее старания утешить, поддержать его были напрасны. Он только ломал руки, и стонал, и просил прощения за свою ошибку. Сразу было видно, что Майер все больше забирает власть над ним. Мистер Клиффорд умолял его, чуть не со слезами на глазах, освободить выход в стене и отпустить их вниз, к макаланга. Он даже пытался подкупить его уступкой своей части клада, если бы он был найден; в противном случае он готов был отдать ему свою долю владения в Трансваале.

Но Майер его только грубо обрывал, называя глупцом, и настаивал на том, что они вместе должны довести дело до конца. Он всегда бродил один, погруженный в

раздумья
всюду бр
он опас
и не от
засады.

Одно
вглядыв
чами, п
вообще
с мысли
щения
надежны

Про
ченная
ше не
Молимо
никаки
или со
ней, он
старик,
во врем
свою р
погруж

В эт
прежде
лось на
которо
тить к
с тех п
было р
запас
ки; са
Вкус е
это не
Майер
спать,
довал
хижин
в посл
ней по
к огни
Ее
ночь
ни из
насе

раздумья; Бенита обратила внимание, что он стал повсюду брать с собою ружье или револьвер. По-видимому, он опасался, чтобы Клиффорд не напал на него врасплох и не отомстил ему за свою неволю пулей, пущенной из засады.

Одно ее утешало: хотя он часто в нее пристально вглядывался, но зато перестал преследовать ее своими речами, полными таинственного или нежного смысла, и вообще оставлял ее в покое. Постепенно она свыклась с мыслью, что он бросил свою прежнюю манеру обращения с нею, видимо убедившись, что старания его безнадежны.

Прошла неделя после нападения матабеле, не отмеченная никаким выдающимся событием. Макаланга больше не видели своих врагов, что же касается старого Молимо, то, насколько ей было известно, он не делал никаких попыток попасть в заповедное место цитадели или сообщаться с белыми; зная его привязанность к ней, она удивлялась этому и пришла к заключению, что старик, должно быть, умер или, может быть, был убит во время штурма крепости. Даже Якоб Майер оставил свою работу заступом и просиживал целые дни один, погруженный в свои думы.

В этот вечер их ужин представлял грустное зрелище, прежде всего по причине недостатка провизии, что сказалось на сокращенных порциях, затем из-за молчания, которое царило во время ужина. Бенита не могла проглотить куска пищи, ей опротивело сушеное мясо быка; с тех пор, как Майер блокировался в стенах, у них мало было разнообразия в пище. К счастью, однако, у них был запас кофе, которого она теперь выпила целых две чашки; сам Якоб Майер его приготовил и подал к столу. Вкус его показался ей очень горьким, но она приписала это недостатку сахара и молока. По окончании ужина Майер поднялся и откланялся, пробормотав, что идет спать, а через несколько минут мистер Клиффорд последовал его примеру. Она пошла провожать отца до его хижины под деревом и помогла ему снять куртку: ему в последнее время стало трудно делать это без посторонней помощи; пожелав отцу спокойной ночи, она вернулась к огню.

Ее охватило чувство одиночества — в эту безмолвную ночь ни один звук не доносился ни снизу, из крепости, ни из стана осаждающих; яркий свет луны, казалось, населял все вокруг призрачными, точно живыми тенями.

Оставшись одна, Бенита дала волю своим чувствам, всплакнула, потом отерла слезы и отправилась в свою спальню. Она чувствовала, что жизнь ее отца близится к концу, и мысль эта ее убивала. Веки ее как-то странно отяжелели, не успела она кинуться на свое ложе, как уже спала и впала в полное забытие.

Если бы она заснула тем тревожным легким сном, который был у нее в последнее время, полное всяких треволнений, то наверное услышала бы чьи-то легкие шаги, подбиравшиеся к ее палатке, она увидела бы, что лучи луны, проникавшие внутрь через неплотно прилегающую стенку, вдруг были заслонены фигурой человека с горящими глазами, который, протянув над нею руки, проделывал таинственные пассы. Но Бенита всего этого не слышала и не видела. Она даже не почувствовала, как ее тяжелый сон перешел постепенно в род беспамятства. Она не сознавала, когда поднялась с постели, когда бессознательным жестом набросила на себя плащ, зажгла свою лампу и, послушная мановению чужой руки, выскользнула из палатки. Она также не слышала, как ее отец, услышав снаружи шаги, вышел, пошатываясь, из своей палатки, не слышала слов, которыми он обменялся с Якобом Майером в то время, как она стояла тут же, словно бесплотный дух, с лампою в руке.

— Если вы только осмелитесь разбудить ее, — зашипел на него Якоб, — я вам говорю, что она умрет, а за нею отправитесь и вы на тот свет, — при этом он указал пальцем на револьвер, висевший у него за поясом. — Ей не будет никакого худа, клянусь вам в этом! Следуйте за мною и наблюдайте. Но только молчите: от этого зависит наше счастье.

Словно околдованный жутким звуком этого голоса и горящим взором, Клиффорд пошел за ним.

Они подошли к извилистому спуску в подземелье, впереди Якоб, шедший пятясь, как перед величеством, затем сама героиня в виде женщины с длинными, распущенными волосами и смертельной бледностью на лице, в плаще и с зажженной лампой в руке и под конец старый белобородый человек, подобный образу времени, провозжающего молодость к могиле. Вот они очутились в подземелье; обходя открытые могилы, отверстие колодца и жертвенник, они подошли к подножию креста.

— Садитесь, — сказал Майер, и загипнотизированная Бенита села на нижнюю ступеньку у подножия креста, поставила лампу на землю перед собою и опустила так

низко голову, что волосы закрыли ее босые ноги. Он поддержал над нею с минуту свои простертые руки и спросил:

— Вы спите?

— Я сплю,— услышался ответ, сказанный тихим, странным голосом.

— Бодрствует ли ваш дух?

— Он бодрствует.

— Прикажите ему вернуться к прошлому через все века к самому началу и расскажите мне, что вы видите.

— Я вижу пещеру в расселине скалы и диких людей, живущих в ней; среди них умирающий старик,— тут она указала рукой направо,— черная женщина с грудным младенцем на руках; человек, ее муж, входит в пещеру. Он в одной руке держит факел, а другой волочит козла.

— Довольно,— сказал Майер.— Как давно это происходило?

— Тридцать три тысячи двести один год,— последовал ответ, сказанный без малейшего колебания.

— Дальше,— сказал он,— пропустите тридцать тысяч лет и скажите, что вы теперь видите.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Отчего вы не говорите? — спросил он.

— Потерпите; я переживаю эти тридцать тысяч лет, все эти жизни, все эти поколения, ничего нельзя пропустить.

Она опять надолго замолчала и наконец заговорила:

— Вот все они прошли, и я вижу то, что было три тысячи лет тому назад, вид этого места изменился, почва расчищена; я вижу толпу идолопоклонников в странных одеяниях. За мною стоит величественный истукан богини со спокойным и жестоким лицом; перед нею на алтаре пылает огонь, вокруг алтаря жрецы в белых одеждах готовятся принести в жертву отрока, который громко кричит.

— Дальше, дальше,— заторопил ее Майер, как будто желая убежать от ужаса этой сцены.— Пропустите две тысячи семьсот лет и скажите, что видите.

Опять последовала пауза, во время которой дух, пробужденный от сна в Бените, переживал весь этот промежуток времени. Потом она ответила тихо:

— Ничего не вижу, место это темно и безлюдно, только мертвые спят под полом.

— Подождите, пока не появятся живые,— приказал он,— и тогда расскажите.

— Они здесь,— ответила она,— я вижу монахов,

один из которых работает над статуей; они приходят и уходят — их много. О ком мне рассказывать?

— Расскажите мне о португальцах, которым суждено было здесь умереть от голода.

— Я всех их вижу, — ответила она после короткой паузы, — их двести три человека. Они в лохмотьях, они изнурены дорогой и голодом. Среди них красивая девушка. Она подходит ко мне, она входит в меня. Обращайтесь к ней, я больше не я.

Мистер Клиффорд хотел вмешаться, но Майер свирепым взглядом заставил его молчать.

— Говорите, — приказал он; но съежившаяся на ступеньках фигура покачала головой.

— Говорите, — повторил он. Тогда другой голос, не Бениты, отвечал на другом языке.

— Я слышу, но я не понимаю вашего языка.

— Боже мой, — воскликнул Майер, — ведь это португальский язык! — На минуту страх сковал его члены, так как он знал, что Бенита никогда не говорила по-португальски. Зато он знал его, потому что жил когда-то в Лоренсо Маркес.

— Кто вы? — спросил он на этом же языке.

— Меня зовут Бенита да-Феррейра. Я дочь капитана Феррейра и его жены, сеньоры Кристины, которая стоит сейчас за вами. Повернитесь, и вы их увидите.

Якоб обернулся, испытывая жуткое чувство.

— Что она говорит? Я не все понимаю, — спросил Клиффорд.

Он перевел ее слова.

— Да ведь это чистое волшебство, — вскричал старик. — Ведь Бенита не знает португальского языка, как же это она говорит на нем?

— Потому что перед нами не наша Бенита, перед нами Бенита да-Феррейра. Видно, Молимо был прав, когда говорил, что в нее переселился дух умершей женщины, как перешло к ней ее имя.

— Довольно, — будет, — сказал Клиффорд, — это страшная вещь, разбудите ее, иначе я это сделаю.

— И убьете ее на месте. Стоит вам только прикоснуться к ней, и вы вызовете ее смерть. — И он указал на Бениту, которая сидела перед ними согнувшись, так неподвижно и такая бледная, словно жизнь уже от нее отлетела. — Успокойтесь, ручаюсь вам, что никакого вреда ей не будет. Обещайте мне не вмешиваться, иначе я вам ничего не скажу, и ее кровь падет на вас.

Мистер Клиффорд застонал и сказал:

— Обещаю.

— Расскажите мне свою историю, Бенита да-Феррейра. Как вы попали сюда с вашими земляками?

— Племя мономотана восстало против нашей власти. Они убили многих из наших внизу на равнине; они убили моего брата и того, с кем я была обручена. Мы, оставшиеся в живых, бежали к северу, к этой древней крепости, в надежде убежать отсюда вниз по течению Замбези. Мамбо, наш вассал, приютил нас здесь, но тысячи восставших дикарей осадили стены и сожгли все лодки, так что мы не могли убежать. Много раз мы отгоняли их от стен; ров был полон их тел, и под конец они больше не решались нас атаковать.

Тогда они стали морить нас голодом и овладели первой стеной. Мы продолжали голодать, а им удалось овладеть и второй стеной; но третья стена перед ними устояла, так как они не могли на нее взобраться. Так все мы умерли: один за другим ложились на землю в этом подземелье и умирали; осталась в живых я одна; так как я была дочерью начальника, они уступали мне свою долю пищи. Я хотела умереть с моими родными, но смерть ко мне не приходила. Ко мне пришел Мамбо со своими людьми; когда осаждающие узнали, что все наши умерли, они все ушли. Тогда вернулись те, кто прятался вокруг в чащах кустарника за рекою; они умели взбираться на третью стену и пришли ко мне. Они вытащили меня из пещеры мертвых, они накормили меня, и силы вернулись ко мне; но той же ночью я ушла тайком от них; я не хотела жить, я взобралась на верхушку конуса из черного гранита; когда взошло солнце, они меня увидели наверху. Они просили меня сойти вниз, обещали мне свое покровительство, но я только отвечала «нет»; я хотела присоединиться к моему отцу и брату и к тому, кто был мне всех дороже на свете. Они спросили меня, где спрятан большой клад.

При этих словах Якоб задрожал, потом торопливо перевел их смысл, между тем как говорившая замолкла; казалось, что сила внушения Якоба начинала ослабевать.

— Продолжайте, я вам приказываю, — сказал он, и она продолжала, роняя своим ровным, звучным голосом слово за словом; слова, незнакомые Бените, исходили из уст живой Бениты.

— Я отвечала, что клад находится там, где он был зарыт, и что он может быть доступен только одному

предназначенному; если же они допустят до него другого, то злой рок постигнет их народ, как постиг мой. Да, я поручала его их попечению до тех пор, пока я не возвращусь; мой отец, умирая, запретил мне открывать кому бы то ни было местонахождение сокровищ.

Сказав это, я закрыла глаза руками и бросилась вниз со скалы.

Голос замолк, но из уст говорившей вырвался раздирающий крик, какой мог издать лишь человек, летящий в пропасть; за этим звуком раздался другой, звук падающего в воду тела. Это было так ужасно, что Клиффорд едва устоял на ногах, и даже Якоб Майер зашатался, побледнев не меньше, чем Бенита.

— Разбудите ее, разбудите, — взмолился старик, — она умрет, как та женщина, что умерла сотни лет тому назад.

— Я ее разбужу лишь после того, как она мне скажет, где спрятано золото. Успокойтесь, глупец. Она ничего не чувствует и не страдает. Это только дух внутри нее вновь переживает прошлое.

Опять наступила тишина. Можно было подумать, что рассказ исчерпан и рассказчик ушел.

— В целости ли клад? — спросил шепотом Майер.

— Сейчас посмотрю, — затем, после паузы: — да, все цело, до последней крупички, в кожаных мешках; только один из них упал и лопнул, тот, который помечен черным и красным.

— Где это?

— Нет, я не могу вам этого сказать.

— Здесь ли тот, кому вы можете сказать?

— Да.

— Бенита да-Феррейра, здесь ли вы?

Никакого ответа.

— Бенита Клиффорд, слышите ли вы меня?

— Я слышу, — ответил голос Бениты по-английски, хотя Якоб, забыв, к кому обращается, задал вопрос на португальском языке.

— Где золото?

— Хранится у меня.

— Скажите, где оно, я вам приказываю.

Ответа не последовало; хотя он повторил вопрос несколько раз, но ответа все не было. Наконец, ее голова упала на колени, и послышался ее слабый голос:

— Отпустите меня, я умираю.

ГЛАВА XIX

Пробуждение

Но Якоб Майер еще колебался. Великая тайна оставалась закрытой, и если этот случай будет пропущен, то другой, может быть, больше не представится. Но если он еще колебался, то Клиффорд решился. Сознание опасности, в которой находилась его дочь, сознание того, что ее жизнь готова покинуть тело под гнетом ужасного волшебства, чуть не довело его до сумасшествия. Мужество, силы вернулись к нему. Он подскочил к Майеру, схватил его одной рукой за горло, другой выхватил нож, который он носил с собой.

— Дьявол! — закричал он, задыхаясь. — Разбуди ее, или ты последуешь за нею! — Он поднял нож над головой.

Тогда Якоб уступил. Стряхнув с себя старика, он подошел к Бените; в то время как ее отец стоял за ним, продолжая держать над ним нож, он начал делать над нею пассы, бормоча слова тоном приказания. Долгое время это не производило действия; они оба почти были уверены, что ее больше не удастся вернуть к жизни. Отец ее был близок к отчаянию, а Майер выбивался из сил, чтобы воздействовать на нее; обильный пот выступил на его лбу и крупными каплями стекал на пол.

Наконец, наконец она зашевелилась! Голова ее приподнялась, грудь задышала.

— Я спас ее, — пробормотал Якоб по-немецки, продолжая делать пассы.

Бенита раскрыла глаза, поднялась и с облегчением вздохнула. Она ничего не говорила; только, как сомнамбула, направилась к выходу из подземелья; перед нею шел с лампою ее отец. Она вышла наружу и пошла прямо к своей палатке, где она бросилась на кровать и погрузилась в глубокий сон. Казалось, что забвение, из которого силою воли на время вырвал ее Майер, снова овладело ее существом.

Майер смотрел на нее с минуту, затем сказал Клиффорду:

— Не бойтесь ничего и не беспокойте ее сейчас. Завтра утром она проснется натуральным образом.

— Надеюсь, что это будет так и будет лучше для нас обоих, — ответил он, — в противном случае вы или я, но один из нас другого не увидит.

Майер не обратил внимания на его угрозу; он, каза-

лос, был так обессилен, что с трудом держался на ногах.

— Я погибаю от усталости, — сказал он. — Главное, она вне опасности, а все остальное меня не беспокоит. Пойду отдохну, — и он, шатаясь, как пьяный, вышел из палатки.

Клиффорд слышал, как он, остановившись у обеденного стола, глотал спирт прямо из горлышка бутылки. Потом все затихло.

Весь остаток ночи и часть утра после восхода солнца Клиффорд сидел у кровати своей дочери; он был легко одет, и предутренний холод пробрал его насквозь. Довольно поздно, когда солнце уже высоко стояло в небе, она села в постели и открыла глаза.

— Что вы здесь делаете, отец?

— Я пришел взглянуть, что ты делаешь. Ведь ты обыкновенно в это время уже на ногах.

— Тогда я, значит, сегодня проспала, — ответила она усталым голосом. — Я не чувствую себя освеженной сном, голова у меня болит. Ах, я теперь вспоминаю, — сказала она, вздрагивая, — мне приснился такой страшный сон.

— Какой сон? — спросил он, стараясь говорить хладнокровно.

— Я не могу вспомнить все, но во сне я видела мистера Майера. — Тут она задрожала. — Мне казалось, что я вся была в его власти, он как будто овладел моей душою и телом и принуждал меня рассказывать ему все тайны.

— Какие тайны, Бенита?

Она покачала головой.

— Я сейчас не знаю, но помню, что мы находились среди мертвецов, и я ему рассказывала что-то. О отец, я так боюсь этого человека, так боюсь! Защити меня от него. — И она начала всхлипывать.

— Не бойся, дорогая детка, я заступлюсь за тебя. У тебя расстроены нервы. Встань, оденься, ты скоро забудешь этот сон. Я сейчас разведу огонь.

Четверть часа спустя Бенита подошла к нему. Она еще была бледна и взволнована, но в общем никакой перемены в ней не было видно. Она адски проголодалась и съела с жадностью галеты с сушеным мясом.

— В этот раз вкус у кофе совсем не тот, какой был вчера вечером, — сказала она. — Я думаю, что в нем было что-нибудь такое, отчего мне снились эти гадкие сны.

Где мистер Майер? Ах, да, я знаю, — прибавила она, поднося снова руку к голове. — Он еще спит там, под стеной.

— Кто тебе это сказал?

— Не сумею сказать, но знаю. Он здесь не будет до часу дня. Теперь я чувствую себя много лучше прежнего. Что мы будем делать, отец?

— Лучше всего, думаю, сесть на солнышке и отдохнуть, дорогая моя.

— Тогда пойдем на стену, сядем там. Оттуда я увижу туземцев макаланга, и мне будет утешением сознавать, что кроме нас, несчастных, да Якоба Майера есть еще другие живые люди на свете.

Они тотчас же поднялись и пришли к месту, откуда Майер любил стрелять в лагерь матабеле; она видела внизу, далеко, вокруг нижнего пояса стены, фигуры двигавшихся макаланга. При помощи бинокля Бените показалось, что она даже узнает Тамаса, хотя на таком расстоянии трудно было быть в этом уверенным: туземцы внешнеюстью все были очень похожи друг на друга. Все же это открытие очень ее обрадовало.

— Я почти уверена, что это Тамас, — сказала Бенита, — ах, как бы я была счастлива, если бы могла очутиться среди наших туземцев, хотя, с другой стороны, мы были бы ближе к диким матабеле. Но все же они лучше, чем мистер Майер, гораздо лучше.

Они помолчали некоторое время, как вдруг она обратилась к отцу:

— Отец, вы что-то скрываете от меня, я чувствую, что-то неладное у нас с вами. Скажите мне правду: ходила ли я куда-нибудь этой ночью с мистером Майером — мы все вместе, и вы, и я, и он?

Он был в нерешительности, вид у него был виноватый; мистер Клиффорд не умел притворяться.

— Я вижу, что отгадала, я уверена в этом. Отец, скажите мне. Я должна знать, я хочу знать.

Тогда он ей во всем признался.

— Я не хотел тебе этого открывать, но, может быть, так будет лучше. Это очень странная история. Обещаешь ли ты мне не волноваться?

— Я обещаю волноваться не больше, чем взволнована теперь, — ответила она, усмехаясь. — Говорите.

— Ты помнишь, что Якоб Майер хотел тебя загипнотизировать?

— Еще бы, мне трудно это забыть, — ответила она.

— Так вот, в прошлую ночь ему удалось тебя загипнотизировать.

— Что? — воскликнула она. — Что? О, как это ужасно! Теперь мне все понятно. Но когда он успел?

— Я думаю, что во время твоего сна. Я знаю только, что сначала проснулся от шума шагов снаружи, и когда я вышел из палатки, то первое, что мне бросилось в глаза, это ты; идущая за ним, точно призрак, с лампой в руке.

И он рассказал ей все по порядку; она слушала с ужасом и негодованием.

— Как он смел! — вскричала она задыхаясь, когда отец ее окончил свой длинный рассказ. — Я его ненавижу! Я теперь жалею, что вы его не убили. — Она сжала свои маленькие кулаки и потрясла ими.

— Это не очень христианское выражение чувств, мисс Клиффорд, — произнес голос позади нее. — Но уже час пополудни, и, так как я еще жив, я пришел сказать вам, что время завтракать.

Бенита круто повернулась назад на камне, на котором сидела; она увидела, что среди кустов, несколько подалеже от подножия стены, стоял Якоб Майер. Их глаза встретились; ее были полны страха, а его — сознания силы.

— Я не хочу завтракать, мистер Майер, — сказала она.

— А я уверен, что вы хотите. Пожалуйста, сойдите вниз и закусите, прошу вас.

Слова эти были произнесены тихо, почти просительным тоном, но для Бениты они прозвучали, как приказание. Как бы то ни было, но она, слабо сопротивляясь внутри, слезла с осыпавшейся стены; за нею пошел ее отец. Не обменявшись ни словом, все они, во главе с Якобом Майером, вернулись к своему походному столу.

Когда они закусили, Майер заговорил:

— Я вижу, что ваш отец вам все рассказал, и я даже рад этому, мисс Клиффорд. Мне это было бы трудно сделать, так как я перед вами тяжело провинился. Но что мне было делать? Я знал, что другого способа найти с вашей помощью клад не существует, у меня не было выбора. Поэтому я дал вам снотворное и, когда вы заснули, загипнотизировал вас; остальное вам уже известно. У меня большой опыт в этой области, но ничего подобного тому, что я видел и слышал в прошлую ночь, я не встречал и, надеюсь, не встречу.

Бенита не сразу ответила; негодование, смешанное с любопытством, превозмогло презрение к этому человеку.

— Мистер Майер, — сказала она, — вы совершили гнусный и постыдный поступок; я вам сразу скажу, что никогда вам этого не прощу.

— Не говорите этого, умоляю вас, не говорите этого, — перебил он ее, и искреннее горе послышалось в его голосе. — Не судите меня так строго. Я должен был узнать тайну, и другого пути не было. Вы — рожденная ясновидящая, каких, может быть, одна на десять тысяч; чутье мне это подсказало. Ведь вы знаете, что поставлено на карту.

— Всего-навсего сколько-то унций золота, мистер Майер.

— Не золото, а величие и могущество, которое оно дает, мисс Клиффорд.

— Всего этого могущества, мистер Майер, может вас лишит лихорадка или копье матабеле. Но, так или иначе, дело сделано, и рано или поздно вам придется за это ответить. Теперь я хочу задать вам вопрос. Вы утверждаете, что с нашей смертью в нас все умирает и всему конец. Так или нет?

— Так, я это утверждаю.

— Скажите мне тогда, кто это с вами говорил моими устами прошлой ночью и как это случилось, что я, не зная португальского языка, говорила на нем?

Он пожал плечами.

— Вы задали нелегкий вопрос, но все же я попытаюсь вам на него ответить. Дух, конечно, не существует как нечто живущее самостоятельной жизнью после смерти тела; но есть зато подсознательное «я», которое есть часть жизненной основы мира и которое может знать все, что происходит и происходило в этом мире, если только удастся снять печать с его глаз. Быть может, вам когда-нибудь случится прочесть сочинения моего соотечественника Гегеля, и вы увидите, что он об этом говорит.

— Вы все-таки ничего не объяснили.

— Сейчас объясню точнее, мисс Клиффорд. Вчера ночью мне удалось освободить от пут ваше подсознательное «я», которому все известно, и оно увидело все то, что в прошлом совершилось на этом месте. Вы знаете теперь историю умершей девушки, Бениты да-Феррейра, и вот эту историю вы вновь пережили за нее, говоря ее языком,

как говорили бы по-гречески или на другом языке, если бы это был ее родной. Это не был ее дух, который вселился в вас, хотя я для краткости, может быть, так иногда выражался, а ваше скрытое знание, вызванное на поверхность и воссозданное усилием вашего человеческого воображения. То, что ее имя Бенита оказалось и вашим, не более как странное совпадение. Кроме того, у нас нет доказательств верности этого, мы только знаем то, что вы высказали в трансе.

— Может быть, — сказала Бенита, которая не была в настроении вести философский диспут.

— Какая польза толковать об этом? Я ищу португальское золото. А я уверен, что вы знаете, где оно находится. Вы бы мне еще прошлой ночью сказали, если бы ваши нервы выдержали напряжение; но вы еще не привыкли к состоянию транса. Говоря как Бенита да-Феррейра, вы сказали, что видели клад и описали, в каком положении он теперь находится. Но тут ваши силы изменили вам, и мне пришлось вас разбудить. Мисс Клиффорд, вы должны мне позволить загипнотизировать вас еще раз, только на несколько минут; мы не станем терять время на события прошлого и сразу откроем, где золото. Разве только, — прибавил он, тая заднюю мысль и пристально смотря ей в глаза, — вам уже сейчас известно, где находится клад; в этом случае, разумеется, можно обойтись и без гипноза.

— Я ничего не знаю, мистер Майер, я ничего не помню относительно клада.

— Это только подтверждает мою теорию. Предполагаемый дух Бениты да-Феррейра сказал, что он передает тайну клада вам, но в бодрствующем состоянии вы не знаете этой тайны. На деле, конечно, она вам ничего не передавала, потому что ее дух не существует. Но в своем подсознании вы это знаете. Поэтому я должен опять подействовать на вас гипнозом. Нет, не теперь, но спустя несколько дней, когда вы вполне оправитесь. Ну, скажем, дня через три, в ближайшую среду.

— Никогда вы меня больше не будете гипнотизировать, мистер Майер.

— Никогда, пока я жив, — вмешался ее отец, слушавший весь разговор.

Якоб покорно опустил голову.

— Вы так думаете, но я думаю иначе. То, что мне удалось однажды, было сделано против вашей воли; мне

это удастся и в другой раз, но только много легче. Но я бы предпочел все-таки сделать с вашего согласия, так как это делается не только для меня, а для общей пользы. Впрочем, лучше бросим этот разговор, не то опять рассоримся.— Тут он поднялся и ушел прочь.

Следующие три дня Бенита провела в состоянии нескончаемого страха. Она прекрасно сознавала, что Якоб Майер сумел подчинить ее своей воле и что между ними создалась какая-то неразрушимая связь. Она знала, что происходит в его мыслях; таким образом ей случилось передавать ему какой-нибудь предмет за столом или в другом месте прежде, чем он успевал попросить, или отвечать на его вопросы прежде, чем рождался звук. Больше того, он мог заставить ее подойти к нему, воздействуя на нее на небольшом расстоянии. Раза два или три, бродя по своей тюрьме, как она называла верхушку их холма, она чувствовала, что ее тянет куда-то какая-то сила; придет ли это место, она находила перед собою Якоба Майера.

— Простите меня за беспокойство,— говорил он, улыбаясь своей кривой усмешкой и вежливо приподнимая шляпу,— я только хотел спросить вас, не изменили ли вы своего намерения насчет гипнотического сеанса.

По временам он останавливал ее взором, и ей казалось, что она не сможет сдвинуться с места до тех пор, пока он наконец не даст ей свободу, точно перерезав силою своей воли нить, на которой он ее держал; после чего, задыхаясь от злости и обливаясь слезами, Бенита поворачивалась и убегала от него, как от хищного зверя.

Но если ее дни были полны тревоги, то каковы были ее ночи? Она жила в постоянном страхе, что он опять подсыплет какого-нибудь снадобья в ее пищу или питье или околдует ее во время сна. Чтобы оградить себя от первой опасности, она ничего не брала в рот из того, что находилось близ него. Теперь она спала в палатке отца, который ложился подле двери, держа под рукою заряженное ружье; он прямо предупредил Якоба, что застрелит его, если только застигнет его на месте преступления, проделывающим свои пассы; на эту угрозу старика тот только расхохотался, потому что не боялся Клиффорда.

В продолжение долгих часов темноты они сторожили попеременно; пока один бодрствовал, другой спал. Не всегда страхи Бениты были напрасны, потому что раза два по меньшей мере ей почудились осторожные шаги,

кравшиеся вокруг палатки; она ощущала на себе это неуловимое страшное волнение. Тогда она будила своего отца, шепча: «Он здесь, я чувствую, что он здесь». Но пока ее отец поднимался с усилием, — ибо он слабел с каждым днем и испытывал острые боли от ревматизма или какой-то другой болезни, — и выбирался из палатки, никого уже не было видно. Только издалека, из темноты, доносились шаги и тихий, насмешливый шепот.

Так протекали эти ужасные три дня, и наступило утро среды, которой она ждала с таким трепетом. До рассвета ни Бенита, ни ее отец не сомкнули глаз во всю ночь; они обменивались мыслями о своем горестном положении, которое должно было окончиться какой-нибудь катастрофой.

— Я думаю, что лучше было бы, если бы я его убил, Бенита, — сказал ее отец. — Я слабею с каждым днем, и если я буду еще откладывать, то силы меня окончательно оставят, и ты окажешься в его полной власти. Я бы легко мог его застрелить в спину, когда он отвернется, и, хотя мне ненавистна сама мысль о таком поступке, я думаю, что мне это простится. И если даже не простится, я все же обязан это сделать: я отец, мой долг по отношению к тебе повелевает мне это.

— Нет-нет, — ответила она. — Я этого не допущу. Это будет убийством, хотя он и угрожает вам. После всего я уверена, отец, что этот человек помешанный и не ответствен за свои поступки. Будем надеяться на случай, который, может быть, нас спасет. Если же суждено быть несчастью, то, на худой конец, я сумею за себя постоять, — сказала она, притронувшись к револьверу, с которым теперь не расставалась ни днем ни ночью.

— Пусть так, — согласился мистер Клиффорд со стоном. — Будем ждать избавления, но если придется терпеть, то с совестью, не обгащенной кровью.

ГЛАВА XX

Якоб Майер видит призрак

С минуту они молчали, потом Бенита начала:

— Отец, неужели так-таки нет никакой возможности спастись отсюда? Может быть, нам все-таки удалось бы перелезть через стену?

Мистер Клиффорд, думая о своих немеющих членах и о ломоте в спине, покачал головой и сказал:

— Не знаю; Майер меня ни разу не подпускал близко к стене.

— Отчего же вы не пойдете и не удостоверитесь? Ведь вы знаете, что он сегодня будет спать долго, он всю ночь был на ногах. Возьмите бинокль и осмотрите стену из этого полуразрушенного дома поблизости. Он вас не увидит и не услышит, но если я пройду там — он это почувствует и проснется.

— Хорошо, детка, попробую, пойду, но что же ты будешь делать в это время?

— Я взберусь на конус.

— Не думаешь ли ты... — он остановился.

— Нет, не бойся этого. Я до тех пор не последую примеру Бениты да-Феррейра, пока не буду вынуждена к этому. Я только посмотрю оттуда, что делается вокруг. Оттуда ведь очень далеко видно. Быть может, воины матабеле ушли, их давно не было слышно.

Они оделись и, как только рассвело в достаточной степени, вышли из хижины и разошлись каждый в свою сторону: Клиффорд с ружьем в руке — к стене, а Бенита — по направлению к высокому гранитному конусу. Она легко поднялась на него и стала в чашеобразном углублении на его верхушке; она ждала, пока солнце поднимется и разгонит туман, висевший над рекой и берегами.

Каково бы ни было назначение этого конуса у древних, без всякого сомнения оно было тесно связано с культом поклонения солнцу. Это доказывалось тем соображением, что первый луч восходящего солнца, по крайней мере в это время года, в упор ударял в верхушку скалы. Так случилось и теперь, когда Бенита, стоя в ожидании восхода солнца, увидела себя вдруг облитой с головы до ног таким ярким, ослепительным светом, что, казалось, растворялась в нем; одетая в платье, которое когда-то было белым, она должна была светить издали, как серебряная статуя. В течение нескольких минут золотые стрелы солнца ослепляли ее глаза, так что она ничего не могла видеть; она стояла, боясь пошевелиться, и ждала, чтобы солнце поднялось выше уровня ее глаз. Вскоре лучи его проникли в долину реки, гоня перед собою туман. Тогда она стала глядеть вниз, вдоль по течению Замбези.

Лагерь матабеле не был виден, так как лежал в котловане почти под стенами крепости. За лагерем почва поднималась до известной высоты, и в самом возвы-

шенном месте, приблизительно в полумиле от нее, она увидела нечто, похожее на фуру с палаткой, вокруг которой двигались какие-то люди. Они громко кричали, и голоса их благодаря тишине африканского утра слабо доносились к ней.

Когда туман рассеялся вполне, она убедилась, что это действительно была фура, потому что около нее стоял длинный ряд быков; по-видимому, она только что была замечена и захвачена воинами матабеле, которые в большом числе толпились вокруг фуры. Но в эту самую минуту они, очевидно, были отвлечены чем-то другим, потому что указывали остриями своих копий на конус Бамбатсе.

Фигура Бениты, облитая ослепительными лучами солнца на верхушке скалы и резко выделявшаяся на глубокой синеве неба, должна была быть хорошо видна снизу, с равнины; ясно было, что это она привлекла внимание толпы, стоявшей внизу, и не только их одних. Вскоре показался белый, который поднял какой-то предмет по направлению к ней, не то ружье, не то подзорную трубу. Она была уверена, что это белый, она узнала это по его широкополой шляпе и красной фланелевой рубашке. Ее сердце сильно застучало, и ей захотелось убежать к нему, кто бы он ни был. Вряд ли кто мог бы так обрадовать ее в несчастном положении, как вид этого белого.

Но, может быть, ей это только померещилось? Что мог делать здесь белый со своей фурой? И почему матабеле не трогают, не убивают его? Она не знала, почему, но ей казалось, что дикари не выказывали кровожадных намерений, потому что все продолжали жестикулировать и говорить, в то время как белый все еще смотрел вверх в подзорную трубу, если только это была труба. Так продолжалось немалое время, пока, наконец, не были выпряжены быки; потом сбежалось еще больше черных, которые увели с собою белого, видимо против его воли, по направлению к их стоянке; вскоре все они скрылись. Тогда, не видя больше ничего любопытного, Бенита спустилась со скалы.

Внизу, у подножия скалы, она встретила своего отца, который пришел искать ее.

— В чем дело? — спросил он, видя ее взволнованное лицо.

— О, — сказала она, чуть не всхлипывая, — я видела там фуру с белым. Я видела, как матабеле схватили его.

— Мне жалко бедняка, — ответил ее отец, — за его жизнь нельзя теперь дать и гроша. Но что бы такое мог здесь делать белый? Вероятно, охотник какой-нибудь, попавший в западню.

Лицо Бениты покрылось грустью.

— А я надеялась, — сказала она, — что он нам как-нибудь поможет.

— Он с таким же основанием может ждать и нашей помощи. Его нет, и делу конец. Мир его душе, а у нас с тобой своих забот немало. Я осмотрел стену и нашел, что нельзя даже и думать пытаться перелезть через нее. Если бы Майер был профессиональным каменщиком, то и тогда не мог бы замуровать лучше выход; ничего удивительного в том, что Молимо больше не показывается: только птица может долететь до нас.

— Где мистер Майер? — спросила Бенита.

— Спит, завернувшись в одеяло, под маленьким навесом из ветвей подле лестницы. Мне показалось так по крайней мере, потому что в тени трудно было что-нибудь различить; но я видел его ружье, прислоненное к дереву. Пойдем закусим чего-нибудь. Скоро, наверное, и он придет.

Они пошли вместе, и в первый раз после воскресенья Бенита насытилась вдоволь сухарями, размоченными в кофе. Хотя ее отец высказал уверенность, что белый уже пал жертвой копий дикарей, но один вид белого и его фуры влил новую жизнь в ее душу; она опять почувствовала какую-то связь с внешним миром. Впрочем, разве не могло случиться, чтобы он спасся?

До сих пор Якоба Майера все еще не было видно. Это их, впрочем, не удивляло, потому что он с недавнего времени стал есть отдельно, пользуясь продуктами из маленького общего запаса и приготавливая себе пищу на своем огне. Когда они окончили завтрак, Клиффорд заметил, что у них не осталось воды для питья. Бенита поднялась, чтобы пойти за водой к колодцу, который был в подземелье; отец хотел ее сопровождать, но она сказала, что в этом нет необходимости, так как она сама может справиться с цепью. Она пошла, неся ведро в одной руке и светильник в другой.

Сходя вниз, Бенита остановилась на миг на последнем из поворотов, ведущих в подземелье, потому что ей показалось, что в глубине подземелья блеснул свет, но она продолжала спускаться, так как убедилась, что за поворотом было совершенно темно. Очевидно, ей это

только померещилось. Она подошла к колодцу и повесила ведро на медный крюк, думая о том, сколько народу на протяжении веков ходило к колодцу за водой, о чем свидетельствовал этот самый крюк из толстого металла, почти совсем стершийся от употребления. Она развернула ворот, и звон цепи жутко отдавался под сводом подземелья. Наконец, ведро погрузилось в воду, и она начала тащить его наверх, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть, потому что цепь была длинная и тяжелая. Ведро показалось над колодцем. Бенита поставила его на край стенки и сняла с крюка, затем взяла лампу, собираясь идти.

В это время она почувствовала что-то постороннее подле себя; подняв лампу над головой, она осветила какую-то фигуру, стоявшую между нею и выходом из подземелья.

— Кто это? — спросила она и услышала в ответ из темноты чей-то мягкий голос. Она узнала Майера.

— Не постоите ли вы так всего несколько минут, мисс Клиффорд! У меня, кстати, с собою бумага, и я хотел бы зарисовать вас. Вы не можете себе представить, как вы красивы с этой лампой, поднятой над вашей головой. Вы знаете, по каким бы путям ни вела меня моя судьба, в душе я остаюсь художником, никогда в моей жизни я не видал такого чарующего зрелища. Этот рисунок меня, наверно, прославит.

— Боюсь, мистер Майер, что вам придется сделать рисунок по памяти, потому что я не в состоянии больше держать эту лампу над головой; у меня уже рука болит. Я не знаю, как вы сюда вошли, но так как вы пошли за мною, то не будете ли так любезны отнести ведро.

— Я за вами не пошел, мисс Клиффорд. Вы меня не видели, но я вошел сюда до вас, чтобы сделать обмеры.

— Как же это вы делаете обмеры в темноте?

— Здесь не было темно раньше. Я погасил свою лампу, когда увидел вас, потому что знал, что вы убежите, и я вижу, что судьба покровительствует мне. Вы пришли, потому что такова была моя воля. Теперь давайте поговорим. Мисс Клиффорд, не изменили ли вы своего намерения? Ведь время уходит.

— Я никогда не меняю своих намерений. Дайте мне пройти, мистер Майер.

— Нет, вы не уйдете, пока не выслушаете меня. Вы очень жестоки со мною, очень жестоки. Вы не хотите

понять, что мне легче умереть сто раз, чем причинить вам малейшее неудовольствие.

— Я не прошу вас умереть, я прошу вас только оставить меня в покое — гораздо более легкое дело.

— Но как я могу вас оставить, когда вы часть меня самого, когда... я люблю вас? Ну вот, я высказал, что у меня было на душе, теперь делайте, что хотите.

Бенита подняла ведро с водой; его вес, казалось, приковал ее к месту; потом она его опять поставила на место, потому что уйти не было возможности.

Пришлось покориться обстоятельствам.

— Мне нечего сказать, мистер Майер, скажу только, что я не люблю ни вас, ни кого-нибудь другого из живых и не буду любить. Я вам очень признательна за честь, которую вы мне оказываете, и дело с концом.

— Никого из живых, — повторил он ее слова. — Это значит, что вы любите мертвого, Сеймура, который утонул в море. Неудивительно, что я его сразу возненавидел, когда увидел впервые много лет тому назад, задолго до того, как вы вошли в его и мою жизнь. Опять предчувствие, подсознательное «я». Ну ладно, но какой смысл любить умершего, лишенного личного существования, который ушел опять в ту землю, из которой вышел? Ведь у вас всего одна жизнь; вернитесь к ней, вернитесь к живым и сделайте их счастливыми.

— Я с вами не согласна, мистер Майер. А теперь пропустите меня.

— Я вас не пущу. Я буду спорить и бороться с вами, буду бороться до тех пор, пока вы меня не благословите. Вы меня презираете за то, что у меня много было приключений, но не было успеха, за то, что вы считаете меня сумасшедшим. Но я вам скажу, что во мне есть зерно, из которого может вырасти мое могущество. Будьте моею, и я сделаю вас всемогущей; теперь я знаю, что это вас мне недоставало всю мою жизнь, что вы должны сделать мое существование цельным. Мы завоюем богатство, а с ним мы будем управлять миром.

— Еще несколько дней пройдет, и мы умрем, может быть, с голоду, или матабеле прикончат нас. Нет, мистер Майер, нет. — И она хотела пройти мимо него.

Он вытянул свои руки и остановил ее.

— Послушайте, — сказал он, — я говорил с вами как мужчина с женщиной. Но вы глухи к моим словам; вы одна стоите между мною и сумасшествием, и я изберу

другой путь. Я ваш господин, моя воля подчинила вашу волю; приказываю вам повиноваться мне.

Он впился глазами в ее глаза, и она почувствовала, как силы покидают ее.

— Ага, — сказал он, — теперь вы моя раба, и, чтобы доказать вам это на деле, я поцелую вас в губы; потом я усыплю вас, и вы мне расскажете все, что мне нужно знать. Вы должны будете пойти за меня замуж, когда мне вздумается. О, не думайте, что ваш отец сможет заступиться за вас; если он мне будет мешать, я убью этого старого дурака, которого я до сих пор терпел только ради вас. Помните, что, если вы меня будете раздражать, я живо разделаюсь с ним, и кровь вашего отца падет на вас. А теперь дайте я вас поцелую.

Бенита подняла руку, чтобы достать револьвер, висевший на ее поясе. Но рука опустилась бессильно вниз; казалось, что он парализовал ее, как змея парализует птицу, напрасно силящуюся раскрыть крылья и улететь и остающуюся на месте в ожидании гибели. Она была в полной власти этого ей ненавистного человека. Неужели ничто не придет на помощь к ней? Пока она об этом думала, он все ближе тянулся губами к ее лицу.

Его губы прикоснулись к ее губам, и в это самое мгновение она каким-то непостижимым образом почувствовала, как чары разбились. Вся его власть над ней испарилась, она вновь обрела себя, стала свободной, госпожой самой себя. С презрением она оттолкнула его в сторону и, даже не ускоряя шагов, подняла ведро с водою и вышла.

Как только она очутилась снаружи, то с радостью потушила свою лампу. Вместо того чтобы почувствовать потрясение от только что пережитой сцены, Бенита ощущала какую-то странную легкость во всем своем существе, сердце ее было полно счастья и покоя. Когда она вышла на яркий дневной свет, другой свет — избавления — загорелся в ее душе. Она больше не боялась Якоба Майера, своим гнусным поцелуем он разбил цепи, приковывавшие ее к нему. Ее мысль всецело зависела от его мысли; но теперь, после того как физическое начало вошло в их отношения, его психическое воздействие на нее потеряло свою силу.

Подойдя к палатке, она увидела своего отца, который сидел на камне снаружи; он так стал слаб, что не мог долго оставаться на ногах. Вид его напомнил ей об

угрозах Майера ее отцу. При этой мысли все ее счастливое настроение, обретенное только что, исчезло.

Она теперь за себя не боялась; она знала, что ей нечего бояться; но как быть с отцом? Не добившись исполнения своих желаний, Майер, наверное, свою угрозу осуществит и убьет его. Она вздрогнула от этой мысли, но, овладев собою, твердым шагом пошла вперед, с ведром воды в руке.

— Дитя мое, ты надолго задержалась у колодца, — сказал Клиффорд.

— Да, отец, там оказался мистер Майер, который меня удерживал там.

— Как он туда попал и чего он хотел от тебя?

— Не знаю, как он туда попал; по всей вероятности, пробрался тайком от нас. А чего он хотел — вот послушай, и ты узнаешь.

И она передала ему все, что произошло.

Еще до того, как она окончила рассказывать, он чуть не задохнулся от ярости.

— Ах этот грязный человек! Подлец! — кипел он. — Я бы никогда не подумал, что он может позволить себе такую низость. Тем лучше! Я еще могу держать в руках ружье, пусть только покажется...

— Отец, — сказала она мягко, — этот человек сумасшедший. Он не ответствен за свои действия, поэтому нельзя и думать наказывать его смертью, разве что в самозащите. То, что он вас грозился убить, я считаю пустой угрозой, а за меня вам больше бояться нечего, он потерял всю свою власть надо мной; когда он коснулся меня своими губами, меня точно обожгло. — Тут она потерла губы рукой, как бы желая стереть пятно. — Я больше ничего не боюсь. Я начинаю верить, что старый Молимо был прав, когда говорил, что все окончится к лучшему.

В то время когда Бенита говорила эти слова, она вдруг услышала позади себя какие-то неровные шаги; желая узнать причину, она повернулась и увидела странное зрелище. Якоб Майер, шатаясь, шел к ним, волоча ноги свои как стопудовую тяжесть. Его лицо было покрыто смертельной бледностью, глаза его дико блуждали и были полны ужаса.

— Что с вами, эй вы? — спросил его Клиффорд.

— Я... я... бормотал он. — Вы не были сейчас в подземелье, вы не возвращались туда? — спросил он Бениту.

И, прежде чем она успела ответить ему, он, словно охваченный тем же ужасом, рванулся с места и убежал, цепляясь за кусты и перескакивая с камня на камень, как испуганное животное.

ГЛАВА XXI

Весть мертвой

Как Бенита предсказывала, так и случилось. Ко времени ужина Якоб Майер опять явился, все еще бледный и взволнованный, но в остальном прежний.

— У меня было нечто вроде припадка сегодня утром,— объяснил он,— нечто, похожее на галлюцинацию, охватившую меня в подземелье, когда моя лампа погасла. Я припоминаю, что принял это за призрак, между тем я хорошо знаю, что никаких призраков нет. Я просто находился под гнетом неудач, тревоги и других, еще больших неприятностей,— тут он посмотрел на Бениту.— Прошу поэтому забыть все, что я говорил или делал в этом состоянии, и, если можно, дать мне поесть.

Бенита пододвинула ему еду. Он ел молча и с аппетитом. Когда он окончил есть, то проглотил рюмки две или три водки и снова заговорил.

— Я пришел сюда, где мое присутствие, как я знаю, весьма нежелательно, чтобы поговорить о деле,— сказал он спокойным, деловым тоном.— Я пресытился сидением в этом месте и считаю, что необходимо положить конец нашему пребыванию здесь; для этого необходимо довести до конца начатое нами дело, то есть отыскать клад. Как всем нам хорошо известно, это возможно только одним путем: путем воздействия магнетическими силами одного из нас на дар ясновидения другого. Мисс Клиффорд, я требую, чтобы вы позволили мне подвергнуть вас гипнозу. Вы в состоянии транса рассказали нам многое, но вы не сообщили нам, где находится клад, а только это нам необходимо знать.

— А если я не желаю, мистер Майер?

— Тогда я, к моему прискорбию, буду вынужден прибегнуть к насильственным мерам, чтобы заставить вас повиноваться. Мне придется в таком случае, против моей воли,— тут его глаза дико засверкали,— убрать вашего отца, который упорно противится моему желанию и этим самым препятствует нахождению клада.

Нет-нет, Клиффорд,— прибавил он,— не тянитесь рукою за своим ружьем, все равно не успеете, потому что у меня в кармане револьвер на взводе, и, прежде чем вы притронетесь к ружью, вы будете убиты. Ах вы несчастный старик, неужели вы можете хоть минуту сомневаться в том, кто из нас возьмет верх: вы ли со своими разбитыми ногами, больной, или я с моей силой и ловкостью? Да если бы я только пожелал, то уже десять раз мог бы вас убить, прежде чем вы успели бы шевельнуть пальцем, и клянусь вам, что сделаю это, если ваша дочь не будет более уступчивой.

— Это мы еще посмотрим, приятель,— сказал Клиффорд со смехом; он был мужественным человеком, хоть и старым.— Не знаю, кому из нас придется первому сложить голову.

Тут Бенита, сидевшая до сих пор задумавшись, вдруг подняла голову и сказала:

— Ладно, мистер Майер, я решилась, потому что так надо. Завтра утром вы снова усыпите меня и, если можно, на том же месте, у подножия креста.

— Ни за что,— ответил он быстро,— только не там; здесь я вас загипнотизировал в первый раз, здесь же повторю свой опыт; там, в подземелье, мне это не удастся, я это чувствую.

— Но я предпочитаю подземелье,— упрямо сказала Бенита.

— А я предпочитаю это место, мисс Клиффорд, и моя воля возьмет верх над вашей.

— Я знаю, что вы боитесь привидений, оттого и не решаетесь войти в подземелье, мистер Майер.

— Не ваше это дело, боюсь я или не боюсь,— ответил он с яростью в голосе.— Ваше дело выбрать между моим желанием или смертью вашего отца. Завтра утром я приду за вашим ответом, и если вы еще будете упорствовать, то не позднее чем через полчаса он будет мертв, а вы останетесь в моей власти. Можете называть меня злодеем и подлецом, но на самом деле это вы злая, вы, вы толкаете меня на жестокие поступки.

Не говоря больше ни слова, он вскочил и ушел, пятясь задом и не переставая целиться в Клиффорда из револьвера, который держал в руке. Последнее, что они видели, были его горящие глаза, сверкавшие, как у льва, в темноте ночи.

— Отец,— сказала Бенита, удостоверившись прежде, что он их не может услышать,— этот сумасшедший,

видно твердо решился убить вас, в этом теперь нет никакого сомнения.

— Никакого, это верно; если я доживу до завтрашнего вечера, это будет чудом, разве что мне удастся еще раньше убить его или вообще как-нибудь избавиться от него.

— Мне кажется, что это возможно, — сказала она поспешно, — у меня появилась идея. Я уверена, что теперь он побоится спуститься в подземелье, поэтому нам лучше всего самим там спрятаться. Мы возьмем туда с собою продовольствие, а воды там сколько угодно, между тем как он здесь останется без воды, если только не пойдет дождь.

— Что же тут хорошего, Бенита? Ведь мы не можем оставаться всегда в темноте.

— Нет, но мы можем переждать там, пока не найдется какой-нибудь выход. Ведь когда-нибудь да должна быть перемена. Его состояние не может так долго тянуться, он должен или окончательно с ума спятить, или покончить с собой. Или же он может напасть на нас, хотя это маловероятно, и тогда мы его убьем в самозащите. Может быть, наконец, просто откуда-нибудь к нам помощь придет. В худшем случае мы умрем, что все равно рано или поздно должно случиться. Пойдем, отец, поторопимся, пока он не раздумал, не то он опять может сюда притащиться.

Мистер Клиффорд уступил; он знал, что если бы даже решился подобраться к Якобу, чтобы убить его исподтишка, то имел бы мало шансов справиться с этим сильным и ловким человеком. Такая борьба, несомненно, окончилась бы смертью его, Клиффорда, а Бенита оказалась бы в руках этого негодяя.

Со всей поспешностью они переносили свои немногие пожитки в подземелье. Прежде всего они перенесли туда большую часть продовольствия, которое еще у них оставалось, все три фонаря и весь парафин; его была всего одна жестянка. Вернувшись, они захватили ведро, патроны и платье. Выйдя еще раз и удостоверившись, что Майера нигде не видно, они перетаскивали в подземелье палатку с фуры, которая должна была служить спальней для Бениты, и весь запас дров, который у них оказался. Это была тяжелая работа, потому что поленья были очень тяжелы, а большой старик был слишком слаб для такой работы. Под конец Бените пришлось окончить эту работу одной, в то время как отец ковылял подле нее

с ружье
Майера.
Было
работу;
опаснос
лежавш
Когд
видно н
спички
трела н
вероятн
должен
так си.
спустит
только
фонаря
ником,
предот
Взя
спал тя
где ког
дверь,
пальцу
другой
железн
не был
быть, н
ститесь
споткн
своем
водой
возмо
спал,
и осм
По
ними
были
на не
длинн
вала
Ничег
призр
откры
кости
царил

с ружьем в руке, чтобы она не подверглась нападению Майера.

Было далеко за полночь, когда они окончили свою работу; они были до того изнурены, что, невзирая на опасность их положения, бросились на полотно палатки, лежавшей в углу пещеры, и заснули глубоким сном.

Когда Бенита проснулась, лампа погасла, и не было видно ни зги. К счастью, она вспомнила, куда положила спички и фонарь со свечой. Она зажгла свечу и посмотрела на часы. Было около шести часов утра. Снаружи, вероятно, начинало светать; через час-два Якоб Майер должен обнаружить их отсутствие. А вдруг гнев его будет так силен, что преодолеет его страх и заставит его спуститься в подземелье, что тогда? Ведь они его увидят только тогда, когда его лицо будет освещено лучами фонаря. Он может просто из темноты, не видимый никем, застрелить Клиффорда. Что предпринять, чтобы предотвратить это? Вдруг ее осенила мысль.

Взяв веревку от палатки и фонарь, пока ее отец еще спал тяжелым сном, она подошла ко входу в пещеру; там, где когда-то у последнего поворота в скалу была вделана дверь, она прикрепила один конец веревки к каменному пальцу, выдававшемуся из стены с одной стороны, а с другой продела ее в кольцо, в которое когда-то входил железный или деревянный болт. Она знала, что у Майера не было ни лампы, ни масла, а только спички и, может быть, несколько свеч. Поэтому, если бы он решился спуститься в подземелье, он бы непременно должен был споткнуться о веревку, предупредив таким образом о своем появлении. После этого она умыла руки и лицо водой из ведра и устроила свой угол, как это было возможно при настоящих обстоятельствах. Пока отец ее спал, она наполнила лампы маслом, зажгла одну из них и осмотрелась вокруг. Отца она будить не хотела.

Поистине они избрали жуткое место жительства. Над ними возвышалось распятие; в дальнем углу свалены были в кучу останки умерших португальцев. Издалека на нее скалил зубы череп с сохранившимися на нем длинными волосами, какая-то иссохшая рука протягивала к ней свои пальцы, точно собираясь схватить ее. Ничего удивительного, что Якоб Майер увидел здесь призрак! Впереди зиял провал склепа, в котором лежал открытый ими монах; до сих пор там покоились его кости, обернутые в темную рясу. Над ними и вокруг них царили мрак и мертвая тишина.

Наконец ее отец проснулся, и она обрадовалась голосу жизни в этом месте. Они позавтракали сухарями с водою, а после того Клиффорд стал у выхода с винтовкой в руках, чтобы покараулить. Бенита между тем занялась приведением в порядок их несложного хозяйства. Палатку она прислонила к стене в глубине пещеры, подперев ее несколькими деревянными шестами, которые они принесли снаружи. Внутри палатки на полу она разостлала одеяла, а снаружи сложила продовольствие и другие вещи.

Пока она была занята своим делом, в проходе послышался шум — это был Якоб Майер, который, спускаясь в пещеру, споткнулся о веревку и упал. С фонарем в руках она подбежала к отцу, который, держа ружье наготове, кричал:

— Если только войдете, я выстрелю в вас!

Послышался голос Якоба, звучавший необычно в этом сводчатом подземелье.

— Я к вам не войду; я здесь буду ждать, чтобы вы сами вышли. Вы долго там не продержитесь; вас убьет ужас темноты, а я в это время буду сидеть под солнцем и ждать.

Он рассмеялся, и вскоре они услышали звук удаляющихся шагов.

— Что мы будем делать? — спросил Клиффорд с отчаянием. — Мы не можем жить без света, а если мы зажжем лампу, он, наверное, прокрадется сюда и застрелит нас. Ведь он совсем с ума спятил, я это по голосу слышал.

Бенита подумала с минуту, затем ответила:

— Мы должны завалить проход. Посмотрите, — и она указала на осколки скалы, оторвавшиеся от свода во время взрыва их мины, и куски цемента, которые они киркою отбили от пола.

— Только скорее, скорее, — продолжала она, — он, наверно, придет не раньше чем через несколько часов, может быть, даже только ночью.

Они немедленно приступили к работе; никогда в своей жизни Бенита не трудилась так, как в этот день. Те глыбы, которые они в силах были поднять, они тащили вдвоем на руках, другие они перекачивали при помощи кирки. Целые часы они потратили на эту работу. К счастью для них, вход был не больше трех футов в ширину и шесть футов в высоту, а материала было вдоволь. До наступления вечера они успели завалить вход стеною

в несколько футов
изнутри длин
в выемках и
вали в скали

Когда за
осмотрели де
что они сами
заграждение
уверены, что
при помощи
было, как и
шлось бы, е
сделать это
под силу одн
даже на это
ность наказ

Однако з
которое их
пододвинут
рому предн
балок, подд
дуть их ско
и сказал ту

— Я, к
дойти до п

Медлен
Клиффорд
другую под
латки, он т
ченном по

Тут Бен
еще в жизни
лось все х
был очень
совсем под
что другое
спины; бо
кнуть глаз
есть ту гр
ему Бенит
что он мо
кофе, кот
зажженн
бульон из
ного соль

в несколько футов толщины, которую они еще подперли изнутри длинными деревянными шестами, укрепив их в выемках и пазах, которые с давних времен существовали в скалистых стенах пещеры.

Когда заграждение было готово, они с гордостью осмотрели дело своих рук, хотя могло прийти в голову, что они сами замуровали себя в могиле. Ввиду того что заграждение было устроено на повороте, они могли быть уверены, что Майер не будет в состоянии разобрать его при помощи рычага, а взрывчатого вещества у него не было, как им было известно; таким образом, ему пришлось бы, если бы он вздумал разобрать заграждение, сделать это голыми руками, что было бы, пожалуй, не под силу одному человеку. Во всяком случае, если бы он даже на это покусился, у них была бы полная возможность наказать его за попытку сделать это.

Однако этот день не окончился без другого события, которое их немало встревожило. Они не успели еще пододвинуть большой и длинный обломок скалы, которому предназначено было служить опорой под пяты балок, поддерживавших заграждение, чтобы предупредить их скольжение на полу, как Клиффорд издал крик и сказал тут же:

— Я, кажется, повредил себе спину. Помоги-ка мне дойти до палатки. Я должен прилечь.

Медленно и с большим трудом дотащился мистер Клиффорд до места, опираясь одной рукой на палку, под другую поддерживаемый Бенитой; дойдя наконец до палатки, он тяжело рухнул на подстилку и остался в скорченном положении.

Тут Бенита испытала такое безысходное горе, какого еще в жизни не знала. С каждым часом ее отцу становилось все хуже. Еще до их переселения в подземелье он был очень плох, а теперь этот последний случай его совсем подкосил. Был ли это ревматизм, или ишиас, или что другое, но видно было, что боль находится в мускулах спины; боль эта была такой острой, что он не мог сомкнуть глаз на десять минут. Кроме того, он отказывался есть ту грубую пищу, которую только могла приготовить ему Бенита из имевшихся у нее припасов; единственное, что он мог проглотить, это сухари, намоченные в черном кофе, который она готовила на слабом огне из зажженных щепок, да еще слабый, довольно безвкусный бульон из сушеного бычьего мяса, слегка приправленного солью.

Были еще два обстоятельства, не перестававшие ее беспокоить и наполнявшие ее непобедимой тревогой: это была темнота и Якоб Майер. Пожалуй, теперь темнота была для нее даже страшнее. Жить в этом жутком мраке, в котором огонек их единственной лампы казался затерянной в безбрежной ночи звездочкой, это был такой ужас, о котором трудно составить себе представление тому, кто этого не испытал. Вдобавок Бенита берегла свой небольшой запас светильного масла и зажигала лампу только в случае крайней необходимости. Этот больной старик, эти оскаленные черепа, эта мертвая тишина и безмолвие, а там, снаружи, угроза жалкой смерти от рук Якоба Майера! Но его не было видно, только раз или два Бените показалось, что она слышала его голос, что-то яростно кричавший по ту сторону заграждения. Пытался ли он разобрать преграду, но безуспешно, или боялся браться за это, чтобы не получить пулю в лоб, но только его совсем не было слышно, так что в конце концов она перестала о нем думать. Но если бы ему удалось проникнуть в подземелье, то ей пришлось бы положиться лишь на собственные силы, потому что на отца надежда была плоха: он слабел с каждым часом.

Таким образом протекло три ужасных дня; видимо, приближался их конец. Хотя Бенита приневоливала себя есть, она не могла съесть столько, сколько нужно было для поддержания сил. После того как они завалили выход, воздух в этом старом погребе сгустился от дыма до такой степени, что ей трудно стало дышать. Недосыпание тоже изнурило ее, страх за завтрашний день подтачивал ее нравственную силу. Она стала впадать в отчаяние, чувствуя приближение часа, который должен был быть последним для нее и ее отца.

Однажды, заснув подле своего отца, она была разбужена его стоном. Она взглянула на часы: была полночь. Она встала, развела маленький огонь и согрела немного бульона из сушеной говядины, который потом вылила в чашку. С большим трудом она заставила своего отца выпить несколько глотков бульона; почувствовав внезапную слабость, она выпила остаток сама. Это вернуло ей силы мыслить, а отец ее снова заснул беспокойным сном.

Увы, придумать ничего нельзя было, оставалось покориться судьбе. Взяв рассеянно в руки фонарь, Бенита пошла бродить по подземелью. Заграждение, построенное ими, было цело; но как горько было думать, что

снаружи ве
Она вернул
и многочис
ром. Дойд
опустилась
зила в
знакомое
самой ступ
Потом вдр
шиеся вну
услышала
схвати но
ется прох
туда спус
умершая
тобою.

Трижд
внезапно
мгновени
это было
гласило?

Она п
сдвинули
торое по
ее; она с
с этими
потом в
сторона
которых
сомнени
и откры
оттуда
наслажд
от волн
к палат

Ми
—
которо
Све
дел на

снаружи веял свежий ветерок, и небо сияло звездами! Она вернулась назад, обходя склеп старого монаха и многочисленные ямы в полу, вырытые Якобом Майером. Дойдя до ступеньки у подножия распятия, она опустилась на нее и задумалась. Постепенно она погружилась в сон, и ей показалось, что она переживает знакомое состояние транса. Она видела себя на этой самой ступеньке, а перед собою Якоба Майера и отца. Потом вдруг она услышала чьи-то слова, словно рождавшиеся внутри нее; она прислушалась к ним, но не услышала голоса, а только почувствовала их смысл: схвати ноги статуи и потяни их влево; под ними откроется проход в помещение, где спрятано золото, а оттуда спуск к берегу реки; эту тайну передаю я, умершая Бенита, тебе, живой Бените; да будет мир с тобою.

Трижды прочла это Бенита во сне. Затем, так же, как внезапно заснула, она неожиданно проснулась; каждое мгновение ее сна запечатлелось в памяти. Несомненно, это было сновидение, только сновидение, но что оно гласило? Схвати ноги статуи и потяни их влево.

Она пыталась это сделать, но безуспешно: ноги не сдвинулись. Конечно, это только было сновидение, которое подсмеялось над ней. Какое-то отчаяние охватило ее; она собрала весь остаток сил своих и стала бороться с этими каменными ногами. Они чуть-чуть подвинулись, потом вдруг, без всякого дальнейшего усилия с ее стороны отделились на высоте колен, в драпировке которых скрывалась щель. Да, это было вне всякого сомнения, они отделились, отодвинувшись в сторону и открыв проход, за которым виднелись ступеньки вниз; оттуда подул прохладный ветерок, который Бенита с наслаждением вдыхала. Она встала на ноги, задыхаясь от волнения. Потом схватила свой фонарь и побежала к палатке, в которой лежал ее отец.

ГЛАВА XXII

Голос живого

Мистер Клиффорд не спал.

— Где ты была? — спросил он слабым голосом, в котором слышалось недовольство. — Ты мне была нужна. Свет фонаря озарил бледное лицо Бениты, и он увидел на нем какую-то странную перемену.

— Что случилось? — спросил он. — Не умер ли Майер? Неужели мы свободны?

Бенита покачала головой.

— Он был жив еще несколько часов тому назад, я слышала его крики и брань снаружи, за стеной, которую мы выстроили. Но знаешь, отец, я опять была в трансе и уверена, что нашла теперь то, что мы так долго искали.

— Что ты нашла? В каком трансе? Не помешалась ли ты, как Якоб?

— Я нашла то, что слышала, когда в первый раз находилась в трансе, но забыла; теперь же я это вспомнила. Я нашла только что выход из пещеры, он ведет к месту, где они спрятали золото. Выход этот закрыт статуей, за которой его никто никогда не догадался бы искать.

Золото, по-видимому, совершенно не интересовало Клиффорда. В его состоянии все сокровища Африки не могли бы ему принести облегчения. Больше того, он даже не переносил напоминания об этом проклятом богатстве, которое было причиною их отчаянного положения.

— Куда ведет выход? Ты видела?

— Нет, я еще не посмотрела, но голос внутри меня сказал — то есть, я видела во сне, — что он ведет к реке. Как вы думаете, могли ли бы вы ходить, если бы я поддерживала вас?

— Ни шагу, — ответил он. — Здесь я лег, здесь и умру.

— Нет-нет, не говорите этого. Теперь, когда я нашла выход, мы будем спасены. О, если бы только вы нашли силы встать и пойти, если бы я могла понести вас на своих руках! — Она в отчаянии заломила руки и принялась плакать от сознания своей слабости.

Отец посмотрел на нее внимательно, потом сказал:

— Я не могу, детка, ничего не поделаешь. Но ты можешь, и тебе лучше всего уйти.

— Уйти, а вас оставить? Никогда.

— Ну да, уйти и оставить меня. У нас осталось немного масла для лампы и несколько свеч. Сухари все вышли, а сушеное мясо нам больше в горло нейдет. Я уверен, что скоро умру, но и твои силы уходят в этом мраке; если ты здесь останешься, то скоро последуешь за мной. И никакого выхода из этого положения: там, снаружи, этот безумец, если бы ты даже была в силах

разобрать
я сомнева
Но она
— По

надежда.
может, по
Если отс
макаланг
нибудь у
Если это
сына, есл
из них м
теряй вре
Я

с надежд
если тол
случае я
затя вам

После
масла по
и зажечь
немного
Сделав
положил
спички
она оста
него и п
его в ж

Она
перед не
тяжелой
ждет гд
Мисс

— Д
страшен
твоя вы
нам все

Они
слова, в
которой
останов
жила п
не мог
вначале
нибудь

разобрать заграждение, чтобы выйти наружу, в чем я сомневаюсь. Лучше поэтому уйди, Бенита.

Но она наотрез отказалась.

— Пойми, что в этом и для меня единственная надежда. Если ты выберешься отсюда, то сможешь, быть может, позвать на помощь прежде, чем я успею умереть. Если отсюда есть выход, который, впрочем, туземцам макаланга неизвестен, то он, наверно, оканчивается где-нибудь у нижней стены, где ты их можешь встретить. Если это так, то ты можешь увидеть Молимо или его сына, если старик мертв, или кого-нибудь другого. Любой из них может нам принести помощь. Иди, Бенита, не теряй время.

Я совсем об этом не подумала, — ответила она с надеждой в голосе. — Конечно, это вполне возможно, если только отсюда вообще есть спуск наружу. Во всяком случае я могу пойти посмотреть и вернуться сюда сказать вам.

После этого Бенита поставила сосуд с остатками масла подле отца, чтобы он до него мог достать рукой и зажечь лампу. Она положила тут же остатки сухарей, немного сушеного мяса, бутылку водки и ведро с водой. Сделав все это, она надела свою длинную накидку, положила в один из карманов сушеного мяса, а в другой спички и три из четырех последних свеч. Четвертую она оставила отцу. Бенита опустилась на колени подле него и поцеловала его; ей хотелось верить, что застанет его в живых, когда вернется, хотя и надеялась слабо.

Она с тоскою смотрела на своего отца, лежавшего перед нею, думала о том, что покидает его в пору его тяжелой борьбы со смертью, которая, быть может, и ее ждет где-нибудь на пути в неизвестное.

Мистер Клиффорд прочел ее мысли.

— Да, — сказал он, — тяжело наше расставание, и страшен твой путь. Но кто знает? Быть может, звезда твоя выведет тебя на ровную дорогу, если же нет — то нам все равно недолго еще останется страдать.

Они снова расцеловались. Не в силах вымолвить слова, Бенита вырвалась и ушла. Проходя в просвет, для которого нижняя часть статуи служила дверью, она остановилась на минуту, чтобы осмотреться, и подложила под сдвинувшуюся плиту кусок камня, чтобы она не могла стать на место, закрыв вход. Она полагала вначале, что механизм действует при помощи какой-нибудь пружины, но теперь убедилась, что вся подвижная

масса скалы висела на трех искусно замаскированных каменных шарнирах. Пыль, накоплавшаяся в щели веками, и шероховатость от действия непогоды сделали затруднительным движение подвижной части статуи, но это же было причиной того, что щель сделалась совершенно неприметной для глаз. Все это было до того искусно пригнано, что месяцы и годы тщательнейшего исследования не могли бы дать ключ к разгадке тайны.

Хотя Бенита на этот раз не обратила внимания на подробности, но совершенство прохода и лестницы, ведущей вниз, вполне заслуживало внимания. Очевидно, этот потайной ход существовал задолго до португальского владычества, быть может, относился ко временам финикийцев или другого древнего народа, о чем можно было заключить из того, что ход в их сокровищницу вел из святая святых, куда имел доступ только один верховный жрец. Проход, имевший семь футов в высоту и четыре в ширину, был вырублен в самой скале; тысячи мелких следов инструментов каменотесов сохранились ясно на боковых стенах прохода. Сохранилась также и лестница, мало бывшая в употреблении, такую, какою она вышла из рук строителей ее.

Со свечой в руке сходила Бенита по ступенькам, считая их дорогой. На тридцатой ступени она очутилась на площадке, на которой увидела первые следы клада, из-за которого они перенесли столько страданий. Что-то заблестело у ее ног. Она подняла это. Это был короткий золотой стерженек, весом около двух или трех унций, по всей вероятности, оброненный здесь. Бросив его на землю, она посмотрела вперед и, к своему недоумению, увидела деревянную дверь с железной задвижкой. Но задвижка оставалась без употребления, и, когда Бенита налегла на дверь, она закрипела на ржавых петлях и открылась. Бенита находилась на пороге в сокровищницу.

Это было квадратное помещение, размерами с небольшую комнату, которое было набито по всем стенам, почти до самого низкого сводчатого потолка, маленькими мешками из необработанной кожи; подле самого входа лежал на полу один из таких мешков, упавший вниз и лопнувший от падения. Он был наполнен золотом в слитках и в самородках, разбросанных на полу в беспорядке. Когда она рассматривала золото, то вспомнила, что отец сказал ей, что она в состоянии усыпления описала один из мешков: он был лопнувшим и был вы-

крашен в
чтобы уло
ший пере
Она за
тайны. Ж
ноги, отп
здесь ско
следа но
нее. Их
были ди
поставил
Ее нога
собствен
Бенита с
португал
ей пока
состоял.
Она
сеющее
она иск
сокрови
чилась?
увидела
жающую
все-таки
Но отч
в этом
и увиде
исчезли
Это
ред, он
Когда-
каменн
больша
лась п
кстати
сдвину
сумела
пыли.
За
из оч
лебля
жалос
семьд
чатки

крашен в черную и красную краску. Она наклонилась, чтобы удостовериться: и действительно, мешок, лежавший перед нею, был из кожи этих двух цветов.

Она задрожала. Это было полно жуткой, зловещей тайны. Жутью отдавало также от следа человеческой ноги, отпечатавшегося в толстом слое пыли, которая здесь скопилась в течение двадцати или больше веков, следа ноги последнего человека, входившего сюда до нее. Их было здесь двое, мужчина и женщина, это не были дикари, потому что они носили обувь. Бенита поставила свою ногу в след, оставленный ногою умершей. Ее нога пришлась точка в точку, словно это был ее собственный след. Быть может, думала она, это другая Бенита спускалась сюда со своим отцом, после того как португальцы сложили здесь свои богатства; ее отец мог ей показать место, где хранился клад, и из чего он состоял.

Она бросила еще один взгляд на это несметное, сеющее беду богатство и пошла дальше; не этих сокровищ она искала; для нее была жизнь и воля дороже всех сокровищ, собранных здесь. Но неужели лестница кончилась? Она остановилась, оглянулась вокруг, но не увидела другого выхода. Чтобы лучше различить окружающую обстановку, она приоткрыла стекло фонаря, но все-таки ничего нового не увидела, сердце ее заняло. Но отчего же свеча так неровно горит и отчего воздух в этом помещении так свеж? Она сделала еще шага два и увидела, что следы человеческих ног перед нею вдруг исчезли, и сразу остановилась.

Это было вовремя, так как, сделай она еще шаг вперед, она провалилась бы в отверстие глубокого колодца. Когда-то этот люк закрывался плитой, впоследствии эта каменная плита была отодвинута в сторону и никогда больше не возвращалась на свое место. Она так и оставалась прислоненной к стене помещения. Это было весьма кстати, потому что у Бениты никогда бы не хватило сил сдвинуть с места тяжелую плиту, даже если бы она сумела обнаружить ее присутствие под толстым слоем пыли.

Заглянув в колодец, она увидела там другую лестницу из очень узких и крутых каменных ступенек. Не колеблясь ни минуты, она стала спускаться. Это продолжалось немало времени — она успела насчитать двести семьдесят пять ступеней, и на всех в пыли были отпечатки мужских и женских ног. Но следы шли не только

вниз, они возвращались назад, вверх. Обратные следы были последними, потому что они подчас покрывали те, которые спускались. Бенита не могла понять, для какой цели эти люди, ее давние предшественники, нашли нужным вернуться вверх.

Спуск окончился; Бенита очутилась теперь в пещере, по-видимому естественного происхождения, потому что стены ее и потолок сохранили грубую, необработанную поверхность, кроме того, откуда-то слышались капли падающей воды. Пещера была невелика, и в ней стояло ужасное зловоние от грязи и еще чего-то. Она опять стала искать выход при слабом свете свечи, но не находила его. Вдруг она почувствовала, что то, что она приняла за камень и на чем стояла, задвигалось под ее ногами, к ее неизъяснимому ужасу. Она услышала лязганье зубов, какой-то предмет ударил ее по ногам с такой силой, что она едва устояла; когда она отскочила назад, то различила в полутьме какое-то живое большое существо отталкивающего вида, которое в ту же минуту исчезло в темном углу пещеры. Это она крокодила приняла за скалу, выглядывавшую из пола! Она готова была встретить смерть на каждом шагу, но никак не в образе крокодила.

Пока Бенита стояла, с трудом пересиливая страх, сладкая надежда стала закрадываться в ее душу. Если здесь находился крокодил, стало быть, должен был существовать и выход, а где могло пройти такое крупное животное, могла пробраться и она. Кроме того, где-то поблизости должна быть вода, иначе это земноводное не выбрало бы пещеру своим логовом. Она набралась смелости и, хлопая в ладоши и размахивая фонарем, чтобы прогнать других крокодилов, если бы таковые там еще оказались, она опять пошла к месту, откуда испугнул ее крокодил. По-видимому, здесь было его ложе, так как в нем сохранился в грязи отпечаток его туловища; вокруг были разбросаны остатки животных, которые служили ему пищей. Дальше виднелся проторенный след, ведущий наружу, хорошо видимый даже в полутьме.

Она пошла по следу, который, казалось, упирался в сплошную стену. Теперь Бенита поняла, почему люди, шедшие этой дорогой до нее, вернулись назад, как показывали следы ног. Очевидно, те, которые жили до них, заложили этот выход камнями. Но как же нашел выход крокодил? Переступив несколько шагов вперед, она нашла в стене, направо от входной двери, отверстие,

которое, по-видимому, было размыто водой. Бенита поняла, в чем было дело. В этом месте порода была мягче, и вода в течение столетий размывала ее, образовав расщелину в скале, которую впоследствии расширили крокодилы. Она начала сползать на четвереньках, держа перед собою фонарь; это был род подземного стока для воды. И вдруг она почувствовала на лице веяние свежего ветерка, ей даже послышался шелест прибрежных камышей и журчание воды, и тут же блеснул огонек в темно-синем небе — утренняя звезда! Бенита готова была заплакать от счастья, пасть ниц перед божественным светилом, но продолжала двигаться вперед ползком: квозь расщелину в скале, пока не очутилась в воде, промеж высоких камышей.

Повинуясь инстинкту, Бенита в ту же минуту погасила свечу, чтобы та ее не выдала; постоянная опасность сделала ее предусмотрительной. До рассвета было еще далеко, но улыбающаяся луна и звезды давали достаточно света. Она остановилась, чтобы осмотреться. Над нею висела внешняя стена Бамбатсе, которая обыкновенно омывалась водою Замбези; только теперь, в пору самой низкой воды, стена оставалась выше.

Итак, она очутилась не в стенах крепости, как надеялась, а вне их. Что же она еще предпримет? Вернуться обратно? Но какую помощь принесет это ей с отцом? Идти дальше? Но она может попасть в руки матабеле, лагерь которых был где-то здесь поблизости, как она в этом убедилась, когда с высоты конической скалы увидела белого человека.

Ах, если бы только он был жив и она могла найти его! Может быть, эти дикари оставили его в живых. Это было безумием, но она решила попытаться отыскать его; что-то внутри нее толкало на это опасное дело. Если бы попытка ее не увенчалась успехом, она могла бы проскользнуть под стены крепости и позвать на помощь туземцев макаланга, которые, наверно, сумели бы ее втащить на веревке на стену, прежде чем подоспели бы матабеле. Она решила, что ни за что не вернется с пустыми руками в эту ужасную пещеру, чтобы умереть там с отцом жалкой смертью. Лучше погибнуть здесь, на открытом воздухе под звездами, хотя бы и от копья матабеле или от собственной пули.

Она посмотрела вокруг, ища глазами какие-нибудь отличительные признаки, которыми она могла бы руководствоваться для отыскания входа в гору, на случай,

если бы ей понадобилось вернуться в подземелье. Это оказалось нетрудно, так как футах в ста под ее головой, где обрывистая стена скалы слегка выпячивалась вперед,— на том самом месте, где, согласно легенде, тело Бениты да-Феррейра в своем падении задело за скалу, оставив на ней ожерелье, из расщелины росла искривленная мимоза. Чтобы отметить самое место входа в гору, она пригнула к земле пучок камышей, затем зажгла несколько серных спичек и бросила их в проход, чтобы запахом их держать в отдалении крокодилов; на случай возвращения она спрятала свой фонарь под камнем тут же поблизости.

Потом Бенита пустилась в путь; во время высокой воды в реке это было бы возможно только вплавь; но при теперешнем ее уровне между водой и отвесной скалой оставалась полоска влажной земли, по которой она и стала пробираться. Эта прогулка навсегда осталась памятна ей. С высоких камышей падала на нее обильная роса, пока она не промокла насквозь; какие-то чернохвостые птицы испуганно взлетали и уносились через реку; совы, встревоженные в своих гнездах, и выпи гомозились в камышах. Крупные рыбы плескались в прибрежной заводи; быть может, впрочем, это были не рыбы, а крокодилы. Бенита уповала на то, что ей больше не придется встретиться с этими чудовищами, одного раза ей было довольно.

Все это казалось ей донельзя странным. Можно ли было себе представить, что она была той же женщиной, которая меньше года тому назад гуляла со своими кузенами по нарядным улицам Лондона, заглядывая в окна магазинов? Что бы сказали родственники, увидев ее, бледную, с выражением тревоги в глазах, одиноко бредущую по болотистым неведомым берегам Замбези, бегущую от одной смертельной опасности, чтобы, может быть, попасть в другую?

Она продолжала пробираться вперед; над нею белело перламутровым предутренним светом небо, в котором начинали исчезать бледнеющие звезды, вокруг нее качались влажные камыши, и надо всем висел низкий густой предрассветный туман. Она обошла низом внешние стены крепости и стояла на сухом ровном месте, где матабеле раскинулись лагерем. Но в плотном тумане она не видела воинов матабеле; возможно, что костры их погасли, и она прошла незамеченной между часовыми. Повинуясь больше инстинкту, чем рассудку, она напра-

вила свои
фуру бел
еще на
наткнула
лась, что
лежал д

Итак

Скрытая

Затем, и

на подн

половин

что-ниб

зато он

спящего

белый; и

на что р

с колес

ствие п

не был

по-англ

и заже

могла

что он

Но пе

направ

—

ным го

Св

лицо

темны

свет.

свет

—

приш

я гото

—

броси

О

вого,

вила свои шаги к тому холмику, на котором она видела фуру белого человека, в смутной надежде найти ее там еще на месте. Она медленно пошла вперед, пока не наткнулась на что-то мягкое и теплое, и тут же убедилась, что это был бык, привязанный к дышлу; за ним лежал другой бык, и виднелся белый полог фуры.

Итак, фура была еще здесь! Но где же был белый? Скрытая густым туманом, Бенита подползла к фуре. Затем, не слыша и не видя ничего, она вскарабкалась на подножку; став на колени, она раздвинула немного половинки занавески и заглянула внутрь. Но разобрать что-нибудь было трудно из-за стоявшего еще тумана; зато она услышала знакомые звуки ровного дыхания спящего человека. Почему-то она решила, что это был белый; кафр не мог бы так дышать во сне. Она не знала, на что решиться, поэтому оставалась на месте, не вставая с колен. По-видимому, спавший почувствовал присутствие постороннего; он что-то начал бормотать во сне — не было никакого сомнения, слова были произнесены по-английски. Вдруг он спохватился, чиркнул спичкой и зажег свечу, воткнутое в горлышко бутылки. Она не могла видеть его лица, когда он зажигал спичку, потому что он заслонял его рукой; свеча разгоралась медленно. Но первое, что она увидела, было дуло револьвера, направленное прямо на нее.

— Послушай-ка, дружище! — сказал белый приятным голосом, — уходи отсюда, или я выстрелю. Раз, два!..

Свеча вспыхнула, свет ее упал на бледное, призрачное лицо Бениты, по сторонам которого струились вниз ее темные длинные волосы; ее большие глаза отразили свет. Но она все еще ничего не могла различить, так как свет слепил ее.

— О боже! — повторил голос. — Бенита, Бенита, пришла ли ты сказать мне, чтобы я пошел за тобою? Да, я готов, милая, дорогая! Я услышу, наконец, твой ответ.

— Да, — прошептала она, и, сорвав полог, Бенита бросилась на его грудь.

Она узнала его — она не знала, живого или мертвого, — но она его нашла.

Бенита дает ответ

— Ваш ответ, я жду его, Бенита,— сказал Роберт в полусне, ибо все происходившее казалось ему сном.

— Да разве я его уже не дала тогда, давно? Я хорошо помню, что ответ готов был сорваться с уст, но только он был в сердце в тот миг, когда меня поразила удар в голову! Я слышала о вашем поступке и чуть было не умерла с горя. Мне жаль было, что я не умерла с вами, но я не могла умереть, я была слишком здорова; теперь же я понимаю, почему не умерла. Мы оба живы, и, что бы ни случилось с нами, вот мой ответ вам, если он еще имеет для вас цену. Я люблю вас, люблю навсегда. Мне не стыдно сказать это вслух, потому что нам, может быть, придется еще расстаться навсегда. Но я не могу терять время, я пришла сюда, чтобы привести помощь моему отцу.

— Где он, Бенита?

— Он умирает в пещере там, на верхушке горы. Я сошла сюда потайным путем. Здесь ли еще матабеле?

— К сожалению, еще здесь,— ответил он.— У них там что-то произошло. С час тому назад меня разбудил мой караульный и сказал мне, что от их вождя, Лобенгулы, пришел посланец с какой-то вестью, о которой они сейчас толкуют. Вот почему вам удалось пробраться сюда незамеченной, иначе часовые убили бы вас без сожаления.— Он привлек ее к себе и страстно поцеловал, затем, точно застыдившись, отпустил ее.

— Нет ли у тебя чего-нибудь поесть? — спросила она.— Я... я ужасно голодна. Я этого прежде не чувствовала, только теперь...

— Голодна, ты голодна, а я... вот, возьми немного холодной говядины, которую я не доел вчера ночью; я собирался отдать ее кафрам. Господи! Мне приходится кормить тебя грубой пищей кафров! Но ничего, поешь, подкрепишься.

Бенита взяла пальцами кусок говядины и стала с жадностью его есть; уже несколько дней жила она только кусочками сухаря и сушеным мясом. Говядина показалась ей превосходной — ей казалось, что никогда до того она не ела ничего вкуснее. Пока она ела, он смотрел на нее горящими глазами.

— Как можешь ты смотреть на меня? — спросила она наконец.— У меня, должно быть, ужасный вид; я

жила в темноте, мне пришлось шлепать в грязи. Я даже наступила на крокодила! — Она вздрогнула.

— Какая бы ты ни была, я хочу тебя видеть такой, какая ты есть, — ответил он тихим голосом. — Для меня ты всегда прекрасна.

Даже в этом своем несчастном положении бедняжка густо покраснела при этих словах, в ее глазах виднелась грусть, когда она подняла глаза на него.

— Спасибо. Я не хочу думать о том, что со мною будет, а то, что было, — прошло. Но нельзя ли нам отсюда уйти?

— Не знаю, — ответил он, — но мне кажется это трудным. Выйди и посиди снаружи на козлах несколько минут, пока я оденусь, а там посмотрим.

Бенита вышла. Туман редел, и теперь она увидела зрелище, от которого в сердце у нее похолодело: вдоль реки, между нею и холмом Бамбатсе, к их лагерю тянулись толпы матабеле. Они были отрезаны от крепости. Через минуту-две Роберт вышел к ней; она взглянула на него глазами, полными тревоги. Он казался постаревшим с того времени, когда они расстались на «Занзибаре»; он изменился также лицом, стал серьезнее и отрастил бороду; кроме того, он прихрамывал.

— Боюсь, что пришел наш конец, — сказала она, указывая на матабеле.

— Да, похоже на то... Ну что ж, я скажу, как ты: теперь мне все это нипочем. — Он взял ее руку в свою и прибавил: — Будем счастливы в те немногие минуты, которые нам остается прожить. Они скоро будут здесь.

— Каким образом ты здесь очутился? — спросила она. — Ты пленник?

— К сожалению. Я отправился за вами вслед, так как эта дорога была мне уже знакома; тут я и попал в их руки. Они уже собрались было убить меня, но тут одному из них, который оказался поумнее своих товарищей, пришло в голову, что я, как белый, могу им быть полезен, посоветовав, как взять приступом эту крепость. Я был уверен, что ты здесь, потому что видел тебя на верхушке конуса, хотя они думали, что видят призрак Бамбатсе. Поэтому я не очень торопился помочь им: ты ведь знаешь, как поступают матабеле с побежденными. Но так как я знал, что ты жива, то и умирать тоже не торопился. Я решил заставить их пробивать подкоп в граните копьями и острыми секирами. До сих пор они пробили ход футов в двадцать длиною, а всего еще остается

прорыть, я думаю, не меньше ста сорока футов. Вчера ночью они выражали недовольство этой утомительной работой и даже грозились убить меня, если я не укажу им другого способа. Как видишь, дело плохо, и я не знаю выхода. Ну, вот они и здесь. Спрячься в фуру, скорее!

Бенита повиновалась; из-под полога, незаметно для матабеле, она могла наблюдать их и слышать. Приблизившийся к ним отряд черных состоял из начальника и человек двадцати воинов, шедших за ним в качестве охраны. Бенита узнала начальника. Это был Мадуна, которого она спасла от смерти в Бамбатсе. Рядом с ним шел зулус из Наталя, сопровождавший Роберта Сеймура в качестве погонщика волов; он говорил по-английски и теперь служил переводчиком.

— Белый,— сказал Мадуна,— к нам пришла весть от нашего повелителя. Лобенгула должен идти войной и нуждается в нас. Он приказывает нам бросить эту мелочную борьбу с трусами, которые прячутся за стенами и которых мы убили бы всех до одного, если бы даже пришлось здесь оставаться до седых волос. Но на этот раз нам приходится уйти.

Роберт ответил вежливо, что он рад слышать это и желает им счастливого пути.

— Ты бы лучше пожелал самому себе счастливого пути, белый,— был мрачный ответ.

— Как? Разве ты желаешь, чтобы я сопровождал тебя к Лобенгуле?

— Нет, ты пойдешь впереди нас к Черному, который еще сильнее, чем Лобенгула, и которого зовут Смертью.

Роберт скрестил руки на груди и сказал:

— Я слушаю.

— Белый, я обещал сохранить тебе жизнь, если ты научишь нас взять эти стены или сделать подкоп. Но ты смеялся над нами — ты заставил нас пробивать скалу копьями и топорами. Да, рыть скалу, как будто бы это была земля, между тем как вам, белым, известны гораздо лучшие способы. Теперь нам приходится вернуться к нашему повелителю с пустыми руками и навлечь на себя его гнев за то, что не выполнили задачи. Поэтому ты должен умереть. Сойди вниз и прими смерть от нас, а мы узнаем, есть ли в тебе мужество.

В то время как Роберт собирался выхватить револьвер, Бенита быстрым движением выскользнула из-под полога и встала рядом с ним на козлах.

— О,— сказал начальник,— ведь это белая жен-

щина! Но
ством. Раз
Матабеле

— Как
Мадуна? —
скажу, для
шать тебе
навлечь
подарил
готовы бы
вают козу

— И
нимая св
и никто

— А

— Де

и твоё и

— К

раб маш

худшее

воришка

вину цен

обещал

принадл

был сви

— У

глядя н

рукою и

слабая,

жизнь

—

ответил

спасла

обещал

за мен

—

мне др

слово

стары

в нас

сами

—

это б

на во

карау

щина! Но как она сюда попала? Не иначе как волшебством. Разве женщины умеют летать, как птицы?

Матабеле смотрели на нее, пораженные.
— Какое тебе дело до того, как я сюда попала, Мадуна? — ответила она по-зулусски. — Но я тебе скажу, для чего я сюда пришла. Я пришла, чтобы помешать тебе обогреть твоё оружие невинной кровью и тем навлечь гибель на ваши головы. Отвечай мне, кто подарил жизнь тебе и тому воину, когда макаланга готовы были разорвать вас в клочки, как гиены разрывают козу? Не я ли?

— Инкоси-каас, госпожа, — ответил начальник, поднимая своё копье в знак приветствия. — Это была ты, и никто другой.

— А что ты обещал мне, Мадуна?

— Девушка, я обещал тебе сохранить твою жизнь и твоё имущество, если бы ты попала в мои руки.

— Как может начальник воинов матабеле лгать, как раб машона или макаланга? Как может он сделать ещё худшее — говорить лишь наполовину правду, как мелкий воришка, который покупает вещь и платит только половину цены? — спросила она с насмешкою. — Мадуна, ты обещал мне не одну жизнь, а две, две жизни и имущество, принадлежащее обоим. Спроси своего брата, который был свидетелем твоего слова.

— Что это такое? — пробормотал Роберт Сеймур, глядя на Бениту которая стояла с протянутой вперед рукою и с глазами, полными огня. Кто бы подумал, чтобы слабая, изможденная женщина могла так играть с жизнью и смертью?

— Эта дочь белого начальника говорит правду, — ответил воин, к которому она обратилась. — Когда она спасла нам жизнь и вырвала нас из когтей этих собак, ты обещал подарить ей две жизни, одну за себя и другую за меня.

— Ты слышал, — продолжала Бенита. — Он обещал мне две жизни, а теперь посмотрите, как держит своё слово начальник благородной крови! Когда я со своим старым отцом мирно ехала в этих местах, он бросал в нас копья, он гнался за нами. Зато в капкан попали сами преследователи, а не дичь.

— Девушка, — ответил Мадуна со смущением, — это была твоя ошибка, а не моя. Я бы тебя отпустил на волю, если бы ты обратилась ко мне. Но вы убили караульного, и тогда началась погоня за вами; прежде

чем я узнал, в чем дело, мои воины успели убежать далеко вперед.

— У меня не было времени, чтобы искать у тебя спасения; но пускай так,— сказала Бенита.— Я верю тебе и прощаю обиду. Теперь исполни свое обещание. Уходи и оставь нас в покое.

Но Мадуна все еще колебался.

— Я должен доложить об этом нашему вождю.— Что он тебе, этот белый, что я должен пощадить его? Я дарю тебе твою жизнь и жизнь твоего отца, а не этого человека, который обманул нас. Если бы он был твоим отцом или твоим братом — другое дело. Но он чужой, он принадлежит мне, а не тебе.

— Мадуна, разве на меня похоже, чтобы я делила место в фуре с чужими? Этот человек для меня больше, чем отец и чем брат: он мой муж, и я требую его жизни.

— О,— обратился переводчик к воинам, слушавшим их.— Теперь я понимаю. Она его жена и имеет право на него. Если бы она не была его женою, она бы не жила в его фуре. Ясно, что она говорит правду, хотя мы не знаем, как она сюда попала. Может быть, она колдунья,— сказал он, смеясь своей догадливости.

— Инкоси-каас,— сказал Мадуна,— ты меня убедила. Я дарю тебе жизнь этой белой лисы, твоего мужа, и я надеюсь, что он не станет обманывать тебя, как обманул нас, и не заставит рыть скалу вместо земли,— тут он злобно посмотрел на Роберта.— Я дарю его тебе и все его пожитки. Нет ли у тебя еще какой-нибудь просьбы?

— Есть,— ответила холодно Бенита.— Вы забрали у макаланга много быков. Мои быки съедены, и у меня нет скота, чтобы запрячь в фуру. Я прошу дать мне двадцать быков,— сказала она и тут же прибавила: — и двух коров с молочными телятами, потому что мой отец болен и нуждается в молоке.

— Дайте ей все, чего она просит, дайте ей,— сказал Мадуна с трагическим жестом, который при других обстоятельствах заставил бы ее рассмеяться.— Дайте ей все это и смотрите, чтобы она была довольна, иначе она еще попросит наши щиты и копья, ведь она спасла мою жизнь.

Несколько человек отправились за коровами и быками, которые через несколько минут пришли.

Пока происходил разговор, большие толпы матабеле готовились к походу. Теперь они начали проходить

отрядами; в
ными котла
скот и ове
колдунье,
неведомой
в палатку
знали, что
ренных ма
уму и хра
Когда они
ственные
выразить
на козлах

Поистин
представл
едва ли

Након
человек в
Роберту

— Сл
гранит,—
знул в эт
тишься,
он, — но
рят о се
чтобы ч
один?

— Н
вызова,
как ты?
во время
Маду
Бените:

— Я
встретил
ли ты м
с языко

— Т
хочу от
повелит
оставит
женной
которую

перене

отрядами; во главе их шли юноши с носилками и походными котлами на руках, гоня перед собою захваченный скот и овец. К этому времени весть о Бените, белой колдунье, которую они не осмелились убить и которая неведомой силой была перенесена с верхушки скалы в палатку их пленника, разнеслась среди них. Они знали, что это она вырвала их начальника из рук разъяренных макаланга, а те, кто ее слышал, удивлялись ее уму и храбрости, с которой она отстаивала свое право. Когда они проходили перед белыми, распевая свои воинственные песни, они потрясали своими копьями, чтобы выразить свое уважение Бените, стоявшей в это время на козлах.

Поистине проходившие перед нею черные воины представляли величественное и редкое зрелище, которое едва ли видела какая-нибудь другая белая женщина.

Наконец все ушли, за исключением Мадуны и отряда человек в двести. Он подошел к фуре и обратился к Роберту Сеймуру.

— Слушай, белая лиса, заставившая нас грызть гранит,— сказал он с негодованием.— Ты от нас ускользнул в этот раз, но знай, что если еще раз нам встретишься, то умрешь. Я тебе подарил жизнь,— прибавил он,— но если ты действительно так храбр, как говорят о себе белые мужчины, то не сойдешь ли вниз, чтобы честно помериться со мной силою, один на один?

— Не могу,— ответил Роберт, когда он понял смысл вызова,— как я могу равняться с таким могучим воином, как ты? Кроме того, моя жена нуждается в моей помощи во время обратного путешествия домой.

Мадуна с презрением отвернулся от него и сказал Бените:

— Я уйду, тебе больше нечего бояться; ты не встретишь больше матабеле на своем пути. Не скажешь ли ты мне еще несколько слов на прощанье, красавица с языком, как масло, и с умом, как пожар?

— Ты поступил хорошо по отношению ко мне, и я хочу отплатить тебе тем же. Передай мои слова твоему повелителю от белой колдуньи Бамбатсе: пускай он оставит в покое племя макаланга и не поднимает вооруженной руки против белых, иначе его поразит кара, которую пророчил ему старый Молимо.

— А, теперь я понимаю,— сказал Мадуна,— как ты перенеслась сюда с вершины скалы. Ты не белая жеи-

щина, ты сам дух скалы Бамбатсе. Привет тебе, древний дух, благодарю тебя за предупреждение. Прощай.

Он ушел вслед за войском матабеле во главе своего отряда; теперь они остались совершенно одни с тремя зулусскими слугами и стадом быков.

Теперь, когда она сыграла свою роль и одержала победу, Бенита разрыдалась и бросилась на грудь Роберта.

Но она тут же опомнилась и высвободилась из его объятий.

— Какая я скверная эгоистка! — сказала она. — Как я смею быть счастливой, когда мой отец умирает? Идем скорее!

— Куда? — спросил удивленно Роберт.

— Куда же, как не на верхушку холма, откуда я пришла сюда? О, пожалуйста, не расспрашивай меня, я все тебе расскажу дорогою. Эй, слушай, — крикнула она поводырю-зулусу, который в эту минуту занят был доением одной из коров и собирался наполнить две фляги молоком.

— Не лучше ли нам крикнуть макаланга, чтобы они нас к себе пустили? — спросил Роберт, в то время как Бенита собирала фляги с молоком и немного вареного мяса в платок.

— Нет-нет, они подумают, что я взаправду то, за что себя сейчас выдавала, колдунья со скалы Бамбатсе, появление которой предвещает беду. Кроме того, мы не сможем взобраться на верхнюю стену. Следуй за мной, и, если ты доверяешь зулусам, возьми двух из них с собой с фонарями. Третий может остаться присмотреть за быками.

Три минуты спустя они в сопровождении двух зулусов чуть не бегом пробирались берегом реки Замбези.

— Отчего ты так медленно идешь? — говорила она с нетерпением. — О, прости меня, ведь ты хромаешь. Роберт, отчего ты стал хромать и как ты остался жив — ведь мне все говорили, что ты, мой герой, умер? Я знаю эту часть твоей истории.

— Очень просто, Бенита, я и не думал умирать. Когда кафр снял с меня часы, я только был в бессознательном состоянии, вот и все. Солнце привело меня в чувство. Потом там очутилось несколько туземцев, они очень хорошо со мною обращались, хотя я не понимал ни слова из того, что они говорили. Они из ветвей сплели носилки и отнесли меня в свою деревню, на несколько миль

в глубь стр
было слом
Там кафр-
срослась,

Среди
вокруг на
и был, то
я еще цел
где я счи
отца, Роо
отправили
рых я рас

Я шел
рых вы
о вашем
как говор
матабеле.

Они
появилас
нечной з
слышал
убежали
были уве
популяр
внимани
вать мен
не так л

— Д
Они
беседу,
нита вз
росший
удалось
в виде
ее фона
как она

и, если

в глубь страны. Это было очень больно, потому что у меня было сломано бедро, но наконец мы прибыли на место. Там кафр-костоправ вылечил меня на свой образец; кость срослась, но нога стала на дюйм короче, чем другая.

Среди черных я провел добрых два месяца, так как вокруг на сто миль не было ни одного белого, а если бы и был, то я бы не мог сообщаться с ним. После того я еще целый месяц ковылял по направлению к Наталю, где я считаюсь мертвым, я поспешил на ферму твоего отца, Роой Кранц, где я узнал от тетки Салли, что вы отправились все на поиски сокровищ, тех самых, о которых я рассказывал тебе на борту «Занзибара».

Я шел по вашим следам, встретил ваших слуг, которых вы отослали назад, и от них узнал подробности о вашем путешествии; дальше, после ряда приключений, как говорится в книгах, я попал в лагерь наших друзей матабеле.

Они было собирались убить меня, когда вдруг ты появилась на верхушке скалы, вся залитая лучами солнечной зари. Я понял, что это была ты, потому что слышал о вашей попытке к бегству и о том, как вы убежали от погони обратно в крепость. Но все матабеле были уверены, что это был дух скалы, который очень популярен в этой местности. Это на время отвлекло их внимание от меня, а затем им пришло в голову использовать меня в качестве инженера. Окончание тебе известно, не так ли?

— Да,— сказала Бенита тихим голосом.

Они вошли в камыши и должны были прекратить беседу, потому что вынуждены были идти гуськом. Бенита взглянула вверх и увидела над головой терновник, росший в расщелине скалы. С некоторым усилием ей удалось отыскать пучок камышей, который она оставила в виде отметки места входа в пещеру; тут же находился ее фонарь. Ей казалось, что прошли недели с тех пор, как она отсюда вышла.

— Теперь,— сказала она,— зажги свечи в фонарях и, если увидишь крокодила, выстрели.

ГЛАВА XXIV

Истинное золото

Пусти меня вперед, — сказал Роберт.

— Нет, — возразила Бенита, я знаю дорогу; но смотри, пожалуйста, чтобы нам не попались эти ужасные крокодилы.

Она опустилась на колени и стала пробираться в отверстие пещеры, за нею следовал Роберт, а за ним оба зулуса, которые ворчали, что они не муравьеды, чтобы ползти под землей. Подняв фонарь, она осмотрела внутренность пещеры; не найдя там крокодилов, смело вошла внутрь и стала подниматься по лестнице.

— Скорее, — шепнула она Роберту; казалось, что это место располагало к тихой речи, — мой отец ждет меня там, наверху, он близок к смерти. Я ужасно боюсь, что мы придем слишком поздно.

Они стали взбираться по бесконечной лестнице; шествие их отличалось весьма странным видом, оба зулуса, совсем не трусы на открытом месте, дрожали от страха; наконец Бенита вышла из люка в сокровищницу и повернулась, чтобы помочь взойти Роберту которому хромота мешала двигаться свободно.

— Что это такое? — спросил он, указывая пальцем на кожаные мешки, в то время как они ждали, пока оба зулуса подспеют за ними.

— Ах, здесь, кажется, все золото, — ответила она равнодушным тоном. — Смотри, вот несколько золотых вещиц на полу, подле следов ноги Бенита да-Фаррейра.

— Золото! Да ведь здесь богатства! Но кто это такая Бенита да-Фаррейра?

— После все тебе расскажу. Она умерла двести или триста лет тому назад; все это золото принадлежало ей или ее родным, а здесь вот следы ее ног в пыли. А впрочем, ведь ты ничего еще не знаешь. Брось, не обращай внимания на этот хлам, пойдем скорее!

Они прошли в дверь, которую она открыла в это утро, и взобрались по последней лестнице наверх. Бенита была так полна тревоги, что не заметила, как прошла этот путь: то ей казалось, что вход в пещеру окажется закрытым; то, что отец ее уже мертв; то, что Якобу Майеру удалось пробраться туда. За себя теперь она больше не боялась, Майер ей не был страшен. Наконец они у входа: нижняя часть ног распятия, конечно, за-

крыла бы вход, если бы она не догадалась задержать падение камня осколком скалы.

— Отец, отец, — вскричала она, бросаясь к палатке.

Ответа не было. Она рванула в сторону полог, опустила фонарь и посмотрела. Он лежал белый и неподвижный. Она пришла слишком поздно!

— Он умер, он умер! — зарыдала она. Роберт опустился на колени рядом с нею и внимательно осмотрел старика. Бенита ждала с трепетным сердцем.

— Похоже на то, — сказал он тихо, но все-таки я не совсем уверен, Бенита. Мне кажется, что сердце его бьется. Налей-ка немного водки из бутылки и смешай ее с молоком.

Она повиновалась; в то время как он поддерживал голову старика, она дрожащей рукой вливала жидкость в его рот. Вначале вся она выливалась наружу, затем он стал бессознательно глотать ее, они убедились, таким образом, что он жив; это их переполнило счастьем. Через десять минут Клиффорд сидел на своем ложе и смотрел на них тупым, непонимающим взором; оба зулуса, оставшиеся снаружи, в пещере, были до того напуганы окружающей обстановкой, что не переставали завывать и жаловаться, что их привели сюда на погибель; они не спускали глаз с кучи костей и черепов, лежавшей в дальнем углу, и до смерти боялись появления духов и привидений.

— Кто это там шумит, не Якоб ли? — спросил слабым голосом мистер Клиффорд. — Мне кажется, что его лицо мне знакомо.

— Это тот белый, которого я видела с фурией, когда стояла на скале, наверху. Роберт, не можешь ли ты заставить замолчать этих кафров? Мне, впрочем, понятно, почему они плачут; я тоже была недалеко от того несколько дней тому назад. Отец, отец, разве ты меня не понимаешь? Ведь мы спасены, спасены, мы вырваны из зубов смерти.

— Разве Якоб Майер умер? — спросил он.

— Я не знаю, где он и что с ним, да и не интересуюсь этим. Впрочем, может быть, нам следовало бы разузнать о нем. Послушай, Роберт, там, за этим заграждением, ходит на воле один сумасшедший. Прикажи кафрам разобрать эту стену и поймать его.

— Какая стена? Какой сумасшедший? — спросил он, глядя на нее с изумлением.

— Ах, я и забыла, что тебе ничего не известно. Сей-

час я покажу тебе, но ты должен подготовиться, потому что он может выстрелить в нас.

— Я вижу, что это дело не совсем безопасное, не так ли? — спросил Роберт.

— И все-таки нам придется решиться. Мы теперь не можем снести моего отца вниз по лестнице, а без воздуха и солнца он здесь, наверно, умрет. Этот человек там, снаружи, Якоб Майер, его компаньон, — ты, может быть, припоминаешь? Все эти прошедшие недели он из кожи лез, чтобы отыскать клад, и на этом помешался; он вздумал гипнотизировать меня и..

— И что? Преследовать своей любовью?

Она кивнула головой и продолжала:

— Так как я не соглашалась добровольно подвергаться гипнозу и всем его штукам, то он стал угрожать смертью моему отцу. Нам пришлось укрыться в этой пещере и забаррикадировать выход. Так это продолжалось, пока я не нашла выход наружу,

— Видно, каким он был любезным господином, этот Якоб Майер, таким и остался, — сказал Роберт, вспыхивая. — И подумать только, что ты находилась во власти такого негодяя. Ладно, я еще разделаюсь с ним.

— Прошу тебя, мой друг, не делай ему вреда, если в этом нет надобности: ведь он в невменяемом состоянии. Он дошел до того, что ему видятся призраки.

— Если только он сам не будет держать себя в границах, иначе ему придется отведать кое-чего, — пробормотал Роберт.

Они прошли в глубь пещеры и, сохраняя наивозможную тишину, начали разбирать стену; в несколько минут был разрушен труд, потребовавший многочасовых усилий. Когда стена была почти вся разобрана, зулусам объяснили, что снаружи имеется враг, которого они должны схватить, не причиняя ему, однако, вреда. Они охотно согласились на это; только чтобы выйти из этого ужасного подземелья, они готовы были напасть на дюжину врагов.

Когда в стене образовался проход, Роберт попросил Бениту отойти в сторону; как только его глаза привыкли к слабому свету, проникавшему снаружи, он вынул револьвер и сделал знак кафрам следовать за ним. Они стали подвигаться в проходе очень медленно, чтобы дневной свет не ослепил их сразу; Бенита ждала, что будет, с бьющимся сердцем.

Прошло еще немного времени, но она не могла себе

отдать от
ружейным
жала по и
увидела
мися по
сторонам
ного из
Бенита в
и колен.

— Не
Майер, —
лить ему
сделал э
я подход
выстрели
он, пока

— К
пришлось

Бени
годарно
вала ее.

Он л
его за р
и опухл
огня и

— Я
к Робер
Иначе

— Д
это вер
ревку
этом ка

Они
и креп

—
без ка
языком

Тро
лодцу
посуди

Остави
Роберт
чайши

Клиф
тенью

отдать отчета — сколько. Вдруг тишина была нарушена ружейным выстрелом. Бенита не выдержала: она побежала по извилистому проходу. Очутившись у выхода, она увидела Майера и Роберта сцепившимися и катавшимися по земле, в то время как оба кафра прыгали по сторонам, стараясь улучшить момент, чтобы схватить одного из них. Это им удалось в ту самую минуту, когда Бенита вышла; Роберт встал, стряхивая пыль с рук и колен.

— Нечего сказать, приветливый господин, этот Якоб Майер, — повторил он свои слова. — Ведь я мог выстрелить ему в спину, когда он стоял передо мной, но я не сделал этого, так как ты меня о том просила. Когда я подходил со своей хромой ногой, он повернулся и выстрелил в меня из ружья. Вот, посмотри, — сказал он, показывая ухо, которое было задето пулей.

— К счастью, я успел схватить его прежде, чем ему пришлось выстрелить снова.

Бенита не находила слов, сердце ее было полно благодарного чувства. Она схватила руку Роберта и поцеловала ее. Потом посмотрела на Якоба.

Он лежал навзничь, оба здоровенных зулуса держали его за руки и за ноги; губы его растрескались, посинели и опухли; лицо его потемнело, только глаза были полны огня и ненависти.

— Я вас знаю, — обратился он хриплым голосом к Роберту. — Вы тоже призрак, призрак того, кто утонул. Иначе моя пуля уложила бы вас.

— Да, мистер Майер, — ответил Роберт Сеймур, — это верно, я призрак. Ну-ка, братцы, возьмите эту веревку и свяжите его хорошенько да обыщите. Вот в этом кармане у него револьвер.

Они повиновались. Вскоре Майер был обезоружен и крепко привязан к дереву.

— Воды, — простонал он. — Целые дни я оставался без капли воды и жил только росой, которую собирал языком с листьев.

Тронутая его страданиями, Бенита побежала к колодцу и скоро вернулась с водой. Один из кафров поднес посудину к его губам, и он с жадностью выпил воду. Оставив одного зулуса караулить пленника, Бенита с Робертом и другим зулусом вернулись в пещеру. С величайшими предосторожностями они перенесли мистера Клиффорда на его тюфяке наружу, положили его под тенью скалы; он слабым голосом благодарил их за то, что

они дали ему возможность еще раз насладиться светом дня. При виде старика ярость Майера загорелась с новой силой.

— Как жаль, что я не убил вас раньше, — прошипел он, — она бы давно была моею. Это вы стояли между мною и ею.

— Послушайте, дружище, — перебил его Роберт, я вам все прощу, но если вы будете болтать о мисс Клиффорд, то я не посмотрю на то, помешанный вы или нет, и отдам вас в распоряжение этих кафров, которые разделаются с вами, как вы того заслуживаете.

Якоб Майер понял и замолчал. Ему дали еще попить и поесть из того, что они принесли с собой; все это он проглотил с жадностью.

— В состоянии ли вы теперь слушать спокойно? — спросил Роберт, когда тот окончил еду. — Тогда слушайте: я вам могу сообщить приятную новость; сокровища, которые вы так долго искали, нашлись наконец. Мы дадим вам половину их, дадим вам также одну из фур и несколько быков, чтоб вы могли убраться отсюда навсегда; и если только я встречу вас прежде, чем достигнем цивилизованной страны, то застрелю вас, как собаку.

— Вы лжете! — сказал Майер мрачно. — Вы хотите заставить меня уйти в эти дикие места, чтобы меня убили макаланга или матабеле.

— Хорошо, — сказал Роберт. — Развяжите его, молодцы, и ведите за мной. Пусть посмотрит, лгу ли я.

— Куда они меня собираются вести? — спросил Майер. — Не в пещеру ли? Я не хочу идти в пещеру.

— Ведите его. Нет-нет, Бенита, пускай он убедится, лгу ли я.

Фонари были зажжены, и оба рослых зулуса потащили Майера; за ними следовали Роберт с Бенитой. Сперва Якоб старался вырваться, но, увидев, что это ему не удастся, покорился и пошел, стуча зубами от страха.

— Это жестоко, — запротестовала Бенита.

— Это ему не повредит, — ответил Роберт. — Это очень слабое искупление за те страдания, которые он причинил другим. Наконец он увидит то, что так пламенно хотел видеть.

Они подвели Якоба к подножию распятия, затем протолкнули его в проход под отодвинутой плитой и повели вниз по ступеням; так они дошли до сокровищницы.

— Вот смотрите, — сказал Роберт и, вынув свой охотничий нож, разрезал один из кожаных мешков, откуда посыпались струею слитки золота. — Ну что, я лгун, по-вашему? — спросил он.

При виде всех этих богатств, казалось, страх оставил Майера, и во взоре его заблестела хитрость.

— Какое великолепие! — сказал он. — Ведь это превосходит все то, о чем я мечтал, — горы золота! Я просто стану царем! Нет, нет, все это сон, как и все остальное. Я никак не могу этому поверить. Развяжите мне руки, чтобы я лично убедился в том, что не грежу.

— Развяжите его, — сказал Роберт, вынимая в то же время револьвер и направляя на него дуло, — не бойтесь, он нам не может быть опасен.

Кафры повиновались. Почувствовав себя свободным, Якоб бросился к распоротому мешку и погрузил свои руки в золото.

— Это не сон, не сон! — закричал он, зарывая руки в слитки металла. — Золото, золото! Сотни, тысячи фунтов золота.

— Давайте делиться, молодой человек. Я не стану вас убивать, как хотел было. Берите себе барышню, а мне уступите все золото, — сказал он, перебирая в экстазе слитки жадными руками.

— Новая версия мифа о Данае, — начал Роберт с саркастической улыбкой и вдруг остановился, так как лицо Якоба внезапно изменилось.

Под загаром лицо его стало землисто-серым, глаза выкатились, все его тело дрожало, как в лихорадке. Он свалился бы в открытый люк, если бы один из кафров не оттолкнул его в сторону. Он уперся в стену, где и оставался недвижим с полминуты. Наконец глаза его закатились, и, не проронив ни единого звука, он грохнулся ничком и замер.

Вся эта сцена была так ужасна, что оба кафра с воем выбежали из пещеры и пустились наутек вверх по лестнице. Роберт бросился к нему, перевернул его на спину, положил руку на его грудь и приподнял веки.

— Мертв, — сказал он. — Голод, мозговое возбуждение, сердце — все вместе убило его.

— Может быть, и так, — сказала Бенита слабым голосом. Она тоже повернулась и поспешно вышла.

Прошла еще неделя. Фуры были нагружены всем неисчислимым богатством, найденным в сокровищнице португальцев. В одной из них, на настоящем ложе из

золота, покоем мистер Клиффорд, еще больной и слабый, но в лучшем состоянии, чем был неделю тому назад; он даже подавал надежду на выздоровление, хотя бы временное.

Роберт и Бенита стали готовиться к отъезду. Она прикоснулась к его руке и сказала:

— Пойдем со мной. Мне захотелось в последний раз посмотреть на это место, прежде чем расстаться с ним.

Они взобрались на холм и оттуда по крутым ступенькам на самую верхнюю стену крепости, которая одно время была забаррикадирована Майером и теперь опять была свободна. Они спустились со стены внутрь. В пещере валялись остатки заграждения, которое Бенита выстроила своими руками, стоял жертвенный алтарь, холодный и серый, как стоял он, может быть, тысячелетия, там была разрытая могила монаха, нашедшего себе теперь товарища, ибо Маейр нашел свое последнее ложе рядом с ним; тела их были скрыты под обломками скалы, взорванной им в лихорадочных поисках золота. Только кости погибших португальцев исчезли: Роберт с помощью кафров перенес их в опустевшую сокровищницу, затем завалил спуск, закрыл плитой проход, чтобы ничто более не нарушало их покоя.

Они пробыли недолгое время в этом печальном месте, потом, повернувшись, чтобы никогда более сюда не возвращаться, взобрались еще на гранитный конус, чтобы приветствовать с высоты его восходящее над ширию реки солнце. Оно снова вошло во всей своей красе, как в тот день, когда озарило своими лучами отчаявшуюся Бениту и англичанина, которого с этого места Бенита видела в то самое время, когда его схватили воины матабеле.

Как разнилось их теперешнее положение от того, в котором они так недавно находились! Стоя на этой возвышенной точке, откуда, может быть, некогда сбрасывались в воду несчастные жертвы, откуда бросилась вниз, ища смерти, португальская девушка, они еще острее почувствовали сладость избавления от всех опасностей, которые им угрожали. Позади них оставался ужас и мрак подземелья, по их ногам стлался туман в долине, но зато над ними восходило блистающее светило и расстилались вечные небеса!

Когда они сошли со скалы, то увидели у подножия ее старого человека, сидевшего на земле. Это был Молимо, вождь макаланга; еще издалека они узнали его

белоснежи
Подойдя к
крыты. Бе
услышал и
— Дев

думаю о те
сделаться
Я говорил
хотя смер
спасешься
этот моло
мы еще во
ством и
между те
с терпении

— Мн
зала Бен

— Я

Он вст
продолжа

— Де

тимся. Но
мени, при
дется уз
впереди
Золото,
руках и
лодного.

сердцах:
любовь п
нуждают

Глаза
которые,
гоняли

белоснежную голову и худощавое, изможденное лицо. Подойдя к нему, они увидели, что глаза его были закрыты. Бенита шепнула Роберту, что он спит. Но он услышал их и отгадал мысль Бениты.

— Девушка,— сказал он,— я не сплю, а только думаю о тебе, как думал прежде. Девушка, ты готовишься сделаться женою. Помнишь, что я тебе предсказывал? Я говорил тебе, что для тебя придет радостный час, что хотя смерть тебе будет грозить со всех сторон, но ты спасешься. Ты тогда усомнилась в моих словах, как этот молодой белый усомнился, когда я ему сказал, что мы еще встретимся. Ты пыталась спастись отсюда бегством и наполнила свою душу страхом и отчаянием, между тем как следовало ждать благополучного конца с терпением и упованием.

— Мне пришлось слишком много перенести,— сказала Бенита,— я страдала не от воображаемых бед.

— Я знаю это, и ты шла правой стезею.

Он встал и, положив сморщенную руку на ее плечо, продолжал:

— Девушка, мы больше с тобой на земле не встретимся. Но, так как ты принесла избавление моему племени, прими мое благословение навеки. Еще тебе придется узнать и тревогу и горе, но все же тебя ждет впереди счастливая жизнь, которую ты так заслужила. Золото, которое вам досталось, увеличится в ваших руках и будет служить для облегчения голодного и холодного. Но гораздо лучший клад заключается в ваших сердцах: клад добра и любви. Когда вы будете спать, любовь поведет вас в сновидениях в те места, где люди нуждаются в утешении и в помощи.

Глаза Роберта и Бениты следили за полетом птиц, которые, казалось, своими лучезарными крыльями прогоняли темные, сумрачные призраки минувшей ночи.

Литературно-художественное издание

ХАГГАРД Райдер

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ
ЛЕДЯНЫЕ БОГИ

БЕНИТА

Романы

Редактор Р. А. Кострюкова

Художник Н. Н. Гульковский

Технический редактор В. И. Демьяненко

Корректор З. Б. Бунис

Сдано в набор 04.02.92. Подписано к печати 01.06.93. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарн. Тип Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 29,40. Усл. кр.-отт. 29,61. Уч.-изд. л. 31,39. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1163.

Социально-коммерческая фирма «Человек»
199053, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 1/10.

Ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформ-
печати РФ. 198052, г. Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 29

БЕНИТА

